

21. 800

9, 23

В. Ю. Франчук

В. Ю. Франчук КИЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

1
Ф-84

В. Ю. Франчук

КИЕВСКАЯ
ЛЕТОПИСЬ

1884

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ им. А. А. ПОТЕБНИ

В. Ю. Франчук

КНЕВСКАЯ
ДЕТОПИСЬ

СОСТАВ И ИСТОЧНИКИ
В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ
ОСВЕЩЕНИИ

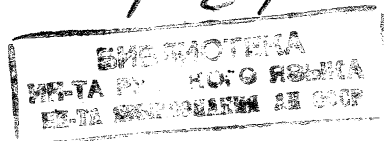
КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1986

Монография посвящена изучению языка и стиля Киевской летописи — исторического и литературного памятника XII в. Выявляются и анализируются его составные части, определяются источники. Такой подход к изучению летописного языка конкретизирует представление о неизвестных древнерусских писателях XII в., владевших нормами древнерусского языка, о редакторе и составителе памятника, внесшем в него элементы книжной речи. Материалы исследования могут быть использованы для решения проблемы функционального соотношения местного древнерусского и близкородственного, но привнесенного извне старославянского языка.

Для языковедов — исследователей восточнославянских языков, литературоведов, историков, преподавателей, студентов и учителей, всех, кто интересуется культурой Древней Руси.

Ответственный редактор
Н. Н. ПИЛИНСКИЙ

Рецензенты
С. А. ВЫСОЦКИЙ,
М. А. ЖОВТОБРЮХ

Редакция языкознания

ВВЕДЕНИЕ

Киевской летописью принято называть часть рукописного сборника, известного как Ипатьевская летопись, помещенную между «Повестью временных лет» и Галицко-Волынской летописью и охватывающую события от 1117 г. по 1198 г. Рукописная книга, в которой сохранился этот текст, относится к началу XV в. (вероятно, к 1425 г.). Более поздние списки известны как Хлебниковский (XVI в.), Погодинский (XVII в.), Ермолаевский (XVIII в.), Краковский (конец XVIII в.).

По своему происхождению Киевская летопись является сводом отдельных памятников письменности, объединенных, как установлено в научной литературе, игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем в конце XII в.¹ Убедительно показан сложный состав этой летописи в книге Б. А. Рыбакова, посвященной выявлению и рассмотрению ее частей. «Не подлежит сомнению, — пишет он, — что Киевский летописный свод 1198 г. состоит из фрагментов, написанных разными людьми, в разное время, в различной манере и с особыми симпатиями и антипатиями у каждого автора»².

Жанровая и стилистическая неоднородность Киевской летописи отмечена также историками древнерусской литературы³. И. П. Еремин, в частности, полагает, что вопрос об ее авторах мог бы стать предметом специального исследования⁴.

На трудности, стоящие перед исследователями летописей, обращали внимание и лингвисты. Так, А. Л. Никольский писал: «Нельзя не согласиться с предположением Колосова (Очерк..., с. 177) относительно возможности даже местами переделки Ипатского списка. На мысль о переделке наводит та напыщенность, искусственность в построении фраз в некоторых местах, которая прямо бросается в глаза

¹ Детальный анализ исторической литературы по данному вопросу приводится в кн.: Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». — М., 1972, 515 с. Мысль о том, что древнерусские летописи не являются произведениями одного автора, а представляют своды, составленные из разнообразных источников, высказал впервые К. И. Бестужев-Рюмин в работе «О составе русских летописей до конца XIV в.» (СПб., 1868. — 157 с.).

² Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 16.

³ История русской литературы: В 10-ти т. М.; Л., 1941, т. 1, с. 309—314.

⁴ Еремин И. П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). — М.; Л., 1966, с. 113.

при сопоставлении подобных мест с другими, отличающимися простотой, изобразительностью и другими приемами народнопоэтического творчества»⁵. Б. А. Ларин в лекции, посвященной языку «Повести временных лет», высказал следующее мнение: «Работы, которые отстаивают взгляд на «Повесть...» и на другие наши летописи как на работу одного автора, сейчас не могут считаться состоятельными. Дошедший до нас текст летописи варьируется от списка к списку в значительно большей степени, чем в других памятниках древней письменности. Но дело не только в этой изменчивости текста, а в том, что с самого начала своей литературной истории эти произведения были скомпонованы из многих источников. Отсюда для языковедов возникает необходимость расчленить текст на составные части, чтобы не смешивать разнородные по происхождению и социальному характеру элементы памятника»⁶. О необходимости придерживаться показаний конкретных текстов для литературно-лингвистического анализа в связи с тем, что в одном и том же памятнике могут совмещаться отрывки, разные по языку, говорил в одной из последних работ Ф. П. Филин⁷.

Таким образом, кроме традиционного анализа летописного языка, который обычно исследуют как цельную речевую систему, намечен и иной путь — изучение особенностей языка отдельных авторов памятника. Подобное изучение представляет значительные трудности в связи с тем, что произведения, вошедшие в летопись, неоднократно редактировались и переписывались. Поэтому важное значение имеют наблюдения Б. А. Рыбакова над языком и стилем авторов и редакторов Киевского летописного свода, позволяющие связать отдельные фрагменты памятника с определенными лицами.

Б. А. Рыбаков пришел к следующим выводам: своду 1198 г. предшествовали другие своды, составленные иными лицами. Каждый из этих сводов включал материалы нескольких летописцев. Так, Свод Поликарпа, кончавшийся 1171 г., состоял как из летописи самого составителя, так и из записей его современника Петра Бориславича, доведенных до 1168 г. Кроме того, сюда вошли фрагменты летописания Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского. По предположению Б. А. Рыбакова, свод Поликарпа был включен в Киевский свод 1198 г. непосредственно его составителем игуменом Моисеем. Имя Поликарп, несколько раз встречающееся в черниговских материалах Киевского летописного свода, включено в текст таким образом, что позволяет видеть в лице Поликарпа автора ряда описаний летописи. Исследователи обратили внимание на это обстоятельство еще в начале века, однако границы летописной деятельности Поликарпа обрисованы учеными по-разному. М. Д. Приселков признавал Поликарпа автором Печерской монастырской летописи, доведенной, по его мнению, до

⁵ Никольский А. А. О языке Ипатской летописи. — Рус. филол. вестн., 1899, т. 12, № 1/2, с. 249—250.

⁶ Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка: (X—середина XVIII в.). — М., 1975, с. 201—202.

⁷ Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. — М., 1981, с. 265.

1182 г.⁸ Позже он связал с его именем небольшую часть Киевского летописного свода, относящуюся к концу 60-х годов XII в. В этой части описываются действия двух князей — родных братьев: Ростислава Мстиславича и Изяслава Мстиславича⁹. Выводы историка были поддержаны Д. С. Лихачевым: «Это редакторская рука добавила всюду к имени Изяслава Мстиславича имя его брата Ростислава Мстиславича, явно стремясь изобразить княжение Изяслава как совместное княжение двух братьев (Изяслава и Ростислава) под духовным руководством престарелого и кроткого князя Вячеслава. Не трудно выяснить, что ревнивое внимание выделило и подчеркнуло всюду значение Ростислава Мстиславича. Ростислав был киевским князем в 1154—1155 и 1159—1167 гг. При нем игумен Печерского монастыря Поликарп вел личный летописец своего князя, переработав предшествующее содержание Киевской летописи к большей славе Ростислава»¹⁰. Б. А. Рыбаков уточнил время ведения летописи Поликарпом, ограничив его 1141—1171 гг. Воссоздавая его биографию, он делает предположение, что летописная деятельность Поликарпа связана с князем Святославом Ольговичем. Этому князю Поликарп начал служить еще в молодые годы. Он подробно описал полную превратность судьбу одного из Ольговичей, проявляя к нему неизменное сочувствие. Когда положение Святослава Ольговича упрочилось, постоянный спутник его походов (тогда он еще не носил имя Поликарп) постригся в монахи и получил это имя. Дальнейшая жизнь Поликарпа связана с Печерским монастырем. Однако даже в Киеве он продолжает внимательно следить за жизнью Святослава Ольговича, его детей и близких. Впоследствии Поликарп становится игуменом, а потом архимандритом Печерского монастыря. В этом высоком сане он сближается с князьями, занимающими великокняжеский стол, описывает события, связанные с их пребыванием в Киеве. Однако в поле его зрения всегда остаются действия Святослава Ольговича. Все написанное Поликарпом характеризует положительная оценка личности этого князя. Возвышение Святослава, отрицательное отношение к его врагам — вот главный признак материалов Поликарпа-летописца.

Кроме особенного внимания к Святославу Ольговичу, Б. А. Рыбаков отмечает следующие черты, характеризующие его летопись: точное написание дат, строгий учет княжеского имущества, при описании военных действий стремление перечислить те разрушения и бедствия, которые принесла война¹¹.

Гипотеза Б. А. Рыбакова о летописной и редакторской деятельности Поликарпа находит поддержку и получает дополнительное освещение при изучении языка текстов, предположительно приписываемых этому лицу. Впервые его имя упомянуто в Ипатьевской летописи

⁸ Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. — Спб., 1913, с. 361—366.

⁹ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. — Л., 1940, с. 53.

¹⁰ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М.; Л., 1947, с. 230—231.

¹¹ Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 36—59.

под 1168 г. при описании последних дней жизни великого киевского князя Ростислава Мстиславича. И в языковом отношении и композиционно это описание¹² значительно отличается от некрологов игумена Моисея.

Следующий (после Поликарпа) летописный свод был оформлен в 1179 г. при дворе киевского князя Святослава Всеволодича. В его составе выделяются записи, сделанные летописцем великого князя, и материалы, посвященные владими́ро-суздальским делам. Свод 1190 г., третий по счету, создавался при дворе князя Рюрика Ростиславича. Кроме свода 1179 г., в него вошли продолжающие этот свод записи летописца Святослава Всеволодича, а также личные заметки Петра Бориславича, составителя свода, и его помощника Галичанина, добавившего сведения о событиях в Галицком княжестве. Летописный свод 1190 г. был продолжен хроникой, принадлежащей в основном перу Петра Бориславича. С 1197 г. эту хронику ведет игумен Моисей. Игумен Моисей пополнил приготовляемый им свод материалами, относящимися к семейству Ростиславичей, распределив их в соответствующие места.

Сложная картина, нарисованная в книге Б. А. Рыбакова, нуждается, естественно, в дополнительных доказательствах. «Как и всякая историческая концепция,— пишет он в заключительной части своего труда,— предложенное построение подлежит проверке, критике, быть может, полному пересмотру»¹³.

Лингвистам еще предстоит выработать приемы, которые позволят подтвердить или опровергнуть отдельные положения книги «Русские летописцы и автор „Слова о полку Игореве“». Мы исходим из предпосылки, что расчленение летописного свода Моисея на отдельные самостоятельные части, предложенное Б. А. Рыбаковым, достаточно обосновано. Его аргументация строится в основном на анализе содержания этих частей, но присутствуют в ней и элементы лингвистического анализа. Например, о стиле Поликарпа он высказался так: «На протяжении тридцати лет мы наблюдаем постепенную эволюцию творчества этого летописца, выработавшего свою манеру изложения. Он любит подробности, точность описаний, но предпочитает описывать реальные ценности, а не ратные подвиги. В его восхвалениях и порицаниях много церковной фразеологии и нередко ощущается наивное сгущение тонов, рассчитанное на неухищренного читателя. Политической широты у него нет. Поликарп умеет использовать диалог, прямую речь, которая очень оживляет его изложение»¹⁴. Б. А. Рыбаков обращает внимание на то обстоятельство, что Петр Бориславич называет главных князей Русской земли лишь по именам, а летописец Святослава Всеволодича величает их, как правило, по имени и отчеству. Отмечены и другие признаки, которые позволяют различать этих летописцев. Для обозначения союзных русским князьям торков

¹² Убедительные доказательства авторства Поликарпа в этом случае приводит Б. А. Рыбаков (Там же, с. 51—53).

¹³ Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 514.

¹⁴ Там же, с. 59.

Петр Бориславич употребляет сочетание *черный клубук*, а летописец Святослава Всеволодича — название *берендеи*. Беспокойных соседей Руси Петр Бориславич именует *половцами*, а летописец Святослава Всеволодича добавляет к этому существительному определение *поганые*¹⁵ и т. д. (В работе употребляем условные имена летописцев, как уже принятые исторической наукой, так и предложенные Б. А. Рыбаковым).

Продолжая разработку этих вопросов в лингвистическом плане, ориентируемся и на наблюдения Б. А. Рыбакова, и на высказывания Ф. П. Филина, сделанные по поводу языка «Повести временных лет», в частности, на положение о первостепенном значении для такого рода исследований лексических особенностей летописных статей. «Одни и те же понятия в различных статьях летописи в целом ряде случаев передаются различными словами; это иногда дает возможность предполагать,— указывает Ф. П. Филин,— что отдельные статьи включены в летописный свод не одним автором и не в одно время»¹⁶.

Важны также показания синтаксиса на уровне словосочетаний, в составе которых значения отдельных слов вырисовываются достаточно выразительно. И. П. Еремин пишет: «Нередко рассказчик пользовался своими, только ему присущими оборотами речи, в его употреблении уже ставшими формулами («многое множество», «и тако», «пробыша у велице любви и у велице веселии», «приложися к дедом своим и отцем своим и отдав общий долг, его же несть убежати всякому роженому» и т. п.), и это обстоятельство позволяет установить принадлежность ряда рассказов Киевской летописи определенному автору»¹⁷.

В свете приведенных выше мнений привлекает внимание высказывание Д. С. Лихачева о том, что «основой для выделения жанра, наряду с другими признаками, служили не литературные особенности изложения, а самый предмет, тема, которой было посвящено произведение»¹⁸. Однако следует согласиться с Н. Г. Михайловской, которая считает, что переход от экстралингвистических факторов, определяющих жанровую специфику (тема, предмет повествования), к факторам собственно лингвистическим совершается прежде всего на лексическом ярусе языка. «Лексика,— пишет исследовательница,— лишь отражает жанрово-стилистические особенности, но не определяет их»¹⁹. Это утверждение не противоречит тому, что лексические элементы могут служить опознавательным жанрово-стилистическим признаком. И тема, и предмет требуют определенного круга лексики, избирательных языковых средств, которые в тех или иных условиях позволи-

¹⁵ Там же, с. 132.

¹⁶ Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи: (по материалам летописей).— Л., 1949, с. 13.

¹⁷ Еремин И. П. Литература Древней Руси, с. 113.

¹⁸ Лихачев Д. С. Система литературных жанров Древней Руси.— В кн.: Славянские литературы: V Междунар. съезд славистов. Докл. сов. делегации. М., 1963, с. 50.

¹⁹ Михайловская Н. Г. К вопросу лексической стилистики древнерусского языка.— В кн.: Памяти академика В. В. Виноградова. М., 1971, с. 132.

тельно рассматривать и как «литературные особенности изложения, характерные для того или иного стиля»²⁰.

Следует также учитывать, что при переписке лексика подверглась изменениям меньше, чем другие уровни языка. Ф. П. Филин, анализируя язык «Повести временных лет», утверждал, например, что «лексика в гораздо меньшей степени была видоизменена позднейшими переписчиками, чем морфология и в особенности фонетика первоначального текста древнерусской летописи»²¹. «Лексическая сторона не в меньшей степени, чем синтаксические особенности, имеет значение в изучении памятника,— писал С. П. Обнорский,— так как и здесь общий словарный оборот, вошедший в состав памятника при первоначальном его составлении, не мог подлежать особым изменениям и значительному обновлению под руками позднейших его переписчиков»²².

Таким положением вещей объясняется исключительная роль данных лексики при выявлении функционального соотношения древнерусских и старославянских (книжных) элементов в летописном языке. К этому вопросу исследователи летописания проявляли исключительный интерес. Было установлено, что летописный стиль формировался на основе речевых средств разговорного языка современников, обработанных в литературном плане. Основными источниками, из которых летописцы черпали сведения для записей, были их собственные наблюдения, рассказы очевидцев, устные предания и легенды, былины, песни и т. п.

Преобладание древнерусских речевых средств в летописном языке сомнений не вызывает. Оно проявляется в употреблении множества бытовых выражений, терминов, понятий и обиходных названий, типично разговорных синтаксических оборотов и т. п., а также в использовании конструкций деловых и юридических памятников. «Русский облик и преобладание светского характера речевых средств летописного стиля с особой убедительностью прослеживаются в области фразеологического состава летописей»,— пишет А. И. Ефимов²³.

С другой стороны, нельзя не заметить в летописях элементов высокого славянизированного слога. По наблюдениям ученых, они распределены в летописном тексте далеко не равномерно. Так, М. И. Сухомлинов в середине прошлого столетия отмечал: «В языке и слоге древней летописи ясно различаются два элемента: церковнославянский и русский, отделяющиеся один от другого довольно резко. Первый является в местах, заимствованных из св. писания; не говоря о сплошных выписках, эти места большею частью прибавляются к словам летописца, и приставка так очевидна, что она составляет как бы вторую половину фразы, выражающей полную мысль»²⁴.

²⁰ Там же.

²¹ Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка..., с. 13.

²² Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода.— М.; Л., 1946, с. 27.

²³ Ефимов А. И. История русского литературного языка: Курс лекций.— М., 1954, с. 91.

²⁴ Сухомлинов М. И. Исследования по древней русской литературе.— Сб. отд. рус. яз. и словесности, 1908, т. 85, № 11, с. 197.

В отечественной науке сложилось представление, что один и тот же автор свободно владел двумя языками и в зависимости от темы пользовался то одним из них, то другим. Так, Д. С. Лихачев пишет: «Темы церковные, богословские, философские, церковно-нравоучительные требовали, с точки зрения древнерусского книжника, приподнятого церковнославянского языка. Темы исторические, юридические, бытовые, простейшие поучения и пр. не требовали литературной приподнятости и писались русским литературным языком»²⁵.

На связь старославянских, книжных, языковых элементов с тематикой летописных текстов указывали также многие исследователи-лингвисты. Ценный в этом отношении материал содержит статья И. С. Улуханова «Предлоги предъ — передъ в русском языке XI—XVII вв.», в которой он делит летописные тексты на погодные записи и рассказы, с одной стороны, и «повести», посвященные «одной и той же теме: смерти того или иного князя»,— с другой²⁶. В данном случае он использовал литературоведческую классификацию, созданную И. П. Ереминым в труде «Киевская летопись как памятник литературного языка, предложенным В. В. Виноградовым»²⁸.

И. С. Улуханов считает, что погодные записи и рассказы написаны народно-литературным языком. Что касается книжно-славянского языка, то, по мнению ученого, сфера его функционирования не ограничивается только повестями о княжеской смерти. Изобилует морфологическими, лексическими и фразеологическими славянизмами изложение библейской истории (например, помещенная под 986 г. в «Повести временных лет» речь греческого философа, просвещавшего Владимира), повести о жизни монахов (в «Повести временных лет» под 1074 г.), близкие и по содержанию и по языку к Киево-Печерскому патерику, повествования о событиях религиозно-фантастического характера (например, о явлении огненного столпа в Киево-Печерском монастыре в «Повести временных лет» под 1110 г.) и т. п. Другую сферу проявления книжно-славянского типа языка И. С. Улуханов видит в религиозно-моралистических комментариях летописца к описываемым событиям. По его мнению, эти места летописи иллюстрируют легкость переключения с одного типа языка на другой²⁹.

В конечном итоге И. С. Улуханов поддерживает традиционную точку зрения, по которой любой восточнославянский книжник свободно владел нормами как родного, древнерусского, так и чужого, хотя и родственного, старославянского языка. «Можно говорить,—

²⁵ Лихачев Д. С. Несколько мыслей о языке литературы и литературном языке Древней Руси.— В кн.: Историко-филологические исследования. Сб. ст. к семидесятилетию акад. Н. И. Конрада. М., 1967, с. 305.

²⁶ Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка.— М., 1964, с. 130.

²⁷ Труды Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1949, т. 7, с. 67—97.

²⁸ Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка.— М., 1958, с. 61—67.

²⁹ Улуханов И. С. Предлоги предъ — передъ в русском языке XI—XVII вв.— В кн.: Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка, с. 130, 150.

пишет он в другой работе, — лишь о «памятниках книжно-славянского типа языка». По его мнению, вряд ли следует говорить о «памятниках народно-литературного типа языка», так как трудно указать памятники, в которых он был бы выдержан последовательно. Хотя этот тип языка сложился в жанре воинской повести и представлен в летописном рассказе, летописец «часто прерывает описание вставками книжного характера и религиозно-моралистическими комментариями, последовательно выдержанными в духе традиций книжно-славянского типа»³⁰.

Следовательно, по И. С. Улуханову, двумя основными сферами функционирования книжно-славянского типа древнерусского литературного языка в летописях являются некрологи (повести о княжеской смерти) и религиозно-моралистические комментарии летописца, в которых наблюдается однородный в языковом отношении материал.

Сходную точку зрения отстаивает австрийская исследовательница Г. Хютль-Ворт (Фольтер)³¹.

Актуальность проблемы языковой ситуации в Киевской Руси возрастает в настоящее время в связи с приближающимся тысячелетием официального введения на Руси в 988 г. старославянской письменности. Значительное внимание этой проблеме было уделено на IX Международном съезде славистов, на котором работала специальная подсекция «Языковая ситуация в Киевской Руси и взаимоотношения древнерусского языка с другими языками». На заседаниях подсекции был прочитан и обсужден ряд докладов, посвященных теоретическому рассмотрению проблемы в целом или же исследованию относящихся к ней фактических данных. В теоретическом плане на заседаниях подсекции четко определилась противоположность двух точек зрения на языковую ситуацию в Киевской Руси³².

Согласно одной из них, изложенной главным образом в докладе Б. А. Успенского, в Древней Руси имела место диглоссия в том понимании этого явления, как оно было впервые предложено Ч. Фергюсоном по отношению к арабскому, новогреческому, швейцарско-немецкому, креольскому на островах Гаити и ряду других языков³³. Применяя к языковой ситуации Киевской Руси эту теорию, Б. А. Успенский прежде всего исключает летописи из числа памятников литературного языка. Рассматриваемые в плане диглоссии, летописи оказываются для него лишь удобными объектами для наблюдения и иллюстрации постоянных переходов от старославянского (церковнославянского) языка к древнерусскому и наоборот³⁴.

При этом Б. А. Успенский даже не пытается объяснить существенные различия в удельном весе церковнославянского или древнерусского языков в различных фрагментах летописного текста, поскольку летописи для него представляют беспорядочную смесь литературных и нелитературных отрывков.

Иная точка зрения, отраженная в докладе В. М. Русановского и В. В. Нимчука³⁵, П. Филковой³⁶ и некоторых других ученых, сводилась к пониманию рассматриваемой ситуации как древнерусско-церковнославянского литературного двуязычия.

Различия в подходе к характеристике языковой ситуации в Киевской Руси и к определению роли древнерусского языка в письменности XI—XII вв., которые обнаружились на съезде, показали необходимость дальнейшего исследования фактического материала, имеющего отношение к данной проблеме, во всем его тематическом и жанровом многообразии³⁷.

Исследуя языковые особенности Киевской летописи, преимущественно лексику и отчасти синтаксис, ставим задачу определить те составные части памятника, которые принадлежат отдельным летописцам, и на этой основе установить использованные ими источники.

³⁰ Улуханов И. С. Славянизмы и народно-разговорные слова в памятниках древнерусского языка XI—XIV вв. (глаголы с приставками пре-, пере- и предь-). — В кн.: Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1969, с. 108—109.

³¹ Хютль-Ворт Г. Спорные проблемы изучения литературного языка в древнерусский период. — Wien. Slav. Jahrb., 1973, Bd 18, S. 32; ср. также Хютль-Фольтер Г. Диглоссия в Древней Руси. — Там же, 1978, Bd 24, S. 108—123; Hüttl-Folter G. Die trat / torot-Lexeme in den altrussischen Chroniken. — Wien, 1983. — 390 S.

³² Мельничук А. С. Обсуждение проблемы языковой ситуации в Киевской Руси на IX Международном съезде славистов. — Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз., 1984, вып. 2, с. 120—127.

³³ Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. — М., 1983, с. 40—44.

³⁴ Там же, с. 45—46.

³⁵ Русанівський В. М., Нимчук В. В. Співвідношення функції давньоруської і старослов'янської мов у Київській Русі (XI—XIII ст.) — В кн.: Слов'янське мовознавство: IX Міжнарод. з'їзд славистів. К., 1983, с. 185—210.

³⁶ Филкова П. Д. Языковая ситуация в Древней и Московской Руси в свете теории билингвизма и диглоссии. — В кн.: Славянская филология: IX Междунар. съезд славистов. Т. 17. Езикознание. — София, 1983, с. 45—56.

³⁷ Ср. следующее высказывание В. М. Русановского: «К сожалению, изучение конкретных памятников древнерусского языка, их языковой структуры происходит медленнее, чем создание теорий о соотношении старославянских и восточнославянских компонентов как в древнерусском языке, так и в его потомках — литературных русском, украинском и белорусском языках» (Русанівський В. М. Джерела розвитку східнослов'янських літературних мов. — К., 1985, с. 20).

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ТЕКСТОВ СОСТАВИТЕЛЯ И РЕДАКТОРА КИЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Общепризнанным является положение о том, что игумен Выдубицкого монастыря Моисей был не только составителем и редактором Киевской летописи, но и автором произведения, которым она завершается, — Речи по поводу окончания строительства подпорной стены, укрепившей днепровскую кручу в восточной части монастыря. Провозглашенная 24 сентября 1198 г., Речь, по-видимому, не предназначалась для летописи и была включена в нее позже, когда Моисей оканчивал составление свода. Речи Моисея Выдубицкого как произведению поздней киевской риторики посвящена сравнительно большая литература¹. Исследователи отмечают, что она достойно продолжает традицию киевского торжественного красноречия, а ее автор выступает не только как ритор, но и как начитанный книжник, прекрасно знающий Священное писание и умеющий пользоваться его текстами и образами. Современный исследователь Речи Моисея Ю. К. Бегунов предполагает, что ее автор владел греческим языком и мог обращаться к оригинальным источникам². Представляется вероятным, что произведение такого любителя красноречия включает большое количество старославянизмов и цитат из религиозной литературы.

И действительно, на фоне исторического повествования Киевской летописи завершающая статья выдубицкого игумена носит ярко выраженный книжный характер. Она начинается словами: дивна дн(с)ь видиста ѿчи наши (ЛИ, 712), напоминающими строки из произведений Кирилла Туровского. Ср., например, «Радость же нам, братье, днесь и веселье всему миру пришедшего ради праздника»³.

Речь о постройке стены — не единственное произведение Моисея, включенное в летопись. Непосредственно перед ней выделяется статья, в которой рассказывается о том, как у киевского князя Рюрика Ростиславича возник замысел укрепить берег при помощи стены. Построение стены считается огромным чудом, а инициатор строительства князь Рюрик прославляется с необыкновенным пышнословием. Оканчивается статья детальным описанием торжественного праздника,

¹ Обзор этой литературы см.: *Бегунов Ю. К.* Речь Моисея Выдубицкого как памятник торжественного красноречия XII в. — Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1974, т. 28, с. 60—76.

² Там же, с. 73.

³ Цит. по: *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского. — Там же, 1957, т. 13, с. 409.

на котором была произнесена Речь, исполненная монахами Выдубицкого монастыря коллективно. Ее текст присоединяется к предшествующему в виде прямой речи монахов при помощи причастной формы глагола говорения: игоумен же. Моуснї и вса братья наже ѿ Х(с)ѿ. велегл(с)но похвалиша ба. и стго Михаила. и великого княза сдоровье. нако единими оусты. глше (ЛИ, 712). Предполагают, что автором этой статьи также является Моисей⁴.

Б. А. Рыбаков высказал и обосновал гипотезу о том, что Моисей является автором всех летописных записей 1197 и 1198 гг. Ученый предполагает, что деятельность летописца, записи которого продолжил Моисей, оборвалась в 1196 г. «Одной из таких грамот, посланной осенью 1196 г. Рюриком Ростиславичем Всеволоду Большое Гнездо, — пишет он, — и завершается неожиданно та часть Киевского летописного свода, которая была собрана и в значительной мере написана хронистом Рюрика Ростиславича. Далее следуют резко отличные во всем дворцовые записи игумена Моисея, который ничего не изменил в тексте своего предшественника»⁵. Этому летописцу с условным именем Петр Бориславич принадлежали, по мнению Б. А. Рыбакова, большие и разнообразные статьи, которые на протяжении ряда лет освещали политическое и военное положение Руси. Продолжая записи предшественника, Моисей резко изменил тематику летописи: он ограничил ее описанием личных дел князя Рюрика и его семьи, церковных праздников. «Игумен Моисей, — утверждает Б. А. Рыбаков, — смотрит на события глазами церковника, интересуется всеми церковными делами во всех деталях, не забывая даже званых обедов для духовенства; он убежденный провиденциалист, видящий во всем волю милующего или карающего бога. Его текст изобилует цитатами из разнообразной христианской литературы. Он, судя по его речи, уделяет внимание философским вопросам в средневековом богословском духе. Он не чужд поэзии и иногда возвышается до настоящих поэтических образов, хотя чаще преобладает несколько тяжеловесная риторика»⁶.

Характеристику мировоззрения Моисея Б. А. Рыбаков сопровождает стилистическими наблюдениями. Во-первых, в уста описываемых им лиц выдубицкий игумен вставляет речи, обращенные к богу и Богородице. Во-вторых, он пользуется двумя некрологическими штампами. Один из этих штампов подметил еще М. Д. Приселков, который в 40-х годах нынешнего века высказал предположение, что Моисей является автором помещенных в Киевскую летопись некрологов Ростислава Мстиславича и всех его сыновей. По мнению ученого, об этом свидетельствует повторение одного и того же оборота: «приложися ко отцам и дедам своим, отдав общий долг, его же несть убежати всякому роженому»⁷.

⁴ *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». — М., 1972, с. 61—62; *Бегунов Ю. К.* Указ. соч., с. 68.

⁵ *Рыбаков Б. А.* Указ. соч., с. 146.

⁶ Там же, с. 64.

⁷ *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. — Л., 1940, с. 48.

Гипотеза М. Д. Приселкова о Моисее как авторе некрологов строится на мысли К. Н. Бестужева-Рюмина о том, что основой летописного свода 1198 г. за вторую половину XII в. является летопись Ростиславичей⁸. Поддержал предположение Бестужева-Рюмина и А. А. Шахматов, подчеркнувший, что большая часть сведений Ипатьевской летописи XII в. заимствована из Выдубицкой, «пристрастной к Рюрику и в этом смысле переработавшей летописные сведения своих первоисточников»⁹. Согласившись с предположением Приселкова, Б. А. Рыбаков указал еще на один характерный для этих некрологов штамп: «злата и сребра не собирал, но давал дружине»¹⁰.

Приведенные обороты-штампы не исчерпывают черт, общих некрологам, с одной стороны, и сближающих их с произведениями, приписываемыми Моисею, — с другой. В этом плане уместной представляется мысль Ю. К. Бегунова, что Похвала, написанная при жизни Рюрика Ростиславича, построена по тому же образцу, что и некрологи его отца и братьев¹¹.

Б. А. Рыбаков в главе, посвященной Моисею, высказал свой взгляд на выдубицкого игумена как на редактора, который завершил составление Киевской летописи, является автором ее последних статей и серии некрологов княжеской ветви Ростиславичей. По мысли Б. А. Рыбакова, Моисею принадлежат и несколько летописных статей, посвященных борьбе сыновей Ростислава Мстиславича за Киев. Ученый связывает с его именем повествование о борьбе Ростиславичей с Андреем Боголюбским и рассказ о заговоре Святослава Всеволодича. Кроме того, Моисей делал вставки в статьи других летописцев. Б. А. Рыбаков описал некоторые особенности стилистической манеры Моисея и отметил, что вставки в чужой текст он вводит при помощи предложения-формулы «мы же на предлежащее возвратимся»¹².

Путь Моисея-летописца, по его наблюдениям, можно представить в общих чертах так: появляется он как живой свидетель событий в 1170-е годы, в то время, когда основную Киевскую летопись вел Поликарп. Возможно, Моисей находился при Рюрике, когда тот княжил в Новгороде и был изгнан оттуда. В 1173—1180 гг. Моисей был, очевидно, летописцем брата Рюрика, Мстислава Храброго, извлечениями из своей летописи он впоследствии пополнял свод за те короткие месяцы, когда Рюрик ненадолго становился великим князем Киевским. Можно думать, что он смотрел на свой летописный свод как на великокняжескую хронику Киева¹³.

Выводы историков становятся убедительными, если они подкрепляются данными языка. Рассматривая языковые средства приписываемых Моисею текстов, принимаем для последних следующие сокращенные названия: Речь о постройке стены — Речь; Похвала князю Рюрику

Ростиславичу — Похвала; Некрологи Ростислава Мстиславича и его сыновей Святослава, Мстислава, Романа, Давида — Некролог Ростислава Мстиславича и т. д.

В тех случаях, когда речь идет о статьях исторического плана, создание которых можно приписать Моисею целиком, это оговаривается. Статей таких в своде несколько. Возможно, к ним относится подробный и интересный рассказ под 1188 г. о женитьбе сына Рюрика Ростиславича на дочери Всеволода Большое Гнездо. Под 1173 г. сообщается о попытках Андрея Боголюбского изгнать Ростиславичей из Южной Руси. Главным героем здесь является Мстислав Ростиславич, а Андрей изображен самыми черными красками. Его поражение описывается с помощью церковных сентенций, характерных для стиля Моисея. Например: Андрѣи же примѣ свѣтъ ихъ. исполнивъса высокоумь. разгордѣвъса велми. надѣна плотной силѣ. и множествомъ вои ѿгородивса. ражѣгса гнѣвомъ (ЛИ, 572); се же оуже сбы(с)са слово ап(с)ла Павла. рекша. еже передѣ. написахомъ. возносаиса смиритьса а смираиса възнесетьса (ЛИ, 577); и тако възвратишаса вса сила. Андрѣи княза Суждальского совокупилъ бо башеть всѣ землѣ. и множеству вои не баше числа. пришли бо баху высокомыслаще. а смиренни ѿ(т)идоша в дома своя (ЛИ, 577—578).

Более определенно можно говорить о вставках выдубицкого игумена в тексты других летописцев. Б. А. Рыбаков выделяет ряд таких вставок на основе замеченных им признаков¹⁴. Лингвистические черты вставок определяются нами по сходству с основными произведениями Моисея и рассматриваются особо.

1. ЛЕКСИКА

Изучая язык произведений выдубицкого игумена, в первую очередь обращаем внимание на их лексические особенности. Стиль Моисея определяют слова и обороты, которые принято называть книжными.

К книжной лексике вслед за другими исследователями относим не только старославянизмы, греческие и другие заимствования, но и народно-бытовые слова типа *богъ*, *духъ*, *душа*, *вѣра*, *грѣхъ*, *раи*, *молитися*, *постригтися* и др., которые с принятием христианства были переосмыслены. Получив новую семантику, связанную с христианской идеологией, эти слова не утратили и старых, бытовых значений, благодаря чему не вышли из народно-разговорного употребления. Отвлеченно-религиозная семантика слов *богъ*, *вѣра*, *душа*, *раи*, *творецъ* и др. позволяет рассматривать их в ряду книжной лексики¹⁵.

Большую группу составляют семантические и словообразовательные кальки с греческого и латинского языков, т. е. слова не исконно

¹⁴ Там же, с. 65—70.

¹⁵ См. также: *Филин Ф. П.* Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи: (по материалам летописей). — Л., 1949, с. 41—48; *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка: (X — середина XVIII в.). — М., 1975, с. 114—118.

⁸ *Бестужев-Рюмин К. Н.* О составе русских летописей до конца XIV в. — Спб., 1868, с. 125—150.

⁹ *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. — М.; Л., 1938, с. 71.

¹⁰ *Рыбаков Б. А.* Указ. соч., с. 64.

¹¹ *Бегунов Ю. К.* Указ. соч., с. 68.

¹² *Рыбаков Б. А.* Указ. соч., с. 60—72.

¹³ Там же, с. 69—70.

славянские, а массово созданные из славянского «строительного материала» и по законам славянского словообразования самими переводчиками и редакторами богослужебных текстов, как, например: *богородица*, *великомученица*, *спаситель*.

Употребление лексики такого рода в текстах Моисея можно проследить только в сопоставлении с лексикой другого стиля, характерной для его современников — авторов Киевской летописи. Сравнение лексикологических данных, полученных в результате описания, подтверждает лексическую стилевую дифференцированность этого памятника. Главная его особенность — чередование собственно летописных записей с отрывками, которые по языку соотносятся с такой жанрово-стилистической сферой, как жития. Именно здесь можно наблюдать:

1. Функционирование сложных слов типа *благодать*, *добродѣтель*, *богомилнши* и т. п.¹⁶

2. Употребление субстантивированных причастий множественного числа. Например: *яко же Павелъ глѣтъ гордымъ бѣ противься а смиренымъ* даетъ *блгодать* (ЛИ, 574); *блжнши* же не видивше. но *вѣроующе* радуютьса (ЛИ, 714); *маловѣрнши* овни бо глѣху (ЛИ, 715); *имѣя* же... подание ко *требующимъ* (ЛИ, 710).

3. Сочетания слов со специфической религиозной окраской: *ангельскии чинѣ*, *благоприятное сердце*, *избранное стадо*, *ликъ мншшескый*, *мншшескый чинѣ*, *священицкии чинѣ* и под.

4. Цитаты из церковной литературы.

Иноязычная лексика. Представляет интерес, что у такого знатока и любителя красноречия, как Моисей, иноязычная лексика представлена весьма скромно, хотя мы учитываем и заимствования дохристианского времени, пришедшие в древнерусский язык устным путем, как, например, *църкы* и *църковнши*, неоднократно встречающиеся у всех древнерусских писателей. По-видимому, сюда же следует отнести и слова *крѣсть*, *крѣстити*, *попѣ*, *постѣ*, *мнхѣ*. Считают, что последнее слово вошло в древнерусский язык через западославянское посредство¹⁷.

В основном иноязычная лексика представлена у Моисея заимствованными из старославянской письменности и широко известными древнерусским книжникам грецизмами, связанными с жизнью церкви. В Речи: *аминь* (715), *архистратиѣ* (712, 714, 715), *еуангелистѣ* (714), *монастырь* (715). В Похвале: *архистратиѣ* (710), *еуангелистѣ* (710); *игоуменѣ* (711, 712); *калоуѣрѣ* (711), *коутья* (711), *монастырь* (710), *патрѣаршескый* (710); *трапеза* (711). В летописных статьях за 1197 и 1198 гг., к которым примыкают Похвала и Речь, отмечены следующие грецизмы: *ангелскый* (704), *апостолѣ* (705, 706 дважды), *архимандритѣ* (707), *архистратиѣ* (703), *дьяволѣ* (705), *епископѣ* (705, 707 дважды), *епископья* (706, 707), *игоумен* (702, 703, 707 трижды),

¹⁶ Ср.: Вяткина Л. В. Сложные слова в древнерусском языке: (На материале письменных памятников XI—XIV вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1963, с. 18.

¹⁷ Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка, с. 61.

икона (703, 704), *кадѣло* (703), *митрополитѣ* (706, 707), *монастырь* (703), *попѣ* (702), *презвoutersѣ* (707).

При сравнительно небольшом количестве иноязычной лексики этого плана стиль Моисея характеризует частотность ее употребления. Например: Того же лѣ(т). м(с)ца. декабра въ. ѿ. днь. созда цркъвь каменую. стхѣ. *ап(с)лѣ*. в Бѣлѣгородѣ. блговѣрнши князь Рюрикъ. приехавѣ. ис Кыева. и сти цркъвь каменуюю. стхѣ *ап(с)лѣ*. *еп(с)пья* Бѣлогородьскаѣ. великымъ свщнемъ. блжншимъ *митрополитомъ*. Никифоромъ. *еп(с)помъ*. Андрѣаномъ томъ цркви столъ добрѣ праваща. *еп(с)пмъ* Юрьевскы(м) (ЛИ, 706); тогда же князь съ единомысленою кнагиною. и со бгонадимыми дѣтми. и созва дхвнши тыи пирѣ. *еп(с)па* Андрѣана Юрьевского. *еп(с)па* и *архимандрита*. Василья Печерьскаго. *игоумена* Моисѣѣ. *игоумена* стго Михаила Выдобычьскаго. и прочии *игоумени*. и черноризьски. и *презвoutersы*. и всѣ свщницкый чинѣ (ЛИ, 706—707).

Показательно, что одинаковые лексемы употребляются в близких по смыслу контекстах. Например, греческое существительное *архистратиѣ* со значением «возглавляющий ангельское воинство» и в Похвале, и в Речи последовательно употребляется по отношению к святому Михаилу и переносно в отношении посвященного этому архангелу Выдубицкого монастыря. Например, в Похвале: великый кнзъ Рюрикъ потщавшася крѣпко паче. пращескымъ стопамъ. вослѣдовати трудолюбиемъ. ко стмоу *архистратигоу* Михаилоу. преже поминаемому манастырю (ЛИ, 710—711). В Речи: бѣ же мл(с)ти воздасть ти противоу труда мздоу. и *архистратиѣ* Михаилѣ. емоу же еси послужилѣ. не лестно (ЛИ, 712); дн(с)ѣ и множество вѣрнхъ кыанѣ. и населници ихъ. болше потщание и любовь ко *архистратигоу* г(с)ню имѣти начинаютъ. не токѣмо и ради сп(с)ннѣ своего. но и новаго ради чюдеси (ЛИ, 714); И бѣ мл(с)ти и оцѣ щедротамъ. и любы единача(д)го сна его. и причастѣ стго Доуха. да боудеть съ цр(с)твомъ твоимъ. коупь съ любыми тобою. и *архистратиѣ*. Михаилѣ. и покрывай и храна кровомъ крилоу твою (ЛИ, 715).

Сходный образ встречается и в Некрологе Давида Ростиславича, только упоминается в нем не Выдубицкий монастырь, а Михайловская церковь города Смоленска: самъ бо саковъ обычае имѣеть [Давид Ростиславич]. по всѣ дни хода ко цркви стго. *архистратиѣ* бжиа Михаила. юже бѣ самъ создалѣ. во кнаженѣ своемъ (ЛИ, 703).

Группу слов греческого происхождения пополняет лексика, не имеющая прямого отношения к христианской религии: *аерѣ* (ЛИ, 714), *газѣфоулакия* (ЛИ, 712), *кюрѣ* (ЛИ, 711), *талантѣ* (ЛИ, 708), *философствовати* (ЛИ, 710). Например, существительное *аерѣ* «воздух», «атмосфера» в Речи употребляется со значением «небо»: дн(с)ѣ и множество вѣрнхъ кыанѣ. и населници ихъ... мнатьса *яко аера*

достигше (ЛИ, 714). Изысканное сравнение выдубицкого философа, очевидно, осталось непонятным позднейшим переписчикам. В Хлебниковском и Погодинском списках это место вследствие неправильной разбивки сплошного текста читается так: мнятся яко радости гл(агола)ше (там же). Сходно в Ермолаевском: мнятся яко радости глаголюще (ЛИ. Приложение, 58). В Речи греческое слово *кюръ*, являющееся титулом лиц Византийского императорского дома, употребляется по отношению к киевскому князю, что придает ей особенную торжественность: Въ ть(ж) днь приеха въ ма(н)стырь великый кнзь Рюрикъ. *кюръ* Василии (ЛИ, 711). Ср. под 1165 г.: Прибъже исъ Црагорода. братанъ црвъ *кюръ*. Андроникъ къ Юрославу оу Галичь (ЛИ, 524). Достойно внимания, что выдубицкий игумен не счел нужным сделать перевод греческого существительного *газъфоулакия* (сокровищница): во *газъфоулакию* бо кнажения твоего. любовь и хотъне ввергъше (ЛИ, 712).

В анализируемых текстах встречаются немногочисленные слова латинского происхождения. Обычные в древнерусском летописании названия месяцев Моисей употребляет своеобразно в однотипных конструкциях, нередко сопровождая дату указанием памяти святых. В Похвале: того бо лѣта. м(с)ца июла. в ѓднь. на (п)мать стхъ мчнкъ м. и. е. иже в Никопольи моученыхъ (ЛИ, 708); Свѣрши стѣноу тоу м(с)ца сентабра въ. кд.. днь на стр(с)ть стыйа первомоученици Феклы (ЛИ, 711). В Некрологе Давида Ростиславича: Престависа блговѣрныи кнзь Смоленский Двдъ ... м(с)ца априла. во кд. на память стго мчника Георгийа (ЛИ, 702).

Менее употребительны в древнерусском летописании отмеченные в произведениях Моисея существительное латинского происхождения *цесарь* и производное от него прилагательное *цесарьскии*. Например, в Речи: ѿ них же вѣща ц(с)рь ѿнъ (ЛИ, 709); тогда и возвеселиса дхвно. ѿ пришедши в дѣло таково. ц(с)рьскои мысли его (ЛИ, 712). В Некрологе Давида Ростиславича: бѣ бо люба дружиноу [Давид Ростиславич] а злыа кажна яко же подобаетъ ц(с)рь творити (ЛИ, 703); и покаяние. Двда ц(с)ря приимаа (ЛИ, 704); бесмртныи бже хвалю тебе ѿ всемъ воздаю. ц(с)рь бо еси ты всемъ единъ (ЛИ, 705).

Другие киевские летописцы знают форму *царь*. Так, у Петра Бориславича под 1154 г.: Томъ же лѣтъ. разболѣса великий кнзь Киевский Изаславъ. и ч(с)тныи б(г)овѣрныи. и х(с)олюбивый славныи Изаславъ Мьстиславечъ. вѣнукъ Володимерь. и плакаса по не(м) вса Рускаа земля. и вси черныи клобуци. и яко по цри и гнѣ своемъ. наипаче же яко по ѿ(т)ци (ЛИ, 469). Под 1164 г., по-видимому, у Поликарпа: Приде митрополитъ Иванъ в Русь. и не хотъ его Ростиславъ прияти. занеже ѿ(т)радилъ баше Ростиславъ Гюрату Семковича. къ црви хота ѿправити Клима. въ митрополью. и възвратиса ѿпать.

Гюрата изъ Олешья. с митрополитомъ и с црвомъ посломъ. и присла црвь дары многы. Ростиславу ѿksamoty и паволокы. и вса оузорочь разноличнаа. посоль же црвъ молваше Ростиславу. молвить ти црвь аще примеша с любовью. блг(с)вние ѿ(т) стыа Софыа (ЛИ, 522).

Отмеченные выше слова иноязычного происхождения не составляют отличительной особенности стиля Моисея, так как встречаются у разных авторов этого времени. Характерными для него следует признать заимствованные из церковных книг имена и собственные названия различного происхождения (греческие, латинские, древнееврейские и т. п.). В совершенстве зная события священной истории, выдубицкий игумен свободно оперирует этой лексикой в самых различных целях. Например: Сеи же бomoудрыи кнзь. Рюрикъ. патыи бы(с) ѿ(т) того. якоже пишеть ѿ правѣднемъ. *Иевъ* ѿ(т) Аврама (ЛИ, 709); и со прп(д)бнымъ. *Мефедъемъ*. глемъ (ЛИ, 713); дн(с)ь по *Исаи* понавляютьса ѿстрови (ЛИ, 714); яко и при *Зовавели*. свобожышеиса ѿ(т) *Вавилоньска* нечаыниа (ЛИ, 714); якоже вѣща *Соломонъ*. похвалаемоу правѣдномуо веселатъса людье (ЛИ, 714—715).

В отличие от других летописцев, которые редко упоминают христианские имена современников, Моисей делает это при каждом удобном случае. Например: Престависа блговѣрнаа кнагини Олга. сестра Всеволожа. великого нареченаа. чернѣчьскы *Офросьня* (ЛИ, 624); В тое же время блговоли бѣ... и вдохноувъ. мысль блгоу. во бгоприатное ср(д)це великомуо кнзю Рюрикови. по порожению же еже ѿ(т) б(ж)ственныа коупели дхмъ пронареченоу *Василью* (ЛИ, 708); Въ ть(ж) днь приеха въ ма(н)стырь великый кнзь Рюрикъ. *кюръ Василии* (ЛИ, 711); изoбръте бо [Рюрик Ростиславич] подобна дѣлоу и хожника. и во своихъ си приателехъ. имене Милонѣгъ. *Петръ* же по крещению (ЛИ, 711).

Иногда христианское имя дается только намеком: Того же лѣта. созда великый болюбивый кнзь Рюрикъ. црковь стго *Василья*. во имя свое. в Киевѣ на Новомъ дворѣ (ЛИ, 707).

Обращается он и к толкованию христианских имен. В Похвале, в частности, он так объясняет имя жены Рюрика Ростиславича, которая по-христиански называлась *Анна*: Тако же хр(с)толюбиваа его кнагини. тезоименнаа соуци. *Аннъ* родителници мтри ба нашего. наже и блг(д)ть нарѣцаетьса (ЛИ, 710). Таким же образом в одной из летописных статей, сообщая о рождении внучки того же Рюрика Ростиславича, он говорит о полученных ею двух именах и разъясняет смысл одного из них, восточного по происхождению: Того же лѣ(т) на зимуо родиса дщи оу Ростислава оу Рюриковича. и нарекоша има ей *Сфросьня* и прозваниемъ. *Изморадъ*. еже наречетьса *дорогий камень* (ЛИ, 708). Сходный, но более тонкий прием можно видеть в Некрологе Романа Ростиславича, супруга которого в своем плаче раскрывает не столько значение имени этого князя, сколько черты его

характера, сходные в какой-то мере с чертами характера святого *Бориса*, носившего христианское имя *Роман*: кнагини же его бес престани плакаше. предъстоящи оу гроба. сиче вопиюще. ц(с)рю мой блгны кроткыи. смиренны правдивыи. во истину тебе нарчено има *Романъ*. всю добродѣтель сыи подобенъ емоу. многина досады прии ѿ(т) смолнанъ. и не видѣ та г(с)не. николи же противоу ихъ злоу. никотораго зла въздающа (ЛИ, 617).

Древнееврейские имена выдубицкий игумен нередко использует в сравнениях, намекая на те или иные религиозные события, известные его просвещенным современникам. Так, князя Рюрика он сопоставляет с *Моисеем*, который вывел еврейский народ из египетской неволи, а себя — с сестрой Моисея *Мариам*, стоящей на берегу и поющей ему песню-хвалу: ѿбрѣтше та проводника. яко *Моисва*. новыи сиИ Изрль. изводащаго. из работы немл(с)рдья и ѿ(т) мрака скоупости. ѿ(т)селѣ бо не на брезѣ ставше. но на стѣнѣ твоего созданиа. пою ти пѣ(с) побѣдноую. аки *Мариамъ* древле (ЛИ, 714).

С л о ж н ы е с л о в а. Привлекает внимание склонность Моисея к употреблению сложных слов, придающих стилю его произведений торжественный характер. Свободно пользуется он кальками с греческого языка, созданными переводчиками религиозных произведений. Прежде всего это лексика, составной частью которой являются существительные *благо, добро, бог* и т. п., выполняющие определенную стилистическую функцию как образный речевой прием.

В Речи: *благодѣяние* (712), *благослюбный* (713), *богомобецъ* (714), *богомурный* (713), *богомудрый* (713), *богомудрство* (714), *добродѣтель* (712), *единомыслено* (715), *единочадыи* (715), *маловѣрныи* (715), *милосердовати* (712), *немилосердые* (714), *самовластныи* (713), *христолюбивныи* (713). В Похвале: *благодать* (708), *благоволити* (708, 709), *богоприкатыи* (708), *богомобивши* (709 дважды), *богоизволеныи* (711), *богомудрыи* (709, 710), *богонабдимый* (710), *добродѣтель* (710), *велегласно* (712), *Златоустыи* (712), *животворящии* (708), *единочадыи* (708), *мздыдавецъ* (710), *мудролюбые* (710), *первомоученица* (711), *правовѣрье* (710), *самодержицѣ* (709), *тезоименныи* (710), *трудолюбие* (710), *христолюбецъ* (709), *христолюбивыи* (710, 711), *цѣломоудрие* (710). Ср. в статьях за 1197—1198 гг.: *благовѣрныи* (702, 703; 706 дважды), *благодарить* (705), *благодать* (706), *благонравенъ* (703), *благооуханный* (703), *благословение* (703), *благославный* (703), *добродѣтель* (703), *маловременныи* (704), *многоматежныи* (704), *христолюбивъ* (703, 706).

Сложные слова чаще всего встречаются при описании церковных обрядов: еп(с)пѣ Костантинь. игумени вси. съ блгохвалными пѣ(с)ми. и с кандѣлы блгооуханными. положиша тѣло его [Романа Ростиславича] въ стѣи Бци. и плакашася по немъ вси смолнанѣ поминающе добросердые его до себе (ЛИ, 616); еп(с)пѣ же Смоленский Семешнѣ. и вси игоумени и поповѣ. и сивцъ его Мьстиславъ Романовичъ. и вси боаре. проводиша и [Давида Ростиславича] со блгохвалными пѣми. и с кадѣлы и блгооуханными (ЛИ, 703).

Широко применяются они также в цитатах из религиозной литературы. Так, в Некрологе Ростислава Мстиславича: и то повѣствоваше с Поликарпо(м). по вса дни хотѣлъ быхъ свободитиса ѿ(т) маловременнаго. и суетнаго свѣта сего. и мимотекущаго и многоматежнаго житыа. сего (ЛИ, 530).

В несколько измененном виде, но с теми же сложными словами эта цитата находится в Некрологе Давида Ростиславича: И тако мола въ ср(д)ци своемъ [Давид Ростиславич]. да бы ма бѣ сподобилъ. мнискомую чиною. и свободилса быхъ ѿ(т) многоматежнаго житыа. и маловременнаго свѣта сего (ЛИ, 704).

Ср. также в Повести об убиении Игоря Ольговича: гл(г)ть [Игорь Ольгович]... блгодарю та ги яко смирилъ еси дшю мою. и сподоби ма прити на свѣ(т). ѿ(т) темнаго и соуетнаго. и маловременна(г) сего вѣка (ЛИ, 350).

Не исключено, однако, что некоторые из сложных слов созданы самим Моисеем. Таким, возможно, является существительное *нищетооумье*, которое в древнерусском языке представлено единственным примером из его Речи: и то же не ѿ(т) скоудости нашего *нищетооумька*. но ѿ(т) дѣль твоихъ причтоу приѿбрѣтше (ЛИ, 713)¹⁸.

Образования с суффиксами отвлеченности. Образования с такими суффиксами являются специфической особенностью книжного стиля. Группа слов с суффиксом *-ние* в древнерусском языке особенно многочисленна и разнообразна по происхождению. Здесь и термины христианской религии: *крещение, спасение, цѣлование*, и существительные, обозначающие состояние человека, социальные отношения и другие различные понятия: *милование, княжение, писание, хотѣние*.

В произведениях Моисея такие слова используются как стилистическое средство, придающее им особенную торжественность. Рассмотрим употребление некоторых образований на *-ние* в Речи. *Благодѣяние*: мы же смиренни что воздамъ ти. противоу блгодѣянию ти. наже твориши и створилъ еси к намъ (ЛИ, 712). *Воздыхание*: и самъ бо имѣ не трѣбуеши. но точию *воздыханиа* и млтвы и ѿ здравьи и ѿ сп(с)ньи твоимъ (ЛИ, 712). *Нечаяние*: яко и при Зовавели. свобожышеиса. ѿ(т) Вавилоньска *нечаяника* (ЛИ, 714). *Поновление*: дн(с)ь по Исаи *понавляються* острови. а рекоу праведныхъ дша. выдаше *поновление*. ч(с)тнаго храма г(с)на (ЛИ, 714). *Потицание*: множество вѣрныхъ кыанъ. и населници ихъ. болше *потичание* и любовь ко архистратигу г(с)ню имѣти начинаютъ (ЛИ, 714). *Похваление*: на *похваление* добродѣтели. во газѣфулакию бо кнажения твоего. любовь и хотѣнье свергъше (ЛИ, 712). *Создание*: ѿ(т)селѣ бо не на брезѣ ставше. но на стѣнѣ твоего *созданиа*. пою ти пѣ(с) побѣдноую (ЛИ, 714). *Спасение*: не токѣмо и ради *сп(с)ника* своего. но и новаго ради чудеси (ЛИ, 714).

Кроме того: *княжение* (712 дважды), *написание* (713), *писание*

¹⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Спб., 1895, т. 2, стлб. 456.

(712), повеление (713), помышление (715), постъжение (715), растъние (713), украшение (713), уничтожение (712), уражение (713), утвержение (714), утешение (715), уничтожение (712).

Следует особо выделить и несколько существительных с суффиксом **-нъе**: *зданье* (714), *спасенье* (712), *хотънье* (712). Трудно сказать, были ли они внесены в текст самим Моисеем или принадлежат переписчику. Можно лишь отметить, что в других принадлежащих ему текстах эти же слова имеют суффикс **-ние**. Так, например, *здание* (711), *спасение* (709), *хотъние* (710). Существительному *зданье* (714) в Погодинском и Хлебниковском списках соответствует *здание*.

Больше оснований приписывать Моисею употребление форм на **-ье**: *причастье* (715), *сбытье* (713). В других текстах: *здравье* (712), *немилосердые* (714). Возможно, внесение форм на **-нъе** и на **-ье** вызвано особыми ритмическими условиями. Об этом как будто свидетельствует следующий пример: *самъ бо имъ не тръбоуеши. но точно въздыханиа и млтвы и ѿ здравьи и ѿ сп(с)ньи твоимъ* (ЛИ, 712). Ср. еще: *ѿ(т)всюдоу веселие дщи привлачаще* (ЛИ, 714).

Сходная картина наблюдается и в Похвале Рюрику Ростиславичу. Здесь встречаются некоторые существительные на **-ние**, известные по Речи. Например: *княжение* (709), *писание* (711).

Другие образования отмечены лишь здесь. *Воздержание*: *ѿ(т)страха г(с)на. воздержание* *нако нъкое основание полагаше* (ЛИ, 710). *Милование*: *оупражнашеса. но токмо и ѿ црквнхъ потребахъ. и ѿ милуваньи* (ЛИ, 710). *Начинание*: *то бо бѣ его моудролюбья начинаниа* (ЛИ, 710). *Основание*: *воздержание. нако нъкое основание полагаше* (ЛИ, 710). *Подание*: *подание ко требующим. бе скоудости* (ЛИ, 710). *Порожение*: *по порожению же же ѿ(т)бж(с)твенна коупели дхмъ пронареченоу Василью* (ЛИ, 708). *Прозабение*: *положите по дхоу же паце прозабение* (ЛИ, 709). *Сказание*: *ѿ(т)них же вѣсть врема сказанию* (ЛИ, 709). *Сблюдение*: *и прочая добродѣтели. прикладана во сблюдение заповѣди вл(д)чни* (ЛИ, 710). Ср. также: *соблюдение* (711). Кроме того: *крещение* (711), *приготовление* (711). На **-нъе**: *вослѣдованье* (710). На **-ье**: *моудролюбье* (710), *наслѣдые* (709), *правовѣрье, приатье* (711), *сдоровье* (712). На **-ие**: *трудолюбие* (710), *цѣломоудрие* (710).

В летописных статьях 1197—1198 гг. и в некрологах семейства Ростиславичей подобные образования повторяются: *благословение* (703), *княжение* (703), *наслажение* (705), *покаяние* (704), *священие* (706), *смирение* (705), *уздыхание* (704), *украшение* (706), *хотъние* (704). Под 1197 г.: *житья* (704).

Сходная лексика наряду с другими книжными формами наблюдается и во вставках, характеризующих с отрицательной стороны врага Ростиславичей Андрея Боголюбского: *Андрѣи же примъ свѣтъ ихъ. исполнивса високоумья. разгордѣвса велми* (ЛИ, 572); *Андрѣи же князь толикъ оумникъ сы. во всихъ дѣлѣхъ. добль сы и погуби смыслъ свои. и евоздержаниемъ* (ЛИ, 574).

Некоторые из образований на **-ние** употребляются своеобразно и характеризуют стиль Моисея. Так, только в его текстах слово *благословение* отмечено в значении «наследие». Например, в Некрологе Давида Ростиславича: и тако спратавше тѣло его. и положиша и во цркви стоую моученикоу Х(с)воу Борисоу и Глѣбоу. во ѿтн емоу *блг(с)внии*¹⁹ юже бѣ создалъ ѿць его Ростиславъ (ЛИ, 703). В Некрологе Ростислава Мстиславича: *ѿн же ре(ч) еѣ. не могу зде лечи повезите ма Киеву. аще ма бѣ ѿ(т)иметь на пути. то положите ма въ ѿтн. блг(с)внии. оу стго Федора* (ЛИ, 529).

У Поликарпа, например, значение этого слова «пожелание благополучия кому-либо с призывом божьей помощи, милости»: *посоль же црвь молваше Ростиславу. молвить ти црвь аще примеша с любовью. блг(с)внии ѿ(т)стыа Софыа* (ЛИ, 522).

Существительное *княжение* Моисей употребляет в редком значении «время пребывания у власти»²⁰. В Некрологе Ростислава Мстиславича: *бы(с) же княжениа* его Киевѣ. *н.лѣтъ без мѣсаца* (ЛИ, 532). В Некрологе Давида Ростиславича: и *бы(с) княжениа* его во Смоленскоу. *и.лѣ(т). а всихъ лѣтъ ѿ(т)рж(с)тва. з. бес трех* (ЛИ, 706). Сходно в Речи: *мнози бо преже нась. бывшей желаше видити наже мы видихомъ. и не вѣдѣша и слышати не сподобилшася. аже бѣ намъ дарова. твоимъ княженемъ* (ЛИ, 712). Встречается у Моисея и обычное в XI—XII вв. значение этого слова, где оно выступает как синоним существительного *княжество*. Например: *по вса дни хода [Давид Ростиславич] ко цркви стго. архистратига бжина Михаила. юже бѣ самъ создалъ. во княженьи своемъ* (ЛИ, 703); *мнози же самодержици придоша. держащен столъ. княжениа Киевского* (ЛИ, 709); *во газьфоулакию бо княжениа твоего. любовь и хотъние ввергыше* (ЛИ, 712).

Слово *княжение* в значении «княжеская власть» для текстов Моисея не характерно. Встретив его у выдубицкого игумена, можно заподозрить здесь монтаж различных источников. Таков, например, ответ Ростислава Мстиславича Поликарпу, где к простым словам, возможно, произнесенным самим князем (*княжение* и *миръ не можетъ. безъ грѣха быти. а оуже есмь былъ не мало на свѣтъ се(м)*), Моисей присоединил длинную тираду, составленную в духе других его текстов: *Ростиславъ же ему тако ре(ч) ѿ(т)це княжение и миръ не можетъ. безъ грѣха быти. а оуже есмь былъ не мало на свѣтъ се(м) а хотѣлъ бы(х) поревновати накоже и вси правовѣрнии цри пострадаша. и принаша възмздие. ѿ(т)га ба своего. накоже и стии мчнци кровь свою прольнаша оуспринаша вѣнца нетлѣнныа. накоже и стии ѿ(т)ци оудручивше тѣло свое посто(м) и оузкы(м) и тѣснымъ путемъ ходивше възпринаша цр(с)тво*

¹⁹ В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» существительное *благословение* в этом предложении толкуется как «завещание и то, что завещается; дар» (М., 1975, т. 1, с. 217).

²⁰ В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» (М., 1980, т. 7, с. 203) это значение отмечено лишь у сочетания *в княжение*.

нб(с)ное. ѡкоже и самого. правѡрнаго цра Костантина. слышахъ глава. аще бы(х) вѣдалъ сель ч(с)тнѣ ликъ чернецскїи. вѣсходаща съ англѣ къ пр(с)тлу гню бес пристава сналъ бы(х) вѣнецъ. и багра- ницю (ЛИ, 531).

Существительные на -ние сконцентрированы в Некрологе Ростисла- ва Мстиславича так, что можно предполагать вставочный характер насыщенных ними отрывков. Например, рассказ Поликарпа о том, как Ростислав устраивал обеды монастырской братии, разрезает фраг- мент иного плана: самъ же по вса не(д)ли причащение имаше слезами омываю лице. свое и вѣздыханиемъ. частымъ смиран. себе. и стонание ѡ(т) ср(д)ца. своего испущая. вси(м) видащи(м) его в толицѣ смиреннѣ стонаща. и тако не можаху оудержатися ѡ(т) слезъ (ЛИ, 530). Ниже приведем текст рассказа, отметив место вставки точками и абзацем: оуставиль же баше и сю добродѣтель в собѣ. оу великии постѣ. въ всакую субботу и в не(д)лю. сажаше на ѡбѣдѣ. оу себе. вѣ чьрныца. третии на десать игумень Поликарпъ. и тако тѣ(х) накорми ни щихъ ѡ(т)пущаше...

егда же скончеваше весь постѣ. и тако оучрѣжаша всю бра(т)ю. а в Лазореву субботу. вси печераши взимаше. и по вси(м) монастыре(м) зваше. а во ины дни въ сре(д) и в па(т)къ оутѣшиваше бра(т)ю. Пе- черьскую великую любовь имѣаше. къ стѣи Бци и къ стому ѡ(т)цю Федосью (ЛИ, 530).

Авторству Моисея можно, очевидно, приписать и молитву князя Ростислава, обращенную к Богородице: пр(с)тан Бце вышши еси англѣ архнглѣ всена твари ч(с)тнѣишу помощнице ѡбидимы(м) не на- дѣюшимъса надѣвание сиротамъ заступница. оубогымъ кормительни- це. печалны(м) оутѣшение. грѣшнымъ спс(е)ние. хр(с)тъяно(м) вси(м) поможение (ЛИ, 531).

Суффиксы -ость, -ств. Абстрактные существительные на -ость Мой- сей употребляет редко: Например в Речи: *благодсть* (715), *грубость* (712), *лѣность* (714), *милость* (715), *правость* (713), *свѣтлость* (713), *скудость* (713), *скупость* (714). В Похвале: *благодсть* (708), *кротость* (710), *милость* (710), *радость* (708), *скудость* (710). Ср. в статье 1198 г.: и всею *блг(с)тью* исполнена [церковь] (ЛИ, 704). Еще реже встре- чаются в его текстах имена с суффиксом -ств. В Речи можно отметить лишь существительные: *богомудрество* (714), *естьство* (713), *множество* (714), *царство* (714), а также причастия: *божественнѣи* (713), *соючествен- нѣи* (713). В Похвале вообще имеется лишь одно слово такого типа: *блаженство* (710). В Некрологе Давида Ростиславича: *рождество* (706). В статье под 1198 г.: *величество* (706).

Несмотря на небольшое количество образований с суффиксами от- влеченности, в некоторых местах текстов Моисея они даются очень концентрированно. Например, рисуя в Речи философскую картину вселенной, выдубицкий игумен насыщает ее абстрактной лексикой: нбса бесловесное *естьство* соуще и сочювьствено. и самовластно. но

точно *свѣтлостью*. слнца и *раствѣниемъ* луны. *оукрашениемъ* звѣздъ. и не премежно хранаше оуставы временемъ. вл(д)чна *повеления*. по- вѣдають славою его. ѡко же всимъ. добрѣ смотрящимъ творца ѡ томъ похвалити добраго ради *оукрашения* (ЛИ, 713).

Набор абстрактной лексики отмечен и в некрологе Давида Ростис- лавича: *взимаю* оу нихъ *блг(с)ние* (ЛИ, 703); и всею *блг(с)тью* исполнена (ЛИ, 704); *оуддыхание* ѡ(т) ср(д)ца возноса (ЛИ, 704); и *покаяние*. Дѣва ц(с)ра приимаю (ЛИ, 704); и не лиши бѣ *хотѣния* его (ЛИ, 704); вижъ *смирение* мое (ЛИ, 705); все бѣтство имъ в *насла- жение*. створивъ бо ты мира сего (ЛИ, 705). В строках, характери- зующих новую церковь святых апостолов, под 1198 г. встречается: высотой же и *величествомъ*. и прочимъ *оукрашениемъ*. всѣмъ в дивѣ. оудобренѣ (ЛИ, 706).

В статье о походе Андрея Боголюбского на Киев абстрактные существительные выступают в сочетании с другими признаками, ха- рактерными для стиля Моисея (иноязычная лексика, сложные слова): и тако ему казавшю Борисови Жидиславичю. и вѣлѣвшю ему ити къ Стославу Всеволодичю како са башь с нимъ свѣщали. и со всею его братью ѡ(т) стѣи *многорукаваго дѣвола*. иже воюеть на кр(с)тъяны. Андрѣи же князь толикъ оумникъ сы. во всихъ дѣлѣхъ. добль сы и погуби смысл свои. и *невоздержаниемъ*. распольвѣса гнѣвомъ. такова оубо слова похвална испусти. наже бѣи студна и мерьска. хвала и *гордость*. си бо вса быша ѡ(т) *дѣвола* на ны. иже вѣсѣваеть въ ср(д)це наше. хвалу и *гордость* (ЛИ, 574).

Своеобразие употребления книжных форм в текстах Моисея вы- рисовывается достаточно определенно при рассмотрении тех же форм во фрагментах, принадлежащих другим авторам. Выясняется, на- пример, что летописцы-киевляне ограниченно использовали иноязыч- ную лексику. Конечно, в текстах наиболее близких к церкви авторов находятся названия таких необходимых по тому времени понятий, как *церковь*, *монастырь*, *крест*, *попѣ*, *игумень*, *епископѣ*, *мнихѣ* и т. д. Например, Поликарп так повествует о грабеже, который учи- нили враги Святослава Ольговича, не пощадившие даже религиозных святынѣ: и црквь стго Възнесения всю ѡблоупиша съсуды серебряныя. и *индѣтѣбѣ* и платѣ слоужебныя. а все шито золото(м) и *кадѣлничѣ* двѣ. и *кацѣи*. и *еюу(е)ае* ковано и книги и колоколы (ЛИ, 334).

Редко встречаются у летописцев и сложные слова, хотя тот же Поликарп проявляет свое знакомство с лексикой такого рода. Напри- мер: и игумени. чьрныци. попове киане съ *блгодарениемъ* съ *блгохвал- ными* пѣ(с)ми. положиша и. въ монастыри въ стѣмъ Андрѣи. м(с)ца февраля. въ еі. днѣ въ первую недѣлю поста. в субботу (ЛИ, 548).

Чаще он обращается к сложным словам, как и вообще к книжной лексике, когда пытается давать нравоучительные советы сорившимся князьям: *всекозненнѣи* же *дѣволѣ*. не хота любви межю братьєю (ЛИ, 324); *лоукавыи* бо *пронырливыи дѣволѣ*. не хотаи добра межю бра- (т)ею. хотаи приложити зло къ злоу. и вложи има мысль. не вискати

брата Игоря. ни поманути *ощьства* и *о х(с)ъ оутверженна*. ни *бже-ственина* любви. *накоже бѣ льпо жити бра(т)и единомыслено*. оукоупѣ. блюдоучи *ощьства* своего. но перестоупивша кр(с)тъное *оутвержение*. и забыша страха *бѣна* (ЛИ, 328—329).

Знаком книжной лексики и книжных конструкций показал себя и тот летописец-церковник, который продолжил «Повесть временных лет»: Ярополкъ же баше събралъ множество вои. на нь изо всихъ земель. и приемъ *расмотрение* въ ср(д)ци не изиде на нь противу. ни створи *кровопролитыя*. но оубоавса соуда *бѣна* ствоста мнии в нихъ хоулоу. и оукоръ приа на са. *о(т) бра(т)ѣ* своена. и *о(т) вси(х)* по *рекшему* *любите враги ваша*. и створи с ними миръ. въ вѣ. генвара. и целовавше хрестъ. межю собою. ходачю ме ми ч(с)тъному Михаилу. митрополиту. со кр(с)томъ. и вда Ярополкъ Олговичемъ. *о(т)чину* свою. чего и хотѣли. и тако оутѣши. *блгооумнии* кнзъ Ярополкъ. брань ту лютоую (ЛИ, 299—300). Здесь можно найти все те формы, которыми пользуется и Моисей. Однако сам способ их употребления в сниженном бытовом плане резко отличается от характерного для выдубицкого философа искусства слова.

Сфера абстрактной лексики также не была чуждой современникам Моисея. Первое место по частотности употребления здесь, конечно, занимает существительное *цѣлование*, входящее в состав оборота *крестное цѣлование*. Оборот этот употребляют многие авторы. Например: перестоупиша кр(с)тъное *цѣлование* [Давидовичи] *о(т)стоуписта* *о(т) Игоря* и *о(т) Стослава*. къ братоу Всеволодоу (ЛИ, 312); и по малъ же днии състоуписта Двдвча кр(с)тъного *цѣлованиа* (ЛИ, 325); а ко Мьстиславу посла [Юрий] съ кр(с)тънымъ. *целованиемъ* (ЛИ, 481); и цѣлова кр(с)тъ к нима [Владимир Мачешич] и вниде въ градъ. и переступи кр(с)тъное *цѣлование* съ заутрыа. такъ бо баше къ всеи братъи своени верьтливъ. не оуправливаше к нимъ кр(с)тъного *цѣлованиа* (ЛИ, 547); се же много подъя. бѣды [Владимир Мачешич] бѣгана. передо Мьстиславомъ. ово в Галечь. ово Оугры ово в Разань. ово. в Половцихъ. за свою вину. занеже не оустонаше въ кр(с)тномъ. *цѣловани*и всегда же и то гонаше (ЛИ, 567).

Следует отметить, что Поликарп свободно пользуется образованиями на *-ние*. В его текстах они нередко встречаются в связи с церковным обиходом: Поиде Ростиславъ снѣ Мьстиславль. и Смоленска къ Киеву на столъ. и вниде в Киевъ. м(с)ца априла въ. вѣ. днѣ на *въскр(с)ние*. тогда бо бѣ паска ч(с)тънаа... и бы(с) людемъ двоа радость. и *въскр(с)ние* гне и кнже *сѣдение* (ЛИ, 504); и похваливше кнзи всемл(с)тваго ба и силу ч(с)тънаго кр(с)та *възвратиша(с)* въ своаси. с радостью великою. и быша в домехъ своихъ на *самое въскр(с)ние*. и бы(с) людемъ двоа радость. и *въскр(с)ние* гне и кнзъ своихъ *възвращение*. с побѣдою и с радостью (ЛИ, 540). Наряду с церковной лекси-

кой у Поликарпа имеются немало образований на *-ние* бытового характера. Некоторые из них выступают как бы параллельно к глаголам, от которых были образованы. Например: Всеволодъ же радъ бивъ *разлоучѣнью* ихъ. и оуладивъса. *о* волость (ЛИ, 312). Выше сообщалось: Всеволодъ. *разлоучивана*. съ братомъ своимъ. и даа емоу Бѣльгородъ (ЛИ, 309). Ср. еще: и начаша сѣчи и *разлоучиша(с)* [Игорь и Святослав] *другъ о(т) друга* (ЛИ, 326). Возможны параллельные образования на *-ние* и к существительным иного способа образования: и поѣха [Изяслав Давидович] *изъвѣдомъ*. к Чернигову. Стославу же не вѣдущо *о изъвѣдени*и Изаславли (ЛИ, 507). В текстах Поликарпа можно отметить еще следующие образования на *-ние (-нѣ)*: и *многимъ падение* бы(с) (ЛИ, 327); Стославъ... *изиде въ срѣтение* емоу (ЛИ, 335); бѣ бо свѣтенъ Стославъ *о сѣдѣнни* Изаславли в Киевѣ (ЛИ, 478); половець же приѣхаша к нему мало *нако* на *розглядание* (ЛИ, 481); се же створи [епископ] злое *преступление* (ЛИ, 523); Олегъ бо просаше въ правду *надѣльнѣна* (ЛИ, 525); и оуклониса [Владимир Мачешич] на *имѣние* и на села. и на стада. Андрѣевича (ЛИ, 547); и бы(с) *сѣдѣнна* его [Мачешича] всего Киевѣ. д. м(с)цѣ (ЛИ, 567).

Нередко прибегает к книжным формам на *-ние (-нѣ)* и владимирский летописец-церковник: съ же не токмо не *въсхотѣ поставления* *о(т) митрополита*. но и цркви вси Володимири затвори. и ключѣ црквыныа. *вза*. и не бы *звонения* ни *пѣника* по всему граду (ЛИ, 551—552); много пострадаша члвци *о(т) него* въ *держание* его. и сель *изнебыша*. оружьа и конь друзии же. роботы добыша. *заточѣнна* же и *грабленія* (ЛИ, 552); тако и сесь. Федорѣць. не *въсхотѣ бл(с)вниа* (ЛИ, 554).

Реже пользуется такой лексикой Петр Бориславич, хотя она и не совсем чужда его речи. Например: *ре(ч)* имъ посоль Изаславль Мьстислали(ч) *которыи* то грѣхъ *оже* на любви кр(с)тъ *цѣловати*. то ны собѣ на *сп(с)ние* (ЛИ, 345—346); и *стонаша* оу Бѣльвежи м(с)цѣ [Долгорукий и Святослав Ольгович] *сѣжидаче* к собѣ половець. и *о(т) Изаслава покорениа* ²¹ (ЛИ, 377); половци же *обрадова(ш)са* емоу. и почаша с нимъ доумати. коуда бы имъ *выѣхати*. в Роускою землю. онъ же *поча* ихъ *водити*. *подѣтыча* на *воевание*. како бы емоу мьститиса *сором* своего Стославоу (ЛИ, 669).

Фонетические старославянские формы. В Речи, очевидно, чтобы не снизить ее пафоса, Моисей вообще отказывается от полногласных форм. Наряду с обычными в древнерусском летописании словами типа *благыи* (712), *владыка* (713), *время* (713 дважды), *здравье* (712), *златъ* (715), *храмъ* (714), *преже* (712) он использует неполногласные формы, приближающие язык Речи к нормам старославянской письменности, например: *брегъ* (714), *власъ* (715), *глаголати* (712, 713, 715), *мракъ* (714). Даже народные предания, которые выдубицкий игумен находит нужным ввести в текст Речи, он полностью

²¹ Ср.: Дюрдяи же *ре(ч)* поидемъ к Переяславлю. тоути ему прити. да негли тоу *покоритьса* (ЛИ, 378).

переводит в книжный план. Как предполагали суеверные киевляне, церковь святого Михаила не упала с подмытого берега лишь потому, что ее поддерживал спущенный с неба золотой волос. Иные даже допускали, что это строение постепенно отодвигается подальше от опасного места. Вот как выглядят в изложении Моисея эти в своей основе подобные рассказы после их насыщения книжной лексикой, в том числе и неполногласной: *ѡвии бо глхоу. ѡко златомъ власомъ поверзена естъ цркви ѡ(т) небесе. и тѣмъ же оутвержена. а ѡви ѡко постоупають цркви в монастырь. инако же мнози* (ЛИ, 715).

Неполногласная лексика преобладает и в Похвале: *благоволи* (708), *благодать* (708), *благость* (708), *благъ* (708), *велегласно* (712), *время* (708), *Златоустыи* (711), *преже* (711 дважды), *храмъ* (711).

Здесь, однако, встречается и полногласие: похвалиша ба. и стго Михаила. и великого княза *сдорове* (ЛИ, 712). Ср. также статью под 1197 г.: *в... странъ* (703); *златомъ* (703); *драгимъ* (704).

Следует отметить, что древнерусские имена и географические названия во всех текстах Моисея даются только в полногласной форме.

Например: созда [Рюрик Ростиславич] црковь... в *Бѣлѣгородѣ* (ЛИ, 706); и бы(с) радость велика во градъ Киевѣ. и в *Вышегородѣ*. приеха Мьстиславъ Мьстиславичъ. И тетка еи *Передѣслава*. и вѣста ю (ЛИ, 708); *Всеволодъ* бо роди *Володимера Володимеръ* же роди Мьстислава (ЛИ, 709), приеха въ ма(н)стырь великии князь Рюрикъ. кюръ Василии.

со хр(с)толюбивою княгинею. и со сномъ Ростиславомъ и *Володимеромъ*. и съ дочерью своею *Передѣслагою* (ЛИ, 711). Внимание привлекает последовательное употребление во всех текстах Моисея неполногласного варианта *время*: в то же *время* ходашеть Двдъ. Ростиславичъ. по Днѣпроу. в лодьнахъ ловы дѣн (ЛИ, 614); В то же *время* блговоли бѣ поновлаи мл(с)ть свою ѡ насъ (ЛИ, 708); *время* бо требоваше слоугы своего (ЛИ, 709); нбса бесловесное естъство ... не премоно хранаше оуставы *временемъ* (ЛИ, 713).

Неполногласные формы встречаются также в записях летописцев сыновей Владимира Мономаха: В то же *время*. иде Юрьи Ростовоу (ЛИ, 300); В то же *время*. взидоста княжича два. исъ Црѣгорода (ЛИ, 303); по малъ же *времени* почаша вѣставити. новгородци (ЛИ, 307); В то же *время*. поима Всеволодъ города Дюргевѣ (ЛИ, 309); в то же *время* идоущо Ростиславоу. съ смоленскимъ полкомъ. къ зати своему Киевоу. и слышавъ (ЛИ, 311). То же наблюдается у владимирских летописцев: Глѣбови... в то *время* болъну сущо (ЛИ, 562). Неполногласные формы предпочитает и летописец Святослава Всеволодича: Володимира же не пусти кормилецъ его зане. молодъ бѣ в то *время* (ЛИ, 431); и Борисъ Жидиславичъ воевода бѣ в то *время*. и нардъ всъ держаше (ЛИ, 565); В то же *время*. сѣдащо Стославу Всеволодичю въ Черниговѣ (ЛИ, 568); В то же *время* родиса Крославу снѣ (ЛИ, 568); В то же *время*. вышедшио Стославоу ис Киева. ниже

Трьпола стоящо. съжидающо к собѣ Ростиславичъ... и в то *время* пригна посолъ. ис Переяслава (ЛИ, 613).

Только два автора Киевской летописи (Поликарп и Петр Бориславич) последовательно употребляют существительное *верема*. Все фрагменты, которые, по предположению Б. А. Рыбакова, связаны с их деятельностью, знают лишь восточнославянский вариант этого существительного. Поликарп: В то же *верема* Всеволодъ. разлоучиванъ съ братомъ своимъ. и данъ емоу [Святославу Ольговичу] Бѣлѣгородъ (ЛИ, 309); и в то *верема* поча изнамагати Иванко Гюргевичъ (ЛИ, 338); в то же *верема* пойдоста Гюргевича Ростиславъ. Андрѣи къ

Разаню (ЛИ, 339); в то же *верема*. Стославъ. ѡ(т)поусти воѣ своѣ в Половцѣ (ЛИ, 339); В то же *верема*. придоша к не(м) бродничи (ЛИ, 342); и в то *верема* приде к нему Глѣбъ изъ Соуждала. Гюргевичъ (ЛИ, 355); башеть бо князь в то *верема* на Бѣлцици (ЛИ, 495); Слгъ же бѣ

в то *верема* несдравуна велми (ЛИ, 526); и ту бѣ в то *верема* мужъ Двдъ (ЛИ, 535); В то же *верема* Володимиръ. Андрѣевичъ. нача припрашивати волости оу Мьстислава (ЛИ, 543). Петр Бориславич: В то же *верема* Изаславъ посла посолъ свои. къ Ростиславоу (ЛИ, 347); В то же *верема*. стояше Изаславъ верхъ Соупоа (ЛИ, 354); и в то *верема*. приде къ Изаславоу вѣсть. къ Мьстислаличю (ЛИ, 356); В то же *верема*. собѣ в немъ помочи (ЛИ, 364); В то же *верема*. пришелъ бѣ Гюргевичъ старѣишии Ростиславъ... къ Изаславо Киевоу (ЛИ, 366); в то же *верема* придоша къ Изаславо Володимиру оугре (ЛИ, 386); Вачеславъ же в то *верема* сѣдаше оу Вышегородѣ. а Гюрги оу Киевѣ. а снѣ Гюргевъ Глѣбъ оу Пересопници. и Дорогобоужу. Изаславъ же... (ЛИ, 394—395); и приде [Изяслав Мстиславич] к Пересопници. в то же *верема* башеть в Пересопници Андрѣи Гюргевичъ. Изаславъ же пришедъ и ста выше Пересопници и пожъже Зарѣческъ (ЛИ, 409).

Редкие исключения только подтверждают правило. Если в тексте, по всем иным признакам принадлежащем Петру Бориславичу, однажды встретилась форма *время*, то ее можно отнести на счет одного из переписчиков летописи, так как в Хлебниковском и Погодинском списках в этом случае находим полногласие: и ѡ(т)толѣ поустиста [Изяслав и Ростислав Мстиславичи]. новгородци и роусь. воевать къ Крославлю и в то *время* [X. П. *верема*] оуже бы(с) тепло башеть бо оуже вѣрбноѣ не(д)ли. и бы(с) вода по Волзѣ. и по Молозѣ по чрево коневу на ледоу. и в то *время* придоша новгородци повоевавшие роусь. ѡ(т) Крослава. и полонъ много принесоша. и много зла земли тои створиша (ЛИ, 371).

Важно также, что эти летописцы употребляют данное слово не только в составе оборота *в то же время*, но и в других сочетаниях: *по томъ же времени* како оуже рѣкы сташа пославше Слгови(ч) и Двдвича дружиноу свою с половци воеваша Брагинъ (ЛИ, 359); *мало верема* переждавшие [новгородцы] и створше вѣче на Стослава (ЛИ, 510); и стояша [князья] оу Канева *долго верема* дондоже взиде. Гречникъ и Залозникъ (ЛИ, 528).

Обращает на себя внимание и употребление варианта *верема* в прямой речи: и начаша чернии клобуци молвити... а ны(н) не твое *верема* поѣди прочь (ЛИ, 401); Вачеславъ же съ Изаславомъ рекоста видивша то на нею *верема*. нынѣ есть (ЛИ, 402); оустръѣ и Ярославъ и ре(ч) имѣ. нынѣ братья не ходите по срекше *верема*. оже дасть бѣ на лѣто поидемъ (ЛИ, 628); сдоумавше лѣпшии моужи в черныхъ клобоуцехъ. и приѣхаша к Ростиславоу к Рюриковичю. и почаша емоу молвити. поеди княже с нами на вежи половыцкыа *верема* ти есть... а такого ти *веремени* иногда не боудеть (ЛИ, 677); Ростиславъ Рюриковичъ... рекъ дружинѣ своеи *верема* ны есть поѣдѣмъ. на половци (ЛИ, 677); и посла вѣсть [Олег Святославич] ко строеви своему. к Черниговоу ко Ярославоу и братья свои... и повѣда имѣ. Мъсти-слава есмь ѡль... а нынѣ оже сакого ны *веремени* не боудеть пакы (ЛИ, 692—693).

Факт последовательного употребления восточнославянского варианта *верема* двумя летописцами XII в., писавшими в общей сложности не менее пятидесяти лет, позволяет высказать некоторые соображения в области истории древнерусского литературного языка. Вряд ли можно принимать как бесспорное утверждение о том, что существительное *время* относится к тем старославянизмам, «которые благодаря раннему их внедрению не только в письменный, но и в разговорный русский язык, совсем или почти совсем вытеснили параллельные восточнославянские лексемы»²².

Вызывает сомнение и предположение А. С. Львова, который пишет: «Повесть временных лет» в употреблении интересующего нас слова не отличается от памятников старославянской письменности. Думается, что употребление слова *врѣмя* преимущественно в неполногласной форме и с определением *се* и *то* обусловлено тем, что для летописца это слово было, так сказать, неродным: оно было заимствовано им из церковных книг. Этим, надо полагать, объясняется и то, что слово это встречается преимущественно в неполногласной форме»²³. По мнению ученого, в том славянском диалекте, на который переводили впервые греческие церковные книги, слово *врѣмя* уже употреблялось в значении «пора», «срок». В древнерусском же языке полногласное существительное *верема* такого значения не приобрело. Вследствие этого, считает А. С. Львов, оно и было вытеснено книжным заимствованием²⁴.

Приведенные нами факты, как представляется, имеют важное значение. Во-первых, они подтверждают существование летописных записей Поликарпа и Петра Бориславича в границах, намеченных в книге Б. А. Рыбакова. Во-вторых, находит поддержку и гипотеза о том, что свод Моисея включил не только отдельные фрагменты, но и своды предшественников выдубицкого игумена²⁵. На это указывает, в частности, употребление формы *верема* не только в середине летописных

²² Мещерский Н. А. История русского литературного языка. — Л., 1981, с. 75.

²³ Львов А. С. Выражение понятия времени в «Повести временных лет». — В кн.: Русская историческая лексикология. М., 1968, с. 22.

²⁴ Там же, с. 24.

²⁵ Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 172—183.

статей, но и в их начале в составе формулы *в то же верема*, которой обычно пользовались редакторы и составители сводов. В-третьих, можно сделать вывод, что все редакторы и сведчики Киевской летописи, включая и Моисея, бережно относились к текстам своих предшественников. И, в-четвертых, работавшие после них переписчики, по-видимому, внесли не так много изменений в написание полногласных и неполногласных лексем.

2. ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА

Исследователи отмечают воздействие народнопоэтической и литературно-агиографической традиции на поэтическую образность древнерусских летописей²⁶. Однако стиль летописей не может быть сведен лишь к этой традиции. О. П. Пресняков по этому поводу пишет: «Несмотря на все заимствования и влияния, неизбежно возникает вопрос о ведущих стилиобразующих факторах в языке летописания, об их зависимости от общих закономерностей развития языка эпохи и всей ее культуры в целом»²⁷.

Как показали исследования древнерусской литературы, расчленение Киевского летописного свода на его составные части обнаруживает в нем различные типы исторических повествований. Наиболее часто встречаются реалистические рассказы об исторических событиях, лишь несколько приукрашенные книжной фразеологией; реже попадаются «оцерковленные» повести, близкие к житийной манере и обесцвечивающие своими шаблонами рассказ о действительном событии. Но и в тех, и в других текстах, хотя и не в одинаковой степени, слышно живое слово участника или хотя бы свидетеля описываемых событий²⁸.

Изучение образных средств памятника помогает выявить принадлежность тех или иных его фрагментов определенным лицам.

Э п и т е т ы. Стилистику летописного повествования в значительной степени определяет близость к фольклорным источникам, неразрывная связь с ними. В древнем поэтическом языке элемент оценки и экспрессии присутствует даже в простых определениях.

Язык Киевской летописи, как и вообще древнерусский язык, характеризуют оценочные эпитеты²⁹. Эпитеты образительные встречаются в этом произведении крайне редко. С одной стороны, это связано с преобладанием в нем документальных, деловых текстов, с другой — выделение существенных черт изображаемого без привнесения элемента оценки на этом этапе развития литературного языка только

²⁶ Суццицкий Г. До питання про літературну школу XII в.— Зап. укр. наук. тов-ства в Києві. К., 1909, кн. 4, с. 3—19. Литературу вопроса см.: Азбелев С. Н. Литературные памятники Киевской Руси.— В кн.: Русская литература и фольклор. Л., 1970, с. 25—29; Еремин И. П. «Повесть временных лет». Проблемы ее историко-литературного изучения.— Л., 1946, с. 58.

²⁷ Пресняков О. П. О. О. Потебня про поетичну образність мови руських літописів.— Мовознавство, 1985, № 4, с. 25.

²⁸ История русской литературы: В 10-ти т. М.; Л., 1941, т. 1, с. 310.

²⁹ Кожин А. Н. Литературный язык Киевской Руси.— М., 1981, с. 97—98.

начиналось. Как правило, изобразительные эпитеты встречаются лишь в сугубо книжном контексте: Того же лѣ(т) бы(с) знамение. м(с)ца сентабра. еі. днь. тма бы(с) по всей землѣ како же дивитиса всимъ члвкомъ. слище бо погиге а нбо погорѣ облакы огнезарными (ЛИ, 655).

В летописных фрагментах как эпитет чаще всего выступает близкое к простому определению прилагательное *велик(и)*, оценочная функция которого поддерживается семантической корня. Например: а самого емше выдахо(м) та Глѣбовиче(м). на великую муку (ЛИ, 494); Всеволодъ же бѣ има великую любовь къ Рогѣволоду и на ту любовь надѣаса. ѣхавъ к Рогѣволоду поклониса (ЛИ, 496); попъ же Василѣи в велицѣ изоумѣннѣ бывѣ (ЛИ, 627); король же бѣ великѣ грѣхѣ створи(лѣ) (ЛИ, 661). В такой же роли выступают и другие прилагательные, которые, характеризуя изображаемые явления, реализуют моменты положительной оценки. Например, слова *дивнѣи*, *краснѣи* (красивый) используются как оценочные эпитеты при характеристике разнообразных строений (церковь, палата и т. п.): Том же лѣ(т). погорѣ Ростовъ и цркви вси. и сборнаа. дивнаа великаа цркви стоа Бца (ЛИ, 512). Прилагательные *мильи*, *любимый* употребляются при словах, обозначающих родственные отношения: Еха же по милое своей дочери до трехъ становъ. и плакаса по ней ѿцъ и мти (ЛИ, 658).

Особенную изобретательность проявляют авторы летописи — церковники, подбирая эпитеты для обрисовки отрицательных персонажей. Например, владимирский епископ Федор, наказанный Андреем Боголюбским за непокорность, описывается так: изгнана бѣ и стаа Бца Володимирская. злаго и пронырливаго. и гордаго лестца лживаго вл(д)ку Федорѣца. из Володимира (ЛИ, 551). При помощи ярких книжных образований характеризует летописец Святослава Всеволодича врагов Киевской земли половцев: Пошелъ баше ѿканьнѣи и безбожнѣи и треклятѣи Кончакъ. со множествомъ половець. на Роусь (ЛИ, 634). Нанизыванием нескольких эпитетов он умело усиливает отрицательную экспрессию сообщения: Того же лѣ(т). м(с)ца. авгоуста придоша иноплемьнѣици. на Роускою землю. безбожнѣи. измалтанѣи. ѿканьнѣи. агаране. неч(с)тѣи. ищады дѣломъ. и правомъ сотоннѣи(м). именовъ Кончакъ (ЛИ, 612).

Эмоциональная насыщенность усиливается прилагательными, стоящими в постпозиции: и ту оубиша Володимира князя Двѣвича. Черниговьского. добраго и кроткаго (ЛИ, 438); ти еси Ростиславу снѣ любимѣи (ЛИ, 470); и много зла отвориса въ тѣ днь розграбиша дворъ его краснѣи (ЛИ, 489); и бы(с) печаль велика Всеволодоу (ЛИ, 625). Выразительную оценочную окраску эпитеты-прилагательные приобретают также при помощи приставки *пре-* или количественного наречия *велики*: игда же несахоуть и къ гробу. прѣдивно знамение бы(с) на н(е)бси (ЛИ, 309); и тогда нависа звѣзда привелика. на западѣ (ЛИ, 317); створи же Рюрикъ. Ростиславоу велики силноу свадбоу (ЛИ, 658). Интерес представляют конструкции, в которых оценочная

функция эпитета достигает наивысшей степени при помощи отрицательного сравнения: в то лѣто бы(с) боура велика. ака же не была николи же. ѿколо Котелничѣ (ЛИ, 314); и бы(с) скорбѣ и тоуга люта. какоже николи же не бывала (ЛИ, 645).

Характерны для летописного стиля и метафорические эпитеты³⁰, то есть прилагательные, употребленные переносно. О. В. Творогов отмечает, что в языке «Повести временных лет» слова *брань* и *сѣча* в описаниях битв всегда выступают с эпитетами, образуя с ними стойкие словосочетания. Наиболее употребительными являются: *сѣча зла* и *брань крѣпка* или *люта*. Как полагает исследователь, эти эпитеты отсутствуют лишь в том случае, если речь идет не о конкретном сражении, а о сражениях вообще³¹. В Киевской летописи тоже встречаются существительные, к которым постоянно выступают определениями метафорические прилагательные: и тако оутѣши. блгооумнѣи князь Юрополкъ брань ту лотоую (ЛИ, 300); бѣ же и стаа Бца избави городъ. ѿ(т) лотыа рати (ЛИ, 320); съступившимъса полко(м) бы(с) сѣча крѣпка (ЛИ, 438); Том же лѣ(т) свѣтѣ золѣ свѣщаша на княза свое(г) полочане (ЛИ, 494); и казниша казнью злою (ЛИ, 364); и тако бѣ и стаа Бца и стаа мчнка избависта гра(д) ѿ(т) сильныа рати (ЛИ, 359). Встречаются в этом произведении и эпитеты-метафоры, вошедшие в древнерусский язык из переводов церковных книг: всемл(с)-тваа вл(д)чице Бце въздвигни ма из глубины грѣховныа. и просвѣти ми ѿчи ср(д)чнѣи (ЛИ, 532).

Как и в современных восточнославянских языках, в Киевской летописи эпитеты чаще всего выражаются прилагательными. Эпитеты-существительные одиночны: сеи бѣ князь. братолюбецъ. къ кому любо кр(с)тѣ цѣловашеть. то не ступашеть его и до смрти (ЛИ, 563). Эпитетами могли быть и наречия: Том же лѣ(т) до(с)кончана бы(с) цркви стыа Бца Володимири каманаа. блговѣрнымъ бо(г)любивымъ княземъ Андрѣемъ. и оукраси ю дивно. и многоразличными иконами. и дорогымъ каменемъ (ЛИ, 511); новгородци же затворишаса в городѣ со княземъ Романомъ. и быхуться крѣпка из города (ЛИ, 560). Существительные с предлогами, приближаясь к наречиям, также оценивают не предмет, а действие: Изаславъ же съ каростью ѿ(т)вѣща ему (ЛИ, 499).

С р а в н е н и я. Исследователи древнерусской литературы обращают внимание на определенные отличия в употреблении тропов: они касаются преимущественно внутренней сущности сравниваемых объектов, а их внешнее сходство не только игнорируется, но в иных случаях как бы намеренно разрушается³². Каждого из авторов Киев-

³⁰ Генсборский А. Г. Галицко-Волинский летопис. — К., 1961, с. 257—258, 276.

³¹ Творогов О. В. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет». — Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1962, т. 18, с. 279.

³² Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — М., 1979, с. 164—165, 177.

ской летописи характеризует своя манера изложения. В сугубо летописных текстах редко встречаются изобразительные приемы литературно-художественной речи. Они преобладают в таких образцах художественного творчества, как княжеские некрологи. Именно в них да еще в Речи Моисея Выдубицкого встречаются далекие от современности XII в. сравнения с событиями и лицами, известными из священной истории. При этом автор не особенно беспокоится об оригинальности формы и зачастую ограничивается простым заимствованием.

Так, смоленский князь Давид Ростиславич «бѣ бо любѣ дружиноу а злыа кажна *яко же подобаетъ. ц(с)рмь. творити*» (ЛИ, 703). Обращаясь к богу, он просит: *яко же дрѣвле разбоиника. и блудницю и мытара. оправдалъ еси. тако и мене г(с)и бже мои. ѡч(с)ти ѡ(т) грѣхъ моихъ* (ЛИ, 704). Монахи Выдубицкого монастыря напоминают великому князю Рюрику, что они «во газѣфоулакию бо княжениа твоего. любовь и хотѣнье ввергыше. *аки вдовица ѡна. двѣ мѣдницѣ*» (ЛИ, 713). А все праведники, по мнению автора, «искушени бѣвше ѡ(т) дѣвола *яко злато в горнилѣ*» (ЛИ, 350). И все же даже при помощи таких сравнений иногда создается выразительная реалистическая картина. Например, в описании последних минут жизни одного из князей читаем, что слезы на его щеках напоминали жемчуг: и бѣ видити. слезы его. лежачи на скранью его. *яко женщиюжна зерна* (ЛИ, 532). Эффектно использован в Речи Моисея образ жаждущего оленя, с которым здесь сравниваются выдубицкие монахи, желающие милостей князя Рюрика: еще же и мы долъжнии ти млтвни. нашъ приспыи г(с)ине единомыслено соуще ко избраньному семоу мѣстоу надѣмьса. не забыти. жажюще ѡ(т) тебе мл(с)ти *якоже елень на источники водныа* (ЛИ, 715).

За пределами некрологов и Речи литературные сравнения встречаются, как правило, в тех вставках, которые можно приписать тому же автору — редактору летописи Моисею Выдубицкому. Так, под 1177 г. летописец (возможно, Петр Бориславич) рассказывает, как вследствие несогласованности своих действий были разгромлены половцами братья Ростиславичи³³. Редактор добавил к этому рассказу несколько фраз о том, что бог карает грешников победами язычников, и завершил свое поучение следующими словами: то слышавши Ѡлговичи. Всеволодичъ. Стославъ. обрадовашася. *аки не вѣдоуще. бжита казни* (ЛИ, 603). Ср. этот же оборот под 1196 г., однако без сравнения: се же слышавъ Ярославъ. и вси Ѡлговичи и обрадовашася. и поѣхаша ко Смоленскоу. *изѣздомъ* (ЛИ, 693).

Конечно, отдельные штампы церковной литературы можно встретить и у других авторов. Владимирский летописец, например, отмечает, что епископ Федорец «имѣниа бо не бѣ сытъ *яко адъ*» (ЛИ, 552). Начиная с цикла произведений, посвященных Борису и Глебу, во многих памятниках, где идет речь о «невинно убиенных» князьях, их

³³ Это поражение Ростиславичей упомянуто и в «Слове о полку Игореве»: Ты буи Рюриче и Давыде! Не ваю ли вой злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають аки тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ? (Слово, 29).

убийцы сравниваются со зверями. Не избежали этого трафарета и летописцы, изобразившие смерть Игоря Ольговича и Андрея Боголюбского. Например, убийцы первого «оустрьмиша(с) на нь. *яко звѣрьє сверъшии*» (ЛИ, 351), а убийцы Андрея «вземше оружье. *яко звѣрьє дивии. пришедшимъ имъ к ложници, иде же блжныи князь Андрѣи лежить*» (ЛИ, 586).

Экспрессия оборота *яко звѣрьє* усиливается здесь за счет соединения существительного с оценочным прилагательным-эпитетом. В этих и сходных оборотах проявляются идеологические установки, свойственные церковной догматике: положительные и отрицательные признаки, выражаемые сравнительными оборотами, опираются на христианскую этику. Так, Д. С. Лихачев пишет: «Средневековые сравнения... «идеологичны». Они тесно связаны с господствующей идеологией своего времени, и этим объясняется их традиционность, их малая изменчивость, каноничность и трафаретность»³⁴.

Существует, однако, мнение, что возникновение поэтических трафаретов древнерусской письменности не объясняется исключительно усвоением христианских догм и влиянием византийской книжности. Как отмечает В. П. Адрианова-Перетц, многие метафоры имеют два параллельных источника — устное поэтическое творчество и библейско-византийскую традицию: «В русской литературе с XI в. метафоры «солнце» с производными («заря», «лучи» и т. д.) принадлежат к числу наиболее распространенных. Эти метафоры русские книжник знал и по устно-поэтическому их применению, и по широкому использованию их в библейско-византийской литературе»³⁵.

Перенесенное на сравнительные обороты со словами, обозначающими источник света, это высказывание В. П. Адриановой-Перетц объясняет их широкое использование в различных частях Киевской летописи. Так, например, характеризуется деятельность Владимира Мономаха: иже просвѣти Рускую землю *аки слнце луча пуцаа* (ЛИ, 289). *Звѣзду свѣтоносу помрачаему* (ЛИ, 585) напоминает внук Мономаха Андрей Боголюбский, убитый своими подданными. На основе сходных образов летописец создает развернутое сравнение-картину, где погибший праведник сравнивается с солнцем, которое своими лучами освещает вселенную: не постави бо бѣ прѣкраснаго слнца на единомъ мѣстѣ. а доволѣюща и ѡ(т)лоуду. и всю вселеную освѣтаща. но створи ему оустокъ. и полѣдне и западъ. и тако оугодника своего Андрѣя. княза. не приве(д) его к собѣ тоуне. а могущаго такowymъ жтьемь и тако дшо спсти. но кровью мчичьскоу оумывса. пригрѣшени своихъ и со братома своима с Романомъ и съ Двдмъ единомъ дшно ко Х(с)оу бѣ притече (ЛИ, 594).

Конечно, богословская идеология не исчерпывает всего разнообразия средневековых сравнений. В их структуре, например, отражает-

³⁴ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы, с. 180.

³⁵ Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля древней Руси. — М.; Л., 1947, с. 20.

ся светская идеология феодалов. Так, культ оружия и войска, который существовал в среде феодалов, нашел отражение в следующих сравнениях: и выступи полкъ изъ загорья. вси во броняхъ. *како во всякомъ леду* (ЛИ, 601); *како же стрѣлы*. не доходяхуть. тако столахуть межи собою [войска противников] (ЛИ, 436); и бы(с) въ ть днь мъгла велика. *како не видити до конецъ копья* (ЛИ, 466); се же дивно сдѣяса в полунощи. бы(с) громъ силенъ. *како воемъ бродящимъся чересъ рѣку* (ЛИ, 527).

В ряде сравнений Киевской летописи используются названия различных явлений природы. Так, солнце во время затмения постоянно сравнивается с месяцем: томъ же лѣтъ бы(с) знамение въ слнцѣ $\omega(t)$ вечера *аки м(с)ць малъ* (ЛИ, 288). Месяц в свою очередь сравнивается с дугой: и надо всими горѣ баше. *како дуга м(с)ць*. ω собъ стояче (ЛИ, 309). Камни, которыми защитники города забрасывают врага, напоминают дождь: а с города. *како дождь* камение метяху нань (ЛИ, 309). Чтобы объяснить киевлянам, как далеко от Владимира до Боголюбова, летописец берет в качестве примера расстояние от Киева до Вышгорода: создалъ же башеть собѣ [Андрей Боголюбский] городъ камень. именемъ. Боголюбьи. толь далече. *како же Вышегородъ* $\omega(t)$ Кыева. тако же и Бѣлюбьи $\omega(t)$ Володимѣра (ЛИ, 580). Объектом сравнения может служить здание: *како полату красну* дшю оукрасивъ [Андрей Боголюбский]. всими добрыми нравы (ЛИ, 581); хочу создати цркъвъ таку же *ака же ворота си золота* (ЛИ, 593).

Нередко киевские летописцы используют в качестве сравнения наименования родства: плакахуса. по стомъ и добромъ кнзи весь народъ и вси людие. по немъ. плакахуса. *како же дѣти по $\omega(t)$ цю или по матери* (ЛИ, 289); хошю съчи в Золотанъ ворота. *како же и ω ць мои* (ЛИ, 432); и тако плакашеть [Изяслав Мстиславич] над ни(м) *акы и по братѣ свое(м)* (ЛИ, 439).

Как правило, сравнения выражаются сочетаниями существительного (или существительного с прилагательным) с союзами *како*, *ако*, *какы*, *акы*, но могут иметь и более сложную структуру. Чаще всего сравнительный оборот присоединяется к глаголу, иногда к прилагательному.

Значительно реже в роли сравнения выступает сравнительное придаточное предложение. Например: *Крополкъ же блгъ сы и мл(с)твѣ нравомъ страхъ бий*. имѣна въ ср(д)ци *како же и ω ць его имѣнаше*. страхъ бий (ЛИ, 302); тако столаху межи собою [войска противников]. *ако аже Изяславимъ сторожемъ*. зрѣти башеть на галичскый ω гнѣ. а галичскимъ сторожемъ зрѣти баше на Изяслави ω гни (ЛИ, 412); бѣ ти помози брате. ω же на еси тако помогль. *толико можетъ такъ оучинити братъ роженый*. или *снѣ $\omega(t)$ цю како же ты нама еси оучинилъ* (ЛИ, 420).

В немногих случаях сравнение представлено творительным паде-

жом множественного числа относительных кратких прилагательных на *-ьскѣ*: и мужи ω тны похвалу ему даша. велику. зане *мужьскы*. створи. паче бывшихъ вси(х) ту (ЛИ, 390—391); Престависа блговѣрнаа княгини Ольга. сестра Всеволожа. великого нареченаа. *чернѣвскы* ω фросьныа (ЛИ, 624); рекоша емоу дружина. княже. *потьскы*. не можешь перелетѣти (ЛИ, 637).

Особенного внимания заслуживают отрицательные конструкции, выступающие в роли сравнений, указывая на высшую степень качества того слова (существительного или прилагательного), которое они объясняют: постави Изяславъ митрополитомъ Клима. Смолатича. *ведь изъ Заруба*. бѣ бо черноризечъ скимникъ. и бы(с) книжникъ. и философъ. такъ *якоже в Роуской земли не башеть* (ЛИ, 340); снѣ ти са кланаетъ. и тако молвить се ти *навляю*. король зать твой пустил ти помочь. *ака же николи же не бывала* многое множество (ЛИ, 434); и бы(с) морь в кони(х) въ вси(х) вои(х) его. *како не былъ николиже* (ЛИ, 468); и на тоу осень бы(с) зима зла велми. *такои же в нашу память не бывала николи же* (ЛИ, 653).

Кроме того, в исследуемом памятнике наблюдается явление, которое современные исследователи называют развитием сравнения: образ, заложенный в сравнении, поддерживается оборотами, которые к нему присоединяются, иногда целыми предложениями³⁶. Например: и тако оустрой бѣ мъглу. *якоже не видѣти никамо же*. толико до конецъ копья видити (ЛИ, 435). Сравнение *якоже не видѣти никамо же* уточняется далее оборотом *толико до конецъ копья видити*. Развитие сравнения, очевидно, можно видеть и в следующем случае. Вначале Петр Бориславич говорит о том, как велика была мгла: и бы(с) въ ть днь мъгла велика. *како не видити до конецъ копья* (ЛИ, 466). Ниже сообщается о том, что когда мгла рассеялась, то полки оказались рядом: Изяславъ же исполца полкы своа. поиде противу и *якоже быша* близъ себе. и бѣ разгна мъглу и бы(с) ясно. и тако сташа полци межи собою зраше на са (там же). Любопытно и усиление сравнения предшествующим текстом. Под 1151 г. тот же Петр Бориславич рассказывает, что Мстислав Изяславич, пьянствуя с союзниками-уграми, сообщает им о приближении Владимира Галичского: оугре же пыни величехуса рекуще ω же на ны приде(т) а мы са с ни(м) бьемъ (ЛИ, 442). Когда же произошло нападение и угров стали будить, то они «лежахуть пыни *како мртви*». В результате чего: мало и(х) изоимаша вси избиша (там же).

М е т а ф о р ы. В Киевской летописи метафорический стиль преобладает в текстах с религиозной тематикой, в основном в некрологах. В этих произведениях метафоры, заимствованные из переводов богослужебных книг, более или менее удачно приспособлены к местным условиям. Грамматическая структура книжных метафор в памятнике довольно разнообразна. Здесь встречаются обороты, состоя-

³⁶ Ковалев В. П. Языковые выразительные средства русской художественной прозы.— Киев, 1981, с. 54.

щие из существительного и прилагательного. Качественные прилагательные метафоризируются, например, в сочетаниях с абстрактными существительными: *горька моука* (ЛИ, 350), *злую печаль* (там же).

Могут создавать метафору и существительные с конкретным значением, вступающие в связь с относительными прилагательными, например: *ω(т)вѣръзль баше бѣ ср(д)чнѣ ωчи* (ЛИ, 583). Сочетание *ср(д)чнѣ ωчи* представляет собой сложную метафору, поскольку в Библии эти слова имеют метафорическое значение³⁷. *Очи* — это символ христианской веры.

Яркое метафорическое значение может возникнуть вследствие сочетания существительного в именительном падеже единственного числа с существительным в родительном падеже. Мастером таких сочетаний показал себя игумен Моисей. В его Речи: *скудость нищетоумия* (ЛИ, 713), *веселие души* (ЛИ, 714), *работа немл(с)рдѣа* (ЛИ, 714), *мракъ скоупости* (ЛИ, 714). Ср. в повести об убиении Андрея Боголюбского использование сочетаний, где опорное существительное стоит в косвенном падеже: *кровью страдания* (ЛИ, 584); *въ болѣзни ср(д)ца* (ЛИ, 587).

Встречаются иногда и метафоры глагольные: *препожиши м.а. силоу свыше на невидимыа и видимыа врагы* (ЛИ, 532); *не помрачи [Андрей Боголюбский] оума своего пыаньствомъ* (ЛИ, 583); *кровью оумы вса страдания* ти (ЛИ, 584).

Речь Моисея Выдубицкого, будучи по жанру памятником ораторской прозы, полностью строится на метафорах и сравнениях, перерастающих в гиперболу³⁸. Уподобляя себя пророку, Моисей приравнивает построение монастырской стены к чуду. Любовь и милость инициатора постройки князя Рюрика он сравнивает с двумя лептами, которые бедная вдова пожертвовала в сокровищницу храма. Далее проводится мысль, будто в княжестве Рюрика осуществилось пророчество Мефодия Патарского, ибо душа князя подобна «малому небу», то есть обиталищу бога, которое всегда «повѣдаючи славою бжию. правостыю вѣры. и словесы истѣвными. и дѣлы добрыми» (ЛИ, 713).

Как небо украшается «свѣтлостыю. слнца и растѣниемъ лоуны. оукрашениемъ звѣздъ» и тем славит творца, так и княжение Рюрика украшают «словеса бо ч(с)тна. и дѣла блголюбна. и держава самовластна. ко боу изваанаа славою паче звѣздъ нб(с)ныхъ». Эта слава не только «в Роускы(х). концехъ вѣдома. но и соущимъ в морѣ далече» (там же). По всей земле «кизидоша по прркоу. бо(г)мирнаа словеса» Рюрика, «хр(с)толюбовнаа дѣла», которыми он прославился «ω всихъ вл(д)ка» (там же).

В исторических частях Киевской летописи книжные метафоры встречаются редко. Их присутствие может свидетельствовать о вставочном характере текстов, связанных с ее редактированием. Напри-

³⁷ Коновалова О. Ф. Традиционная метафора в «Житии Стефана Пермского». — Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1977, т. 32, с. 247.

³⁸ Бегунов Ю. К. Указ. соч., с. 65.

мер, метафорическая похвала Изяславу Мстиславичу (ражеже ср(д)це болма на Стослава. бѣ бо храборъ крѣпокъ на рать) могла быть вставлена во фрагмент, принадлежащий Поликарпу, самим автором, но значительно позже, когда летописец сблизился с сыном Изяслава Мстиславича³⁹. На фоне описания борьбы двух князей-соперников, сделанного Поликарпом, она выделяется неожиданно похвальным содержанием и тем, что разрывает целостный текст: *прибѣже моужь къ Изаславу Мьстислаличю и ре(ч) емоу бра(т) ти Изаслава побѣди. Стославъ. и дружиноу вашю Изаславъ же то слышавъ Мстислави(ч)* ражеже ср(д)це болма на Стослава. бѣ бо храборъ крѣпокъ на рать*. исполчи воѣ свои поиде на Стослава* (ЛИ, 336)⁴⁰.

Поликарпу, очевидно, принадлежит и похвала-метафора князю Володимиру Галицкому, вставленная в текст Петра Бориславича: и в то верема. поиде Володимеръ из Галича полкы своими. и пришедь ста. на Полонои. межи Володимеро(м) и Луческомъ. и тако розѣха ъ.* добрыи бо кнзь Володимеръ. братолюбимъ свѣтася. миролюбимъ величася. не хотя никому зла того дѣла межи ими ста хотя ъ оуладити. межи ими*. тѣмъ не лзѣ бы Изаславу поити на Вачеслава. и на Дюрга. полку имѣ дати (ЛИ, 391).

В некоторых случаях книжные метафоры проникают и в разговорный язык. Например, в речи Изяслава Мстиславича, обращенной к киевлянам, встречается глагол *искоренити*, который приобрел метафорический смысл еще в книгах Священного писания. Но употреблен здесь он уместно, поскольку целью речи было поднять киевлян против Ольговичей, напомнив им о давнем соперничестве Киева с Черниговом: *ны(н) же бра(т)е кияне чего есте хотѣли чимъ ми са есте ѡбѣчали. поидите по мнѣ к Черниговоу. на Ѡлгови(ч) доспѣвайте ω(т) мала и до велика. кто имѣеть конь. кто ли не имѣеть коня. а в лодыи. ти бо соуть не мене ѡдиного хотѣли оубити. но и ва(с) искоренити* (ЛИ, 349).

Как характерное явление сочетание метафоры со сравнением впервые отметил Б. А. Ларин⁴¹. Заключается оно в том, что к слову, употребленному метафорически, присоединяется сравнение, которое углубляет образ, заложенный в метафоре, например: *молашеть бо сна своего [Богородица] со слезами. абы ихъ [новгородцев] ω(т)инудь не искоренилъ. како же прежде Содома и Гомора. но како ниневьгитаны помилова* (ЛИ, 561).

Метафорическая символика, связанная с религиозно-церковными стилистическими штампами, играет важную роль в летописном повествовании. Однако не менее важна и метафоричность, идущая от фольклора, от народно-разговорной стихии. Именно она является стержневой в Киевской летописи, авторы которой нередко употре-

³⁹ Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 173.

⁴⁰ Здесь и дальше отрывок, предположительно вставленный редактором, выделен звездочками.

⁴¹ Ларин Б. А. О лирике как разновидности художественной речи. — Русская речь. Н. С., 1927, ч. 1, с. 71.

ляют в своем повествовании изобразительные средства, связанные с символикой устной поэзии и образностью живой речи. И. П. Еремин, в частности, считал, что образность Киевской летописи в значительной степени «идет непосредственно от речевой практики XII в., от живого языка, обычного в княжеско-дружинной среде и хорошо известного летописцу»⁴².

Своеобразная стилистическая символика, связанная со сражением, войной, нашла широкое применение у тех авторов летописи, которые сами участвовали в походах, хорошо знали военный быт. Ряд таких конструкций находится во фрагментах, принадлежащих перу Петра Бориславича, встречаются они и у одного из владимирских летописцев.оборот *изломити копые*, например, символизировал начало единоборства, личного участия в бою: и тако пере(д) всеми полкы. въѣха Изаславъ ѿдинъ в полкы ратны(х). и *копые* свое *изломи* (ЛИ, 438). Этот же оборот употреблялся для обозначения того, что воин первым начинал сражение⁴³: Андрѣи же Дюргевичъ възма копые и ѣха напередъ. и съѣхаса переже всихъ. и *изломи копые* свое (ЛИ, 437). В дружинном быте XII в. таким же символическим предметом, как и копые, было стремя. *Ездити подле стремени* имело значение «пробывать в феодальной зависимости». Например, Ярослав Галицкий, изъявляя покорность киевскому князю, передает ему через посла: ны(н) ѿ(т)чѣ кланяю ти сна прими ма ѿко сна своего Мьстислава. также и мене. ать *ездить* Мьстиславъ *подлѣ* твои *стремень*. по ѿдиной сторонѣ. тебе а на по другой сторонѣ. *подлѣ* твои *стремень*. ѣждю всеми своими полкы (ЛИ, 465). Обычно слово *стремя* опускается и оборот принимает вид *ездити подле тебе*. Например: жаль бы ны есть бра(т) нашего держиши. Игоря а ѿнъ оуже чернецъ и скимникъ. а поустити брата нашего а мы *подлѣ тебе ѣздимъ* (ЛИ, 346).

При изображении военных действий летописцы широко использовали и другие метафоры. Так, значение «быстро подготовиться к походу» имела конструкция *възостритися на рать*: Аньдрѣи же то слышавъ ѿ(т) Михна. и бы(с) образъ лица его попуснѣлъ. и *възостритися на рать* (ЛИ, 573). Словосочетания *дати на щитъ*, *взяти на щитъ* означали полное разорение населенного пункта: призови ны ба ѿко на(с) не *даси на щитъ* (ЛИ, 292); Изаславъ же Мьстиславли(ч) с бра(т)мъ своимъ Ростиславо(м). не идоста по ни(х) но тоу пришедше ко Всеволожю полкы своими и *взаша* Всеволожъ градъ на *щитъ* (ЛИ, 358); дайте ми серебро что вы *назъ* хочю. паки ли *на възму* вы на *щитъ* (ЛИ, 417). Значение «потерять жизнь», «погибнуть» имело выражение *сложити головы*: Стославоу же бы из головы любо въ иже дати женоу и дѣти и дружиноу на полонъ. любо *головоу* свою *сложити* (ЛИ, 335); ны(н) же ѿ(т)це хочемъ *головы* своа *сложити* за та (ЛИ, 437). Победа или поражение в сражении в сознании человека XII в., как

⁴² Еремин И. П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). — М.; Л., 1966, с. 112.

⁴³ Лихачев Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве»: Сб. исслед. и ст. М.; Л., 1950, с. 74.

правило, связывались с решением высших сил: Изаславъ же ре дружинѣ своеи... даже ма постигнеть Володимеръ съ съми а с тѣми су(д) бии вижю а како бѣ розъсудить с ни(м). паки ли ма оусрацеть Гюрги а с тѣми су(д) бии вижю како ма с ни(м) бѣ росоудить (ЛИ, 410); оугадавше ѿ(т)радиша [посланца]. ѿпять ко Мьстиславу тако рекуче се оуже мы идемъ на су(д) бжи (ЛИ, 434).

Быстрота движения войска передается в словах Изяслава Мстиславича метафорой — образом птичьего полета. Готовясь к встрече с врагом, он заявляет: даже ны бѣ поможеть а са ихъ ѿ(т)объемъ. то ти не крилати соуть. а перелетѣвше за Днѣпръ садуть же... а тогда како ны бѣ дасть с ни(м) (ЛИ, 428). Для описания молниеносного передвижения в другом месте используется сравнение *потьскы* (по-птичьи) *перелетѣти*. Сожалея, что они не смогут догнать союзников, выступивших в поход, дружинники говорят: княже. *потьскы*. не можешъ *перелетѣти* се приѣхаль к тобѣ моужь ѿ(т) Стослава. в четвергъ а самъ идеть в недѣлю ис Кыева. то како може[шь] княже постигнути (ЛИ, 637).

Метонимия и ее формы. Как известно, метонимия создается путем сближения предметов и определений, которые пребывают в полной внешней или внутренней связи. В Киевской летописи встречаем, например, выражения: и ту ѿша половци. *назыкъ*. и приведоша къ Гюргеви (ЛИ, 457); Игорь Стославичъ. совокупивъ полкы свои и ѣха. в поле за Воръсколь. и стрѣте половцѣ иже ту ловать *назыка* (ЛИ, 568); Тое же зимы. половци въехаша. Ростиславлею дорогою. Итогды съ Акоюшемъ. и хотѣша поустити наворопъ по земли и ѿша *назыкъ*. во Воротцехъ. а и слышаша ѿжъ Стославъ стоить совокупивса. оу Коульдерева. и тако оуверноувшаса побѣгоша (ЛИ, 672).

Один из видов метонимии — замена названия действующего лица названием орудия действия: и бы(с) же оу поганы(х). а. *копию* а в руси. ч. *копию* (ЛИ, 558). Это означает, что у половцев было девятьсот воинов, вооруженных копьями, а войско русичей имело лишь девяносто таких воинов. Название местности могло употребляться вместо названия людей, живущих на этой местности: и тоу присласаша к нему чернии клобоуци. и все *Поросье*. и рекоша емоу ты нашъ кнзь (ЛИ, 323); на томъ бо поути разболѣса Володимеръ. Глѣбовичъ. болѣстью тажкою ѿеуже скончаса... и плакашаса по немъ вси переаславци... ѿ немъ же *Оукраина* много постана (ЛИ, 653).

Точно так слово *город* могло иметь значение «жители города», «горожане». Например: Изаславъ же Мьстиславли(ч) с бра(т)мъ своимъ Ростиславо(м). не идоста по ни(х) но тоу пришедше ко Всеволожю. полкы своими и *взаша* Всеволожъ градъ на щитъ. и ина в нѣмъ баста два *города* вошла *слышавше* инии *гра(д)* Оуненѣжъ. Бѣлавежа. Бох-

мачь ѿже Всеволожь *взятъ*. и побѣгоша Черниговоу. и инии *гради* мнози. *бѣжаша*. слышавше Изаславъ и Ростиславъ посласта по ни(х). и постоша [X. П.— *постигоша*] на поли. и тоу *взяша ты три города*. а инии оудоша (ЛИ, 358).

В Киевской летописи встречается ряд интересных метонимий, в которых стержневой выступает лексема *конь*. Так, *поворотити коня* имело значение «поехать», «отъехать» или «возвратиться»: Мьстиславъ же то слышавъ ѿже даетъ под ни(м) Переяславль. ре(ч) да ни мнѣ буде(т) Переяславла. ни тобѣ Киева. и рекъ *повороти конь* Мьстиславъ. под собою с дружиною своею. ѿ(т)тъ стрьа своего (ЛИ, 475). *Быть на коне, иметь под собою коня* означало готовность выступить в поход: и рекоша ему оугре мы гости есме твои. а *коже добръ надбѣшиса на кинны то ты самъ вѣдаеши люди своя. а *комони подѣ нами* (ЛИ, 414). Широкое распространение имел термин *сѣсти на коня* в значении «выступить в поход»: оуслышавшю же Изаславою *нако* Гюрги идеть в помочь Стославою. и посласа Изаславъ Мьстислаличъ. полемъ к Ростиславою Ярославличю оу Разань. а самъ Изаславъ *всѣде на конь* на Стославою к Новоугородоу иде (ЛИ, 332); Рюрикъ сдоума с моужи своими. и посла посоль ко сватоу своему. Всеволодоу Соуждальскомоу кнзю река емоу. ка еси былъ оумолвилъ со мною. и с братомъ моимъ Двдомъ. *восѣсти на конѣ* с рж(с)тва Х(с)ва. и снатиса всѣмъ в Черниговѣ азъ же совокоупивса с братьею своею и с дружиною своею И съ дикими половци. и *сѣдѣлъ ес(м)ъ* доспѣвъ жда ѿ(т) тебе вѣсти (ЛИ, 694).*

Г и п е р б о л а и л и т о т а. Одним из видов гиперболы в Киевской летописи можно считать характерное употребление лексем *множество, многое множество, без числа* и т. д. Подчеркивая значение какого-нибудь события, размер или же количество чего-нибудь, летописцы обращались к конструкциям с этими словами, сознательно преувеличивая реальность. Таким образом они достигали яркости создаваемых образов. Например: и тако видивше половци сторожи Изаславли ѿже мало и(х) есть. и тако вѣбродоша на нѣ на коне(х) за щиты и с копыи. и въ броняхъ *накоже* битиса. и *покрыша Днѣпръ ѿ(т) множества вои* (ЛИ, 425); и толико бы(с) *множество и вои. како и числа нѣтуть* (ЛИ, 560); и бы(с) *матежь великъ и стонава. и кличь рамна. и гласъ незнаемии. и ту бѣ видити ломъ. копиинни. и звукъ оружьинни ѿ(т) множества праха не знати* ни кониика ни пѣшьць (ЛИ, 576); горожанѣ же болюбци розграбиша домъ княжь. и дѣлатели иже баху пришли. к дѣлу. золото и серебро. порты и паволокы имѣние. емуже *не бѣ числа* (ЛИ, 592); ѿ(т)да Верхоуславою дщерь свою великий кнзъ Всеволодъ. и да по неи *многое множество безчисла* злата и (с)ребра (ЛИ, 658).

Чтобы заострить преувеличение, употребляли сравнительные обороты и предложения, глагол *мочь* с отрицательной частицей, выражение *страшно зрѣти* и т. п.: и бы(с) *брань крѣпка велии зѣло ѿ(т) ѿбоихъ* и летаху мнози оубиваеми ѿ(т) ѿбоихъ и тако *страшно бѣ зрѣти. како второму пришествию быти* (ЛИ, 515); вьлегоша грабить

[убийцы Андрея Боголюбского]. *страшно зрѣти* (ЛИ, 590); ѿ(т) *слезъ же не можаху* прозрити [владимирцы] (ЛИ, 593).

Широко использованы приемы гиперболлизации в некрологе Ярослава Галицкого (Осмомысла «Слова о полку Игореве»). Так, обращаясь к народу, князь заявляет: се оуже ѿ(т)хожю свѣта сего соуетьнаго. и идоу ко творчю своему. а сгрѣшихъ паче всихъ. *накоже инѣ никто же сгрѣшии* (ЛИ, 657). После смерти Ярослава его имущество «даваша по всемоу Галичю по три дни. и не могоша раздавати» (там же).

Приемами литоты в тексте исследуемого памятника являются обороты, в которых отрицательные явления или черты подчеркиваются путем уменьшения реального количества: половци же Гюргеви *ни по стрѣлѣ пустивше* тогда побѣгоша (ЛИ, 438); Изаславъ же *ни полковѣ. видивъ* побѣже. ѿ(т) Бѣлгорода (ЛИ, 517); Олегъ нареди полкъ свои. и ступиша(с) *толко по стрѣлѣ стрѣливше. побѣгоша* (ЛИ, 599).

Среди средств образного стиля Киевской летописи отметим еще игру слов. Так, под 1144 г. рассказывается, что ряд князей «идоша на многогливаго. Володимирка и волею (по другим спискам — *неволею*) ноудаше его приѣхати къ Всеволодоу. поклонитиса емоу» (ЛИ, 315). Эпитет *многоглаголивши* употреблен по отношению к Владимиру не случайно: он был вынужден дать огромный выкуп, чтобы уберечь свое княжество от полного разгрома. И далее автор, сторонник Всеволода Ольговича, иронично подытоживает: *переди много гливѣ. а послѣди много. заплативъ* (ЛИ, 316).

Как видим, при помощи лексических средств авторы Киевской летописи могли достаточно выразительно выделять существенные черты изображаемых ими явлений, передавать различные оттенки мысли, проявлять свое отношение к изображаемому. Авторская индивидуальность создателей летописи проявляется при этом преимущественно в использовании народно-разговорных или книжных образов.

С т и л и с т и ч е с к и й с и н т а к с и с. Богат и стилистический синтаксис памятника. Его авторы умело используют такую фигуру, как риторический вопрос. Например, чтобы показать бескорыстие князя Рюрика, подчеркнуть, что он не ждет материального вознаграждения, Моисей Выдубицкий от имени монастырской братии спрашивает: *мы же смиренни что воздамъ ти. противоу блгодѣянню ти. наже твоиши. и створилъ еси к намъ* (ЛИ, 712). На этот вопрос ответ дают сами же монахи, которые сообщают, что в вознаграждение Рюрик желает «точию въздыханиа и млтвы ѿ здравьи и ѿ сп(с)ньи» (ЛИ, 712).

Мастерски использован риторический вопрос во фрагменте летописи, который Б. А. Рыбаков связывает с Петром Бориславичем⁴⁴. Летописец стремится разъяснить своим землякам-киевлянам, какого плохого правителя имеют они в лице Юрия Долгорукого. Ведь и сам князь и его сыновья настолько беззаботны, что не подумали даже о собственной безопасности. Чтобы выразить эту мысль как можно доходчивее, автор вкладывает ее в уста друга и союзника Юрия—Вла-

⁴⁴ Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 293.

димира Галицкого, который гневно восклицает: како есть кнжение свата моего. аже рать на нь из Володимера идетъ а како того не оувѣдати. а ты спѣ е(г) сѣдиши в Пересопници. а други Бѣльгородѣ. како того не оустеречи (ЛИ, 416—417). Встречаются в летописи также риторические обращения и риторические восклицания. В одних случаях автор непосредственно обращается к читателям. Прославляя Владимира Мономаха, летописец-церковник провозглашает: *дружино и братье*. разумѣте по которомъ есть бѣ по гордомъ ли. или по смиреномъ. Володимеру бо еще в Киевѣ сущю. собирающю ему вои. многи. и молащю ба ѿ насильи. и ѿ гордости. Ярославли (ЛИ, 288). Иногда обращение автора может быть адресовано действующему лицу: тѣмъ достойно ѿ(т) ба побѣдны вѣнѣць. приналъ еси княже Андрѣю (ЛИ, 584); Ты же *страстотерпче*. молиса ко всемогущоу бу. ѿ племени своемъ. и ѿ сродницѣхъ и ѿ землѣ Руськои. дати миру миръ (ЛИ, 585). К риторическим восклицаниям автор обращается, чтобы вызвать у читателя определенное отношение к описываемому. Рассказав, например, как после убийства Игоря Ольговича его тело «повергоша пороуганью», автор (возможно, Поликарп) высказывает свои чувства: *безаконнии несѣмыслии. ѿслѣплении ѿцима. своима* [не]вѣдоуще яко мьститель есть бѣ и взидеть крови неповиннаго (ЛИ, 353).

Из фигур, основанных на повторении отдельных слов, несущих главную смысловую нагрузку, в памятнике можно отметить анафору. Например, в Речи Моисея каждый новый период начинается с анафоры *дньсь*, что создает впечатление непосредственного обращения проповедника к слушателям: дивна *дн(с)ь* видиста очи наши... (ЛИ, 712); *дн(с)ь* бо сбыте бж(с)венныхъ словес его... (ЛИ, 713); *дн(с)ь* по Исаи понавляютьса острови... (ЛИ, 714); *дн(с)ь* и множество вѣрныхъ кыань... (ЛИ, 714); *дн(с)ь ѿ(т)шаса ѿ(т) многы ср(д)ць...* (ЛИ, 715).

Моисей широко использует и антитезу. Сопоставляя противоположные мысли или образы, этот опытный оратор умело усиливает впечатление от сказанного. Ср.: мнози бо прежде насъ. бывшей желаше видити наже мы видихомъ. и не вѣдѣша и слышати не сподобишася (ЛИ, 712). Выразительная антитеза встречается в некрологе Андрея Боголюбского: аще бо не напасть то не вѣнѣць аще ли не мука то ни дарове всакыи бо держаса добродѣтели не можетъ бо безо многихъ врагъ быти (ЛИ, 584). Стилистически она настолько отличается от текста, который ей предшествует (тѣмъ достойно ѿ(т) ба побѣдны вѣнѣць. приналъ еси княже Андрѣю), что может считаться позднейшей вставкой⁴⁵. Широко используется антитеза в посланиях и речах: а поиди а мы с тобою. не идиши ли а мы есмь въ хр(с)тьномъ цѣлованьи прави (ЛИ, 363); годно ти са с ни(м) оумирити оумиришиса. паки ли а рать зачнеши с ни(м) (ЛИ, 474).

Интересно использована во фрагменте летописи, посвященном избранию Изяслава Мстиславича на великое княжение, фигура усиления. Убеждая читателей, что князь, занявший это место вопреки

⁴⁵ Ср.: Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 160.

существующим правилам, действительно был всенародным избранныком, автор — Петр Бориславич — по принципу усиления размещает в тексте те приглашения, с которыми обращалось к Изяславу население различных частей Киевской Руси. Так, первыми в Переяславль, где он княжил в это время, прибыли представители Киева, которые сказали: поиди кнже к намъ хошемъ тебе (ЛИ, 323). Когда Изяслав переправился через Днепр, «прислашася к нему чернии клобоуци. и все Поросье. и рекоша емоу ты нашъ кнзь а Солговичъ не хошемъ. а поѣди вборзѣ а мы с тобою» (ЛИ, 323). Далее представители Белгорода и Василева говорят: поиди ты нашъ кнзь. а Солговичъ не хошемъ (ЛИ, 323). Наконец снова приезжают посланцы киевлян, которые подтверждают готовность населения города вступить в бой за своего избранныка: ты нашъ кнзь. поѣди Солговичъ не хошемъ... кде оузримъ стагъ твои тоу и мы с тобою готови есмь (ЛИ, 323).

П е р ф р а з а. Древнерусским книжникам была хорошо известна риторическая фигура, которая заключается в описании предмета или явления вместо его непосредственного названия. Так, Моисей в Некрологе Ростислава Мстиславича под 1169 г., говоря о смерти великого киевского князя, пишет: *приложивъса къ ѿ(т)цѣмъ своимъ* бы(с) же кнжения его Киевѣ. и лѣтъ без мѣсаца (ЛИ, 532). Здесь выдубицкий игумен использовал готовую формулу «Повести временных лет»: и *приложиса* [Всеволод Ярославич] *ко ѿцѣмъ своимъ*. кнживъ лѣ(т). оу Киевѣ. еі (ЛИ, 208). В некрологах сыновей Ростислава Мстиславича эта формула совершенствуется, появляется такой компонент, как *отдавѣ обыци долгъ. его же нѣсть убѣжати* всякому роженому; на основании чего М. Д. Приселков и приписал ее созданию Моисею⁴⁶. Например, в Некрологе Романа Ростиславича князь «приложиса к дѣдомъ своимъ. и ѿцѣмъ своимъ. и ѿ(т)давѣ обыци свои долгъ. егоже нѣ(с) оубѣжати всякому роженому» (ЛИ, 617).

Анализ образной системы Киевской летописи показывает, что на фоне делового повествования в ней ярко проявляются черты художественного произведения. Следует, однако, отметить, что элементы книжного характера, которыми эта летопись отличается от других памятников исторического жанра, появились в ней позже в результате неоднократных переделок первичного текста. Как свидетельствует проведенное нами исследование, они отражают вкусы и склонности ее составителей и редакторов.

3. СТРУКТУРА ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ

Внутренняя речь как форма прямой была известна уже византийской агиографии. Встречается этот прием также в переводных старославянских памятниках. Н. Г. Михайловская отмечает употребление

⁴⁶ Приселков М. Д. История русского летописания..., с. 48.

внутренней речи наряду с переводными также в оригинальных произведениях древнейшей письменности. Например: не рци убо въ ср(д)ци своемъ благо ми да будетъ отступивше от ба (ГА, 139); и реко(х) въ умѣ своемъ (ЛЛ 89 об); он же помысли и ре(ч) собѣ в ср(д)ци (там же, 108—108 об.); и глааше въ срдци своемъ (Ск БГ, 9в); глааше бо въ дши своеи оканьѣи (там же, 12г—13а); и тако видя нбса сегда свѣтла овогда же мрачна. и глаше в себе (ГА, 51) ⁴⁷. Из шести приведенных ею примеров два взяты из перевода Хроники Георгия Амартола, два — из «Сказания» о Борисе и Глебе конца XI по списку XII в., два — из Лаврентьевской летописи.

Исследовав большое количество памятников, Н. Г. Михайловская пришла к выводу, что внутренняя речь выражается прежде всего средством глаголов *dicendi*. При этом смысловое содержание глаголов определяется сочетанием *въ срдци*, *въ умѣ*, *въ дши* и др. На связь внутренней речи с глаголами мышления обратила внимание Г. И. Третникова. Изучая функционирование глаголов *мыслить* и *думать* в языке «Повести временных лет», она отметила несколько случаев своеобразного художественного приема передачи содержания мысли: мысль раскрывается внутренней речью, например: старѣйшина чину ангелску, *помысли в себе*, рекъ: «Сниду на землю...» (стр. 62); Святополкъ же оканьный *помысли въ собѣ*, рекъ: «Се убихъ Бориса...» (стр. 92); *помыслих в души своей* и похвалих бога, иже мя сихъ днєвъ грѣшнаго допроводи (стр. 153) ⁴⁸. Исследовательница также высказала мнение, что при подготовке текста «Повести...» правильнее было бы выделить знаками сочетание *въ собѣ рекъ* ⁴⁹.

Приведенные в статье Г. И. Третниковой и книге Н. Г. Михайловской примеры внутренней речи свидетельствуют, что данное явление характеризует речь книжного типа. Этому положению не противоречат и наблюдения литературоведа И. П. Еремина. В статье, посвященной «Сказанию» о Борисе и Глебе, ученый утверждает, что впервые на древнерусскую почву прием внутренней речи перенес его автор. «Едва ли не самая показательная особенность «Сказания» как произведения литературного, — пишет он, — широкое развитие в нем внутреннего монолога» ⁵⁰. Своеобразие здесь заключается в том, что такой монолог произносится действующими лицами повествования как бы «внутри» — «в себе», «в сердце», «в уме своемъ», «в души своей». По наблюдениям И. П. Еремина, в «Сказании» внутреннему монологу героя повествования предшествует описание внешних признаков крайнего душевного волнения: дрожь («трепет») тела, слезы, от печали или страха они лишаются дара речи, не могут говорить («не мо-

⁴⁷ Михайловская Н. Г. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI—XIV вв. — М., 1980, с. 191.

⁴⁸ Третникова Г. И. О двух русских глаголах: мыслить и думать. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та, 1963, т. 248, с. 202. Автор примеры цит. по: *Повесть временных лет* / Под ред. В. П. Андриановой-Перетц, М.: Л., 1950.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Еремин И. П. Литература Древней Руси, с. 23.

жаху ни словесе рещи»). «Внутренний монолог, — пишет ученый, — получает тем самым у автора свою мотивировку». И. П. Еремин отмечает также в монологах этого рода в «Сказании», что они, в сущности, ничем не отличаются от прямой речи, произносимой вслух. Везде одно и то же: чередование однотипных по структуре предложений, нередко с анафорическим повторением первого слова, риторические возгласы («Увы мне... Увы мне!»), вопросы-обращения, цитаты из «писания», цветистые метафоры ⁵¹.

Как литературный прием внутренняя речь чужда историческому повествованию. Поэтому случаи, когда она все же встречается в древнерусских летописях, представляют особый интерес. Привлекает внимание, что внутренняя речь используется здесь, как правило, при описании последних дней или лет жизни того или иного представителя княжеской династии. Характерен в этом плане следующий эпизод Киевской летописи. Почувствовав приближение смерти, смоленский князь Давид Ростиславич произнес (очевидно, вслух) несколько молитв. После этого автор переходит к изображению внутреннего состояния героя. На письме это подчеркнуто тем, что отрывок *И тако мола въ ср(д)ци своемъ* начинается со столь редкой в древнерусской графике большой буквы, после чего излагается обращение князя к богу: да бы ма бѣ сподобилъ. мнскомоу чиноу. и свободилса бхѣ ѿ(т) многоматежнаго житья. и маловременнаго свѣта сего (ЛИ, 704). Последующей фразой с глаголом мышления в составе словосочетания (и та вса расмысливъ во оумѣ своемъ) подчеркнуто, что просьба не произносилась Давидом Ростиславичем, а была лишь его желанием. Окончательно подтверждают это заключительные слова автора: и не лиши бѣ хотѣния его (там же). Своеобразное кольцевое построение отрывка свидетельствует о мастерстве его создателя.

Сходные конструкции для передачи внутренней речи встречаются также в статье под 1181 г., посвященной последним годам жизни Мстислава Ростиславича Храброго — брата Давида. Автор характеризует этого князя в манере, далекой от летописной: Прислаша новгородци мужѣ свои. ко Мьстиславоу. к Ростиславичю. зовоуче и Новоугороду Великому. ѿн же не хоташе ити из Роуской земли река имѣ. ѿко не могуу ити. изъ ѿчны своеѣ. и со братьєю своею розоитиса. прилѣжно бо тщашетьса. хота страдати ѿ(т) всего ср(д)ца. за ѿ(т)чино свою. всегда бо на великана. дѣла тѣснаса размышлива. с мужи своими. хота исполнити ѿчѣствие свое. *си размышлива. вса во ср(д)ци свое(м)* не хотѣ ити. по поноудыша и братья свои. и мужи свои ѿн же послоушавъ братьи свои и мужѣи своихъ. поиде съ боюры новгородьцкими. и се *положи на оумѣ своемъ*. аще бѣ приведетъ ма сдоурого днѣ сина то не могуу никакого же. Роуской землѣ забыти (ЛИ, 607).

Родство героев позволяет предположить, что автором обоих описаний было одно лицо, внесшее в них и сходные стилистические приемы.

⁵¹ Там же, с. 23—24.

Значительно труднее объяснить появление этих приемов в описании поведения Андрея Боголюбского — врага всего семейства Ростиславичей. Между тем И. П. Еремин выявил, что описание поведения князя Давида Ростиславича и Андрея Боголюбского совпадает почти буквально. Для нашего исследования особенно важно, что это поведение рисуется одними и теми же словами и выражениями. Ср.:

Андрей Боголюбский

...всяк обычай добронравен имешеть: в ночь въходяшеть в церковь и свещи въжигивашеть сам, и видя образ божий на иконах написан, взирая яко на самого творца, и еси святых написаны на иконах видя, смиряя образ свой, скрушеномъ сердцем, и уздыхание от сердца износя, и слезы от очю испущая, покаяные Давыдово принимая, плачяся о гресех своих (стр. 396).

Давид Ростиславич

Сам бо сяков обычай имеешь: по вся дни ходя ко церкви святаго архистратига божия Михаила, юже бе сам создал... И видя образ божий и все святых иконы, смиряя образ свой, скрушеномъ сердцем и смиренным, уздыхание от сердца вознося и слезами обливая лице свое, взирая яко на самого творца и покаяние Давыда царя принимая, плачяся о гресех своих, глаголя (стр. 471—472) ⁵².

Особого внимания заслуживают в данном случае обороты, лексическая сочетаемость которых свидетельствует об индивидуальном авторском стиле. Например, кроме характерной лексики, здесь встречаются обороты книжного характера. Под 1146 г.: *въздохнуоуъ из глублины ср(д)ца; скроушеномъ смиреномъ смыслоуъ; и прослезився; и размышляше въ ср(д)ци своемъ; ω(t) темнаго и соуетнаго и мало-временна(г) сего въка (ЛИ, 350); вл(д)ко в роуцѣ твои прѣдаю тебе дѣхъ мои. прими в мирѣ твои дѣшо мою (ЛИ, 352)*. Под 1179 г. эти обороты повторяются в несколько иной комбинации: *воздохнуоуъ из лубины (Х. П. — глублины) ср(д)ца. прослезився. и предасть дѣшо свою в роуцѣ бжшѣ (ЛИ, 609)*. Под 1197 г.: *смираа образъ свои скрошеномъ ср(д)цмъ и смиренымъ. оуздыхание ω(t) ср(д)ца вознося. и слезами обливана лице свое; свободилса быхъ ω(t)... мало-временнаго свѣта сего; и та вса расмысливъ во оумѣ своемъ (ЛИ, 704); предасть дѣшо свою в роуцѣ бжши (ЛИ, 706)*.

И. П. Еремин, обративший внимание на общие места в летописных описаниях смерти князей, объясняет этот факт тем, что такого рода произведения строились по одной и той же схеме: «Здесь сходство — результат не столько подражания готовым литературным образцам, сколько проявления характерной для всякого агиографа тенденции свести к некоему абстрактному «единству» все многообразие действительности» ⁵³. Внимательно ознакомившись с примерами, которые он приводит, мы, однако, остановимся перед загадкой, которую нельзя объяснить, исходя из приведенных выше размышлений. Так, слова, которые родоначальник Ростиславичей Ростислав Мстиславич говорит Печерскому игумену Поликарпу, в какой-то мере дублируют монолог Игоря Ольговича из повести о его смерти, помещенной в Ипатьевской

⁵² Еремин И. П. Литература Древней Руси, с. 123. Здесь и дальше в цитатах принято правописание статьи И. П. Еремина.

⁵³ Там же, с. 118.

летописи под 1146 г. Этот же монолог воспроизводит и первая молитва Давида Ростиславича, которую он провозглашает перед смертью. Эта молитва, по мнению И. П. Еремина «монтаж, составленный на основе и молитвенных обращений Игоря к богу, и его благочестивых размышлений в начале монолога». Ср.:

Игорь Ольгович

... како святии правовернии цари прольяха крови своя, стражюще за люди своя... и како святии пророци, апостоли с мученики венчашася и по господе крови своя прольяха (стр. 247).

Ростислав Мстиславич

...хотел бых поревновати, якоже и вси правовернии цари пострадаша и прияша възмздые от господа бога своего, якоже и святии мученици кровь свою прольяха, усприяша венца нетленьных (стр. 363) ⁵⁴.

Андрей Боголюбский

Господи! Призри на немощь мою, и вижь смиренье мое и злыую мою печаль и скорбь мою, одержажую мя ныне, да уповаю терплюю; о всех сих благодаря тя, господи, яко смирил еси душу мою и в царствии твоёмъ причастника мя створил... како святии пророци и апостоли с мученики венчашася... различныя смерти прияша, искушени быша от дьявола, яко злато в горниле; их же молитвами, господи, избраном твоёмъ стаде с десными овцами причти мя... (стр. 399—400).

Давид Ростиславич

Владыко господи боже мой! Призри не немощь мою, вижь смирение мое, одержажая мя ныне, да тобою уповаю терплю; и о всех сих благодарю тя, господи, яко смирил еси душу мою, и во царствии твоёмъ причастника мя створи, молитвами пречистых твоих матери, пророк, и апостол, и мученик, и всех преподобных святых отец, якоже и те пострадаше и угодивше тебе, искушени быша от дьявола, яко злато в горниле, их же молитвами господи, избранному твоёмъ стаду с десными овцами причти (стр. 472—473) ⁵⁵.

Книжный характер приведенных выше примеров не вызывает сомнения. Языковые и стилистические особенности этих фрагментов позволяют считать их автором выдубицкого игумена Моисея — составителя и редактора летописного свода XII в.

Предположение о том, что фрагменты с внутренней речью были внесены в летописный текст Моисеем, подтверждают труды литературоведов и историков. В частности, Д. С. Лихачев считает, что рассказ Ипатьевской летописи об убийстве князя-схимника является объединением нескольких источников. Ученый установил существование трех отдельных повестей о событиях этого времени. «Стилистически, — пишет он, — отдельные части рассказа Ипатьевской летописи также расходятся: с одной стороны, некоторые части его выдержаны в житийном стиле, с другой же стороны, есть части, сохраняющие деловой летописный стиль» ⁵⁶. Историк А. М. Насонов, сравнивая однотемные повести об убийстве Игоря Ольговича в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях, приходит к выводу, что Лаврентьевская летопись сохранила фрагменты киевского летописания. В Киеве этот текст позже был пополнен черниговскими материалами, которые остались неизвестными суздальскому летописцу: «Только когда мы переходим к сравнительному анализу текста, начиная с 6654 г., убеждаемся, что киевский источник или источники, использованные состави-

⁵⁴ Там же, с. 122.

⁵⁵ Там же, с. 122—123.

⁵⁶ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М.: Л., 1947, с. 221.

телями переяславских сводов, не имели вставок из черниговского летописца, подобных тем, которые нитью проходят через киевский текст Ипатьевской летописи»⁵⁷. Это позволяет предположить, что именно Моисей, формируя Киевскую летопись, объединил киевские и черниговские записи. Он же пополнил их вставками церковного характера, которые выделяются своей книжностью.

Наблюдения Д. С. Лихачева помогают понять, как попали вставки Моисея и в Повесть об убиении Андрея Боголюбского. Ученый полагает, что цельный рассказ Лаврентьевской летописи об убийстве Андрея следует считать первоначальным. Ипатьевский же текст повествования является расширением соответствующего текста Лаврентьевской летописи за счет рассказа совсем иного, реального плана. Кроме того, Д. С. Лихачев отмечает в этом рассказе отрывки житийного, церковно-книжного характера, не имеющие аналогии в суздальском летописании⁵⁸. Вот эти отрывки, по нашим наблюдениям, и оказываются подражаниями житию Игоря Ольговича.

В пользу авторства Моисея здесь убедительно свидетельствует уже известный прием внутренней речи. Ср.:

Игорь Ольгович

...и въздохнув из глубины сердца скрушеном, смиренном смыслом, и прослезився, и помяну вся Ивова и размышляше в сердце своем: «Тако толики страсти и различная смерти на праведники находили суть, и како святини пророци, апостоли с мученики венчашася и по господе крови своя прольяхша, и како святини священномученици, преподобнии отци многыя напасти и горкыя муки и различныя смерти прияхша, искушени быше от дьявола яко злато в горниле, их же молитвами, господи, причти мя избраном твоём стаде с десными мя овцами, и како святини правовернии цари прольяхша крови своя, стражюще за люди своя, и еще же господь нашъ Иисус Христос искупи мира от прельсти дьявола честною кровию». И тако глаголя тешашеть ся, и пакы глаголашеть: «Ты, господи, призри на немощь мою и вижь смирение мое и злую печаль и скорбь, одержащую мя ныне, да на тя уповая стерплю, ты бо, спасе, глаголали еси: веруя и мя, аще умереть жив будетъ в веки; и о всех сих благодарю тя, господи, яко смирил еси душу мою, и сподоби мя прити на свет от темнаго и суетнаго и мало-временнаго сего века, и в царствии твоём причастника яви мя нетленных твоих и несповедимых благ, с всеми праведь-

Андрей Боголюбский

...и въздохнув из глубины сердечныя, и прослезися, и помяну вся Иевова и размышляше в сердце своем, и рече: «Господи, аще и во время живота моего мало и полно труда и злых дел, но отпущение ми даруй и сподоби мя, господи, недостойного, прияти конец сей, якоже вси святини, тако и толики страсти и различныя смерти на праведники находили суть, како святини пророци и апостоли с мученики венчашася, по господе крови своя прольяхша, и тако и святини священномученици преподобнии отцы многыя напасти и горкыя муки, различныя смерти прияхша, искушени быша от дьявола, яко злато в горниле; их же молитвами, господи, избраном твоём стаде с десными овцами причти мя; како святини правовернии цари прольяхша крови своя, стражюще за люди своя, и еще же и господь нашъ Иисус Христос искупи мира от прельсти дьявола, честною кровью своею». И тако глаголя тешашеся; пакы же глаголаше: «Господи, призри на немощь мою, и вижь смирение мое и злую печаль и скорбь мою, одержающую мя ныне; да уповая терплю; о всех сих благодарю тя, господи, яко смирил еси душу мою и в

⁵⁷ Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. — М., 1969, с. 102.

⁵⁸ Лихачев Д. С. Русские летописи, с. 243.

ными, угрожающими тебе, господи; и се ныне аще кровь мою прольють, то мученик буду господу моему» (стр. 247).

царствии твоём причастника мя створил; и се ныне, господи, аще и кровь мою прольють, а причти мя в лики святых мученик твоих, господи!» (стр. 399—400)⁵⁹.

Введением внутренней речи в некрологи Моисей не ограничился. Характерный для него прием можно встретить и в текстах других летописцев. Например, вмешательство Моисея в летописный текст, объективно повествовающий о сути дела, заметно в описании конфликта Ростиславичей со Святославом Всеволодичем (под 1180 г.). Всеволод Суздальский взял в плен сына Святослава Всеволодича Глеба «и окова и посла и в волость свою Володимѣрь, и пристави емоу сторожѣ, и дружиною его тако же изъимаша около его» (ЛИ, 614). Здесь Моисей, стремясь объяснить странное поведение Святослава, нарушившего свои обязательства по отношению к союзникам, добавляет: слышавъ же. Стославъ. распольса гнѣвомъ. и раждьса яростью. и размысли во оумѣ своемъ река. яко мьстильса быхъ Всеволодоу. но не лзѣ Ростиславичи. а тѣ ми во всемъ пакостать. в Роуской землѣ. а въ Володимѣрь. племени кто ми ближни тотъ добръ (ЛИ, 614).

Продолжение этого психологического анализа действий Святослава Всеволодича наблюдается на фоне летописного текста и дальше: и тогда Стославъ. сдоумавъ с кнагинею своею. и с Кочкаремъ милостыникомъ своимъ. и не поведѣ сого моужемъ своимъ лѣпшимъ доумы своимъ и абѣе оустрѣмився Стославъ на рать. про Глѣба сна своего. и не оудержався ѿ(т) ярости перестоупа. кр(с)тъ. и переѣха чересь Днѣпръ. и помысли во оумѣ своемъ. како Дѣда имоу. а Рюрика выжженоу изъ землѣ. и прииму единъ власть. Роускоюу и с братьею. и тогда мьщюся Всеволодоу. ѿбиды своѣ (ЛИ, 615).

О вставочном характере отрывков, раскрывающих мысли Святослава Всеволодича, свидетельствует следующее. Параллельно употребляются два глагола мышления *сдумати* и *помыслити*. Употребив глагол *сдумати* (посоветоваться, решить с кем-либо), летописец дает понять, что дума (решение) Святослава согласована с его женой и Кочкарем. Сочетанием *помыслити в уме* редактор утверждает, что решение принимает один князь. Раскрывая ход его мыслей, Моисей прибегает к вольному или невольному заимствованию из «Повести временных лет». Ср.: Стополкъ же съ ѿканьными и злыми. оуби Стослава пославъ в горѣ Оугорствѣи. бѣжащо ему въ Оугры. и нача помышлати. яко избью всю братью свою. и прииму власть Русьскую единъ. помысливъ высокоумьемъ своимъ. не въдыи. како бѣ даеть власть ему же хочеть (ЛЛ, 139). Авторство Моисея подтверждает и заключительная сентенция, характерная для текстов выдубицкого игумена: бѣ бо не любить. высокоиа мысли нашиа. возносащаго смираеть (ЛИ, 615).

Любопытно, что и в тексте Моисея, и в тексте «Повести временных лет» содержание глаголов мышления раскрывается с помощью

⁵⁹ Еремин И. П. Литература Древней Руси, с. 121—122.

особой конструкции с союзом *яко* (*аще, зане* и т. д.), в состав которой входит прямая речь. Подобные конструкции, как отмечено в научной литературе, бытуют в старославянской и древнерусской письменности рядом с конструкциями прямой и косвенной речи, не отождествляясь ни с той, ни с другой⁶⁰.

По-видимому, с Моисеем следует связать и следующую вставку в запись под 1195 г. Заключительная часть ее напоминает манеру Моисея оформлять внутреннюю речь: Романъ же оулюбивъ свѣтъ ихъ и послоушавъ ихъ. и поѣха на Межькоу со снвци его с Казимеричи. сдоума с мужи своими * рекъ. ажь примоучю сихъ. а бгъ ми на на поможеть. и тогда совокоупивъ всихъ на одино мѣсто. исполноу с ними ч(с)ть свою. и хотѣние мысли своена налезюу. и то помысливъ въ ср(д)ци своеемъ *. и поѣха противю Мъжьцѣ битьса (ЛИ, 687).

Кроме Моисея, в XII в. прием внутренней речи использовал также суздальский летописец Юрия Долгорукого и его детей. Следы его деятельности встречаются в Лаврентьевской летописи под 1149 г.: Вачеславу же нудацию брата на миръ. и не послуша [Юрий Долгорукий] яего. но примъ свѣтника Юрга Ярославича. и тако твора. оже оуже лахове воротишаса и оугри. *примъ. в ср(д)ци си. акоже выжечу Изяслава и переиму волость собѣ* (ЛЛ, 323).

Любопытно, что под этим годом находится также пример, приведенный в книге Н. Г. Михайловской: он же помысли и ре(ч) собѣ в ср(д)ци. В Киевской летописи данный текст оформлен иначе, но внутренняя речь сохранилась: кнзь же Андрѣи помысли собѣ въ ср(д)ци ре(ч) се ми хочеть быти Ярославча смртъ Изяславича (ЛИ, 390).

Поэтому привлекает внимание и следующий абзац, возможно, принадлежащий все тому же суздальскому автору. На первый взгляд, внутренней речи здесь нет: Гюрги же в соромѣ сна своего сжаливъ собѣ ре(ч) тако ли мнѣ части нѣтоу в Роуской земли. и моимъ дѣтемъ (ЛИ, 374). Следует учесть, что в данном случае составители приняли разбивку на слова первых издателей Ипатьевской летописи, которые это место передали следующим образом: Гюрги же, въ соромѣ сына своего сжаливъ собѣ, рече: «так ли мнѣ части нѣтоу въ Руской земли, и моимъ дѣтемъ?»⁶¹. Очевидно, под влиянием этого издания толкует словосочетание *сжаливити въ собѣ* как «опечалиться» И. И. Срезневский. В качестве иллюстрации дан тот же пример⁶².

Привлечем более широкий контекст и предложим свое понимание фрагмента. Оскорбленный Изяславом Мстиславичем, Ростислав «же пришедъ къ ѿ(т)цю своемуу. в Соуждаль. и оударъ перед ни(м) челомъ и ре(ч) слышалъ есмь оже хочеть тебе вса Роускаа земля. и черныи клобоукъ. и тако мольвать и насъ естъ обеществовалъ. а поиди на нъ.

⁶⁰ Молотков А. И. Особые синтаксические конструкции для передачи чужой речи в древнерусском языке.— Учен. зап. Ленинград. пед. ин-та. 1962, вып. 61, г. 302, с. 183.

⁶¹ Полное собрание русских летописей: В 2-х т. Спб., 1843, т. 2, с. 41.

⁶² Срезневский И. И. Указ. соч., 1912, т. 3, стлб. 705.

Гюрги же в соромѣ сна своего сжали въ собѣ ре(ч) тако ли мнѣ части нѣтоу в Роуской земли. и моимъ дѣтемъ» (ЛИ, 374). При такой разбивке на слова высказывание Юрия Долгорукого можно понимать как его внутреннюю речь. Пожалев сына, перенесшего позор, он внутренне восклицает: «Неужели мне части нет в Русской земле и моим детям?».

4. ПРИЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВОГО МАТЕРИАЛА

Хронологическое упорядочение материала является главным организующим принципом древнерусского летописания. Его основу составляют погодные записи — описания событий, происходивших в определенные годы. Источниками этих описаний служили, как правило, собственные наблюдения летописцев и рассказы очевидцев — их современников, а для более древнего периода — устные предания и легенды, исторические сказания и былины.

Хотя всякое историческое повествование в той или иной мере придерживается хронологического принципа и предполагает расположение используемых фактов во временной последовательности, древнерусские летописи значительно отличаются от исторических текстов нового времени. В процессе становления летописного жанра к погодным записям начинают присоединяться, с одной стороны, деловые документы, а с другой — разного рода сочинения на религиозно-философские темы. В результате появляются труды, сложные как в жанровом, так и в языково-стилистическом отношении. В расположении материала внутри годовой статьи находят свое выражение древние (арханческие) способы введения заметок, сообщающих о том или ином важном событии, начало которых теряется в глубине веков. Здесь же проявляются новые тенденции, сближающие летописание XII в. с рассказом историка и с произведением художника слова. В приемах организации материала наиболее ярко выявляются индивидуальные особенности стиля как авторов Киевской летописи, так и ее составителя-редактора Моисея Выдубицкого.

Хронологические формулы. Каждая статья древнерусской летописи охватывает события, происходившие на протяжении одного года. Она начинается формулой *въ лѣто...*, где после слова *лѣто* указан год от сотворения мира. Существительное *лѣто* имеет здесь значение «год», то есть «время, равное кругообороту земли вокруг солнца»⁶³, а формула *въ лѣто...* предполагает заполнение данной графы фактами, которые имели место именно в данный год. Сам же этот оборот — в форме обстоятельства времени — означает констатацию факта, относящегося к данному временному отрезку. Например: *В лѣто 6888 кс Выбѣже Ярославъ Стополчичъ из Володимера Оугры. и боаре его. и ѿ(т)ступиша ѿ(т) него* (ЛИ, 285).

В пределах одного года формулы более разнообразны: *того же лѣта, томъ же лѣтѣ, то же лѣто, се же лѣто, сего же лѣта, въ то же время (веремя), тогда, тогда же, потом же* и т. д. Как отмечает

⁶³ Лъвов А. С. Выражение понятия времени в «Повести временных лет», с. 24.

И. П. Еремин, функция этих формул двоякая: это указатель времени и вместе с тем формулы перехода от одного сообщения к другому⁶⁴. Обращает на себя внимание стабилизировавшийся в таких формулах порядок расположения слов. Например: *В лѣто ꙗко ꙗко Прогна Володимеръ. береньдичи из Руси а торци и печенѣзи. сами бѣжаша томъ же лѣтѣ приходи Ярославъ. с лахы къ Чръвну. при посадничи Фомѣ Ратиборичи. и воротилася опать не въспѣвше ничто же. Того же лѣта престависа. митрополитъ. в Киевѣ Никифоръ. м(с)ца априла. и бы(с) знамение въ слнци и луиѣ одного м(с)ца и кнагыни. Мьстислала. оумре м(с)ца генвара. въ смыинадесать. Того же лѣта. заложил цркви стго Ивана. въ Копыревѣ конци (ЛИ, 286). В лѣ(т). ꙗко. ог. Прибѣже изъ Црагорода. братанъ црвь кюръ. Андроникъ къ Ярославу оу Галичъ и прина и. Ярославъ с великою любовью. и да емоу Ярославу нѣколико городовъ на оутѣшение *потом же* присла црвь два митрополита. ваба и к собѣ Ярославъ же пусти к нему с великою ч(с)тью. приставивъ к нему пискупа своего Кузму. и мужа. своа передниа. *Том же лѣ(т)* ведена бы(с) Ростиславна Ѡгафына. за Ѡлга за. Стославича м(с)ца июня въ ко днѣ. *том же лѣ(т)*. Двѣ Ростиславичъ. съде Витебски. а Романови Вячеславлю. внуку. да Ростиславъ Васильевъ и Краснѣ. *том же лѣ(т)* Василко Ярополчичъ избил половци на Руси. много же ихъ руками изоима. и ѡбатиша(с). дружина его. оружьемъ и кони. и самъ искупа много има на нихъ (ЛИ, 524—525).*

Когда слово *лѣто* употребляется в формулах, соединяющих известия в пределах года, его значение приближается к значению существительного *время*. По наблюдениям А. С. Львова, разница между *время* и *лѣто* состоит в том, что первое употребляется для обозначения одновременного с другим события, а последнее — событий, происшедших в одном году, однако это различие не всегда соблюдалось⁶⁵. В Киевской летописи также есть подобные случаи. Например: В то же верема прибѣгоша из Роуси дѣцкы. и повѣдаша емоу Володимира в Черниговѣ а Изаслава оу Стародоубѣ. Стославъ же приде къ Дѣдославлю. и тоу придоша к нему друзии половцѣ. Токсобичи и пристави к нимъ Соудимира Коучебича. и Горѣна. и посла на смолнаны и повоеваша верхъ Оугры. *В то же верема* выбѣгоша посадничи Володимери. Изаслави. из Ватичъ. изъ Браньска. и изъ Мьченьска. и изъ Блеве. и ѡ(т)тоуда иде Девагорьскоу. иде заемъ вси Ватичи и Добранескъ и до Воробинь Подеснѣ Домагощъ. и Мценескъ. *В то же верема*. придоша к не(м) бродничи. и половци придоша к нему мнози. оуеве его. *в то же верема* Изаславъ Двѣвичъ. из Новгорода иде Черниговоу. *в то же верема*. приде Гюргвичъ Глѣбъ ко Стославу Девагорьскоу. и ѡ(т)тоуда идоша Мцьнескоу. Стославичемъ и съ Гюр-

⁶⁴ Еремин И. П. Литература Древней Руси, с. 99.

⁶⁵ Львов А. С. Выражение понятия времени в «Повести временных лет», с. 25.

гевиче(м) и с половци и тоу дававъ имъ дары многы. и поиде къ градуу. на Изаслави(ч) и въ Спаши оугониша и. послѣ ѡ(т) Володимира Двѣвича. и ѡ(т) Всеволича... *того же лѣта*. посла Володимеръ Изаслава Двѣвича и Чернигоу къ Изаславу кнзю Киевскому (ЛИ, 341—343). А. С. Львов отмечает далее, что в «Повести временных лет» формулы со словом *лѣто* иногда употребляются при описании действительно летних событий⁶⁶.

По нашим наблюдениям, в Киевской летописи появляются и формулы, указывающие на протекание событий в разные времена года. Так, под 1135 г. наряду с формулами *в се же лѣто*, *в то же лѣто* отмечена формула *тоѣ же зимы*: *В лѣто* ← ꙗко мв Престависа. Изаславъ Глѣбовичъ. маа въ дѣ. *в се же лѣто*. принесена бы(с) дѣска. окончана гроба гна. Дионисемъ послалъ бо бѣ Мирославъ. *В то же лѣте*. престависа еп(с)пъ Переяславский. Марко. *тоѣ же зимы*. Вячеславъ лишивса Переяслава. иде опать Турову не послушавъ брата своего Ярополка (ЛИ, 295).

Указание на зимний сезон встречается и под 1136 г.: *Тоѣ же зимы* совкоупи вои. киевский. а Дюрди. переяславчи. и стояша. н. днии оу Киева. и вмириса Ярополкъ съ Всеволодомъ. и даша Переяславль Андрѣви брату своему. а Володимеръ. Изаславу Мьстиславичю (ЛИ, 297). Под 1142 г.: *в тоу же зимю* посла Всеволодъ сна своего Стослава Изаслава Двѣвича съ Володимеромъ с Галичскимъ. во помочь затоу своему Володиславу. на братью его. на меньшую на Болиславичъ (ЛИ, 313). Под 1148 г. речь идет об осенних событиях: *Того лѣта на осень* скоупиша(с) на снемъ. оу Городка Мьстислави(ч) Изаславъ Володимеръ Двѣвичъ. и бра(т) его Изаславъ (ЛИ, 366). Под 1155 г.: *Тоу же осени* придоша половци и воеваша Поросье (ЛИ, 479).

Под 1173 г. формула *тоѣ же зимы* присоединяет владимирское известие, повествующее о зимних событиях: *Тоѣ же зимы* посла князь Андрѣи сна Мьстислава. на болгары а Муромский князь сна посла а Разаньски князь сна посла. и бы(с) нелюбъ путь тѣ. всимъ людемъ симъ. зане непогодѣесть *зимѣ*. воевати болгары (ЛИ, 564—565).

По нашим наблюдениям, значение «год» у существительного *лѣто* особенно выразительно в том случае, если включающая его формула следует после формулы, указывающей на другое время года. Так, под 1143 г. описывается ряд событий года без указания на сезон, когда они происходили. Лишь в одном случае отмечено, что дело было зимой. Вслед за этим употреблена формула *того лѣта* в значении «в том же году»: *В лѣто* ꙗко х на. Поставиша еп(с)па. Черниговоу. именемъ Онофрыа. *в то же лѣто* приведе Всеволодъ за сна своего Стослава. Василковноу Полотьского кнза и скоупишася братья вса. и безбожни

⁶⁶ Там же, с. 27.

лаховъ. и пиша оу Всеволода. и тако разидошася. *тое же зимы*. изиде Изаславъ къ стръви своему Дюрдеви Соуждалю. и не оуладивса с нимъ. иде ко братоу своему Ростиславу. Смоленскоу и ѿ(т)голь иде къ друугому братоу. своему. Стополкоу Новоугородоу. и тамо же *зимова*. и приде Изаславъ из Новагорода оу Перенаславль. свои. и бывъ оу своеъ братъи *того лѣта* Изаславъ ѿ(т)да дчѣръ свою. Полотскоу за Борисовича за Рогъволода. и Всеволодъ князь Киевский. приде и съ женою. и съ всеми боары на свадбоу (ЛИ, 313—314).

Как указал Б. А. Рыбаков, все киевские события 1187—1197 гг. обозначены по сезонам таким образом, что оборот *того же лѣта* отмечает летние события. А слово *лѣто* в значении «год» сохранилось лишь при описании событий в других местах (Галич, Суздаль)⁶⁷.

Может быть, эту архаическую черту следует связать с деятельностью Галичанина, внесшего в Киевскую летопись немало устаревших слов и выражений.

Как и в «Повести временных лет», в начале Киевской летописи расположение фактов внутри годовой статьи не организовано, случайно, может сосуществовать в любом порядке. Лишь к середине XII в. намечаются новые приемы, когда составитель стремится расположить материал годовой статьи в относительной последовательности. И. П. Еремин отмечает, что относительная последовательность изложения наблюдается там, где все записи объединяются единством «героя» или излагаемого события. Примером такого чередования записей, по его мнению, может служить цепь известий, читающихся под 1155 г.: «„Том же лете посла Дюрги Ярославича, с Жирославом и с Вячеславли внуки, на Мьстислава на Изяславича... Тогда же иде Гюрги на снем противу половцем Каневу... В то же вермя приде Гюргева княгини из Суждаля Смоленску, и с детми своими, к Ростиславу... Том же лете приде к Дюргеви галичская помощь от зяте его, от Ярослава... Том же лете иде Андрей от отца своего из Вышегорода в Суждаль, без отне воле” (стр. 330—331). Здесь все погодные известия объединяются именем князя Юрия Долгорукого, во всяком случае касаются его или его семьи, и это сообщает им характер последовательного изложения»⁶⁸.

Можно отметить еще несколько случаев, когда объединенные единством «героя» или излагаемого события записи складываются в цельный развернутый рассказ, отдельные эпизоды которого отделяются друг от друга, как и в приведенном выше примере И. П. Еремина, формулами: *в то же вермя, томъ же лѣтѣ, тогда же* и т. д. В этом плане представляет интерес статья под 1170 г., в которой рассказывается о соре Мстислава Изяславича с братьями Бориславичами. После детального описания того, как по вине Бориславичей у князя сложились натянутые отношения с Рюриком и Давидом Ростиславичами, дана подборка фактического материала, показывающего, как Мстислав Изяславич испортил отношения с рядом других князей, в результате чего все они организовали поход против него:

⁶⁷ Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 24.

⁶⁸ Еремин И. П. Литература Древней Руси, с. 103.

В то же вермя Володимиръ. Андрѣвичъ. нача припрашивати волости оу Мьстислава. Мьстиславъ же оуразумѣвъ. оже извѣтомъ оу него просить. волости ре(ч) брате Володимире ци давно еси хр(с)тѣ цѣловаль ко мнѣ. и волость взаль еси оу мене. ѿнъ же разгнѣвавъса иде Дорогобужю. *В то же вермя* бѣ Андрѣи. Гюргевичъ в Суждали княжа и тѣ бѣ не имѣа любви къ Мьстиславу. *Том же лѣтѣ* прилашася новгородци къ Мьстиславу просаче сна оу него. и дасть имъ Романа. и болши вражда. бы(с) на Мьстислава ѿ(т) братѣ. и начашася снашивати рѣчьми братъи вси на Мьстислава. и тако оутвердившеса кр(с)тѣмъ братъи. *Тои же зимѣ* посла Андрѣи. сна своего. Мьстислава. с полкы своими исъ Суждала. на Киевского князя на Мьстислава. на Изаслави(ч) с ростовци и с володимирци. и съ суждалци. и инѣхъ князии. аї. и Бориса Жидиславича. Глѣбъ ис Перенаславля. Дюргевичъ Романъ. и Смоленска. Володимиръ Андрѣвичъ. из Дорогобужа. Рюрикъ изъ Вроучего. Двѣ из Вышегорода. бра(т) его Мьстиславъ. Олгѣ Стославичъ Игорь бра(т) его. и Всеволодъ Гюргевичъ. Мьстиславъ внукъ Гюргеви (ЛИ, 543—544). Указанный прием характерен для деятельности летописца Поликарпа.

Некоторую последовательность изложения можно, по-видимому, наблюдать в тех случаях, когда известия объединяются при помощи соединительного союза *и*. Указывая на переход от одного сообщения к другому, союз этот не имеет здесь временного значения. Например, в следующем фрагменте Поликарпа: Стославъ же вѣжа в Чернигозѣ. съ маломъ дружини. послася ко братома ре(ч) Володимироу и Изаславоу стоита ли бра(т) оу хр(с)тномъ цѣлованин. се еси цѣловали патомъ дни она же рѣста стоивѣ. и ре(ч) имъ Стославъ се ва ѿставляю. Къстажка моужа своего. ачетъ ваи таи к собѣ. а самъ ѣха Коурьскоу. оуставливать людии. и ѿ(т)тоуда Новоугородоу приде и слышавше половецъстии кнзи створившееса надъ Игоремъ. прислашася ко Изаславоу мира просаче. *И* почаста Двѣвича. доумати ѿтаи. Стославля моужа. бы(с) же вѣсть. къ Кснаткови. моужю Стославлю оже Двѣвича доумаета ѣти. бра(т) своего. Стослава. и присла. Коснатко ко князю своему. река. княже доумають ѿ тобѣ хотать ѣти аче по та и прислета бра(т)н. не ѣзди к нима (ЛИ, 328).

В следующем примере летописные записи Петра Бориславича объединяет как редактор Поликарп. Ему, по-видимому, принадлежит повторение в тексте союза *и*: В лѣ(т) $\frac{1}{2}$ х п. Поиде Мьстиславъ съ силою мною. къ берендичемъ. и ко торкомъ. и съвѣкупивъса поиде къ Треполю и ѿ(т)туда поиде Киеву. и вшедъ в Киевъ. возьмъ рады съ братъею. съ Ярославомъ и Володимиромъ. Мьстиславичемъ съ галичаны. и съ Всеволодковичемъ. и Стополкомъ. Гюргевичемъ. и с кианы. торци же и берендичи льстаху имъ и поиде къ Вышегороду. и поустыша

на воропъ. и бишаса крѣпко изъ града. Двѣ же своимъ повель. острогъ пожечи до нихъ. И ста Мьславъ подь боромъ. и ѿ(т)туда. приходачь бинахуться. оу Двѣ же въ градъ много баше дружины своеи. и братьѣ его помочь. и Глѣбъ кнзь прислалъ баше Григора тысячкаго своего. с помочью. и половци дичии Концакъ с родомъ своимъ. и свои берендичи Бастѣва чадь... ѿ(т) Мьстислава же бахоу роштилиса. вси помочи. изнемогъшеса. и приде вѣсть Мьстиславу. ѿже Глѣбъ бродитьса на сю сторону с Половци. и къ Двѣови болши помочи пришли. и яви Мьстиславъ братьѣ своеѣ. братья же рекоша ему. се вои ѿ(т) насъ роштилиса. а симъ помочи большиѣ. приходать. а чернии клобоукъ нами лестить. а не можемъ стати противоу. имъ а поѣдмы въ свою волость. мало перепочивше ѿпять. възвратимъса. И поиде Мьстиславъ ѿ(т) Киева. второе недѣли по велици дни в понедѣльникъ и бы(с) вѣсть Двѣви. ѿже Мьстиславъ пошелъ. и посла Володислава лаха с половци. по нѣмъ. и постигоша на оу Борохова. и ту стрѣлавшеса с ними възвратишаса. половци же воротишаса ѿпять. много створивше зла. люди повоевоваша (ЛИ, 548—550).

По наблюдениям И. П. Еремина, в пределах одного года в Киевской летописи возможно объединение записей (рассказов) и без формул: один рассказ непосредственно примыкает к другому, в результате чего повествование приобретает характер не только последовательного, но и непрерывного изложения. Как пример И. П. Еремин приводит рассказы об Изяславе Мстиславиче. Они, пишет исследователь, «начиная с 1146 г. именно в силу указанного обстоятельства образуют непрерывный поток повествования, часто не сдерживаемый никакими преградами традиционных формул перехода от одного рассказа к другому. Эту непрерывность в летописи Киевской нарушает только погодная канва; если время излагаемого события охватывает два года или больше, — рассказ на соответствующем месте непременно будет механически оборван формулой: «В лѣто 66 ...». Формула эта теперь, однако, теряет свою былую принудительность; она уже не означает перехода от одного рассказа к другому, а служит только указателем времени. Так, кстати сказать, уже в XII в. подготавливалась возможность полного освобождения летописания от погодной канвы (не погодного принципа), которая и была реализована, как известно, летописью Галицко-Волынской»⁶⁹.

Вряд ли в данном случае И. П. Еремин прав. Хотя в рассказах об Изяславе Мстиславиче, которые по всем признакам принадлежат Петру Бориславичу, зачастую традиционные хронологические формулы отсутствуют, их отсутствие компенсируется подробным изложением событий во временном порядке. Именно в этих фрагментах летописи говорится, что делалось утром, в обед, вечером, на следующий день и т. д. Такая временная детализация придает летописи характер делового отчета, военного донесения. Например: *Томъ же лѣтѣ*. Изяславъ Мьстиславичъ. нача доспѣвати на Юрослава Воло-

⁶⁹ Там же, с. 104.

димирича. къ Галичю. и *якоже бы трѣми недѣлами до масопуць*. и поиде Изяславъ скупа силу свою на Галичъ и Вачьславль полкъ пона съ собою. Изяславъ Двѣвичъ пусти с ни(м) свои полкъ. и снѣ е(г) Мьстисла(в) приде с перенаславскимъ полко(м). и вси чернии клобуки и *якоже* приде к Тихомлю. и ту приде к нему из Дорогобужа братъ Володимиръ и Стополкъ. из Володимира. приде к нему бра(т) его. и Володимеръ Андрѣеви(ч) из Берестья. и тако скупаса. всѣ оу Володимира поиде къ Станкову. и ту же и Галичский кнзь вышель полкы. своими Изяславъ же пусти Володимира Андрѣевича и сна свое(г) Мьстислава. и чернии клобуки битса с ними. ѿ рѣку. ѿ Сереть а самъ поиде к Теревовлу *оутрии же днь Федоровы не(д)лѣ въ вторни(к)* переиде рѣку Сереть. и бы(с) въ тѣ днь мъгла велика. *яко* не видити до конецъ копья Изяславъ же перешедъ ту и ста. и бы(с) къ Юрославу Галичкому вѣсть *вечерь*. ѿже Изяславъ идетъ к Теревовлу и то слышавъ Юрославъ. поиде чере Сновъ к Теревовлу. и не оутаже къ бродомъ. Изяславъ бѣ перешель до ни(х) рѣку Сереть и сторожеве же Изяслави. видивше полкы Галичския. пригнавши повѣдаша Изяславу. Изяславъ же исполца полкы свои. поиде противу и *якоже* быша близъ себе. и бѣ разгна мъглу и бы(с) ясно. и тако стаща полци межи собою зраче на са... и ступиша(с) полци и бы(с) сѣца зла и биша(с) ѿ(т) *полудне до вечера*. и бѣ межи ими сматение. и не видахуть котории суть побѣдили. Изяславъ женашеть галичаны. а бра(т)на его бѣжаша. и тако побѣже Стополкъ Володимерьский кнзь и по немъ и Володимеръ Мьстиславичъ. и Мьстиславъ Изяславличъ. а Изяславъ ту и *ста* на полчици *на ночь*. а галичане вѣбгоша тогда в город(д) свои. Теревовель. Изяславъ же изоима галичския. мужи. а галичане изоимаша Изяслави(ч) на розгонъ. и ѿстаса Изяславъ с маломъ дружины. на полчици. и постави стаги галичския. и поидоша галичане подь свои стагы. изоимаша множество колодникъ. *на ту же ночь* оубоувъса Изяславъ. зане бѣ ѿсталса с маломъ дружины на полчици. река да не съвкупатса на на(с) из города. боле бо башеть. колодникъ е(г) дружины. и види многое множество колодникъ. галичанъ вазачи. и тако повель сѣчи а лутший мужи со собою пона. *оутрии же днь* Изяславъ же Мьстислави(ч). поиде въ Киевъ оу домъ свои (ЛИ, 465—468).

Подобного рода расположение фактов встречается лишь на небольшом отрезке Киевской летописи. Можно согласиться с Б. А. Рыбаковым, который предполагает, что Петр Бориславич использовал здесь материалы своего дневника.

Несмотря на ограниченное количество хронологических формул, каждый летописец и редактор комбинировал их по-своему. Поэтому различия в их применении могут быть важным признаком при определении принадлежности того или иного фрагмента летописи определенному лицу. Как видно из последних статей, принадлежащих редактору-составителю Киевской летописи, в качестве присоединительной он использует в основном формулу *того же лѣта*, где слово *лѣто*

употреблено в значении «год»: Того же лѣ(т). м(с)ца. декабра въ. љ. днь. созда [Рюрик Ростиславич] цркъвь камену (ЛИ, 706); Того же лѣта. созда великий болюбивый князь Рюрикъ. цркъвь (ЛИ, 707); Того же лѣта оу великого княза оу Всеволода. родиса снѣ меншии. м(с)ца августа въ а днь (ЛИ, 707); Того же лѣ(т) на зиму родиса дщи оу Ростислава оу Рюриковича (ЛИ, 708). Один раз встречается здесь формула в то же время: В то же время блгволи бѣ поновлаа мл(с)ть свою ѿ насъ (ЛИ, 708).

Эти формулы в текстах предшественников Моисея в сочетании с другими стилистическими признаками могут свидетельствовать о редакторских вставках выдубицкого игумена. Так, под 1177 г. формулой в то же время присоединено известие о делах Ростиславичей, и по своему характеру и по особенностям языка принадлежащее Моисею: Въ то же время. прииде Мьстиславъ. с полкомъ своимъ. и рекоша Ростиславичи. ѿже бѣ хотеть то завѣтра дамы полкъ Стославоу Стослав же оувѣда. ѿже хотать емоу. дати полкъ. Ростиславичи. и побѣже Стославъ. чересь Днѣпръ. оустыа Лыбеди. и потопо(ш) людье мнози. переже же того. послалъ баше в Половцѣ. половци же слышавше. ѿже Стославъ. выбѣглъ ис Киева. приѣхавше к Торцькому. много людии поимаша. Ростиславичи же. не хотаче гоубити Руской земли. и кр(с)тньской крови проливати. сгадавше даша Киевъ Стославоу. а Романъ иде к Смольнскоу (ЛИ, 604—605). Здесь встречаются обороты, типичные для стиля Моисея: ѿже богъ хотеть, не хотаче губити Руской земли и крестьянской крови проливати, сгадавше (в значении «посоветоваться») и даша.

Под 1189 г. формула в то же время присоединяет рассказ о галичанах и гибели князя Ростислава Берладника. Сам рассказ, возможно, написан Петром Бориславичем. Ему может принадлежать, например, диалог Ростислава с дружиной, рисующий рыцарственный облик князя, и описание его гибели в бою: и рекоша емоу дружина его. княже се оуже видиши леть ихъ. а поеди прочь. ѿнъ же ре(ч) братья вы вѣдаете. на чемъ соуть ко мнѣ кр(с)тъ целовалъ. ажь ловать головы моеа. да бѣ соудити имъ. и тотъ кр(с)тъ. егоже ко мнѣ целовалъ. а назъ не хочю блoudити в чюже землѣ. но хочоу голову свою положить. во ѿтчинѣ своей. И то рекъ. дружинѣ своей. потъкнуувъ к полкомъ галичкымъ. полци же галичкыи и оугре ѿбьемше. и сбодоша его с кона (ЛИ, 664—665). Есть здесь и свидетельства доработки текста Моисеем. Там, где говорится, что тело убитого Берладника положили «в манастырѣ. во цркви стго Юана», появляется оборот выдубицкого игумена: и причтеса к дѣдомъ своимъ. и ко оцемъ своимъ (ЛИ, 665).

О ф о р м л е н и е д а т. Стремясь к протокольной достоверности, некоторые летописцы не ограничиваются указанием года и сезона, но точно указывают дату события: месяц и день, а иногда даже час. По мнению Ф. П. Филина, деление дня и ночи на 12 часов, заимствованное у греков, имело некоторое распространение в среде книжни-

ков и церковников⁷⁰. Характерной особенностью таких формул является полное отсутствие в Киевской летописи восточнославянских названий месяцев. Можно думать, что литературный язык Древней Руси избегал таких названий. Это подтверждают и наблюдения других исследователей⁷¹.

Написание латинско-греческих названий месяцев встречается у всех без исключения летописцев, что свидетельствует об очень давней устной традиции. Например, у Поликарпа: Гюрги... скоупивъ силоу свою половци и поиде надѣса на бѣ. м(с)ца июла въ кд и иде на Ватичѣ (ЛИ, 374); Том же лѣ(т) престави(с). блжнаа княгини Глѣбоваа. Всеславича. дочи Юрополча Изаславича. съдѣвши по книзи своемъ. вдовою лѣ(т). м. а всихъ лѣ(т) и ѿ(т) рж(с)тва. п. и. д. лѣ(т). и положена бы(с) в Печерскомъ манастыри. съ княземъ въ гробѣ оу стго Федосыа оу головахъ. бы(с) же преставление еа. м(с)ца генваря. въ г днь а въ ча(с) в нощи. а въ д. вложена въ гробѣ (ЛИ, 492); и вниде Рогъволодъ Полотьску м(с)ца июла. и съде на столѣ дѣда свое(г). и ѿ(т)ца своего. с ч(с)тью великою (ЛИ, 496); Том же лѣ(т). поставиша еп(с)па Аркадыа Новугороду. м(с)ца августа въ. ї. днь (ЛИ, 498); м(с)ца априля въ. вї. пристависа княгини Стослава Слговича (ЛИ, 525); оуспе [Ростислав Мстиславич] м(с)ца марта. въ. дї. а въ. ка. вложенъ бы(с) въ гробѣ (ЛИ, 532); вниде Мьстиславъ въ градъ. м(с)ца маа въ. ѿї. днь и съде на столѣ Юрославли. и ѿ(т)ца своего и дѣдъ свои(х) (ЛИ, 535).

В некоторых случаях Поликарп отмечает не только точную дату, но и день недели: Въ лѣ(т) ѿсхъ ѿ и Поиде Ростиславъ снѣ Мстиславъ. и Смоленска къ Киеву на столѣ. и вниде в Киевъ. м(с)ца априля въ. вї. днь на въскр(с)ние. тогда бо бѣ паска ч(с)тънаа (ЛИ, 504); наоутриа же въ и м(с)ца февраля днь же бѣ тогда середа. нача Изаславъ полкы радити (ЛИ, 515); оубьень же бы(с) Изаславъ. м(с)ца марта въ ѿ днь. и ѿ(т)толѣ послаша и Чернигову. Стославъ же спратавъ тѣло его съ слезами, и положиша тѣло его въ ѿтни. ему цркви. оу стою мѣку Бориса и Глѣба. м(с)ца марта. гї. днь же бѣ тогда понедѣльникъ (ЛИ, 518); оубиша же и ти лѣпшии берендичъ. бѣ же днь тогда пятъкъ. и заоутра же в суботу. начаша битиса (ЛИ, 534); Оубьень бы(с) великий князь Аньдрѣи Суждальский. сна Дюрдева внука. Володимѣра. Мономаха. м(с)ца июня. въ. кї. и днь. канунъ стыхъ ап(с)лъ. днь бѣ тогда субота (ЛИ, 580).

Моисей нередко образует от названий дней недели прилагательные и употребляет их в сочетании со словом *день*: престави же са

⁷⁰ Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка, с. 124.

⁷¹ Львов А. С. Выражение понятия времени в «Повести временных лет», с. 27.

кнзъ Мьстиславъ. снъ Ростиславъ. вноукъ. великаго кнза Мьсти-
слава. м(с)ца. юна. въ. гї. стѣна мѣнца Анкюлины. въ днь патничныи
(ЛИ, 609); Рюрикъ... въѣха въ Киев. въ днь недѣльны (ЛИ, 616).

У летописцев-церковников дата, как правило, сопровождается указанием на память святых, которая отмечалась в данный день: Стославъ же сгадавъ с бра(т)ею. и с половци с моужи своими възра на ба на стою Бѣю изииде въ срѣтение емоу. въ днь четвертокъ. м(с)ца генвара. въ зі. днь. бѣ же въ тѣ днь положение веригамъ. стго ап(с)ла Петра и тако бѣ и сила животворящаго х(с)а погна на (ЛИ, 335—336); Въ то же лѣ(т). престависа блжны анхимандрить. игоумень Печерьской. именемъ Поликарпъ. м(с)ца ию(л)на. въ. кд. днь. въ днь стоу мѣнкоу. праздника Бориса. и Глѣба (ЛИ, 626). Этот прием широко использовали Поликарп, летописец Святослава Всеволодича, Моисей.

С Поликарпом-редактором можно связать введение в написание дат наречия *тогда*, свидетельствующего, что текст обрабатывался позже. Например: Том же лѣ(т) придоша половци мнози къ Изаславу Двдвичю. къ Выреви. и поиде Изаславъ к Чернигову. съ всею силою половецскою. на Стослава на Олгови(ч) и стаща подлѣ Десну. по Крырову. оли до оустѣа. а внизъ до Стонаничъ. оу Стослава же *тогда* баше сновець. и Стославъ Всеволодичъ. и Рюрикъ Ростиславъ. баше поналъ оу Стослава Всеволода. сна его. оувѣраи кнзаны. и берендѣъ. баху бо. не вѣрующе за свое сѣгрѣшение и бѣахутса с ними ѿ рѣку. ѿ Дѣсную. крѣпко... Изаславъ же Двдвичъ доиде Игорева броду и ту постиже и вѣсть и Щернигова. ѿ(т) свой(х) ему приятель. рекуче ему не ѣзди кнже никаможе. братъ ти Стославъ боленъ. а сновець ѿ(т) него шель Новугороду. а дружину свою пустилъ. ѿ(т) себе прочъ. бѣ бо *тогда* Стославъ несправуна (ЛИ, 505—506).

Кроме Поликарпа, в подобных случаях употреблял наречие *тогда* и летописец Святослава Всеволодовича: Андрѣи поча радити полкъ ѿ(т)ца своего. зане бѣ старѣи *тогда* въ бра(т)ѣ (ЛИ, 437). Ср.: Володимира же не пусти кормилецъ его зане. молодѣ бѣ *в то время* (ЛИ, 431); Глѣбови же кнзю Киевскому. *в то время* болъну сущю (ЛИ, 562).

Петр Бориславич обычно точных дат избегает и пользуется народным календарем: Придоша половци на Роускою землю *на роусалнои недѣли* (ЛИ, 603); и приде [Давид Ростиславич] Вышегородъ. во средоу. *роусалнои недѣлѣ* (ЛИ, 681). Христианские термины даются им в разговорной форме: И поиде Мьстиславъ ѿ(т) Киева. второе недѣли *по велици дни* в понедѣльникъ (ЛИ, 549); Того же лѣ(т) *а Петровъ днь*. Игорь Стославичъ. совокупивъ полкы свои и ѣха. в поле (ЛИ, 568).

Способ написания дат является важным признаком принадлежности текста тому или иному летописцу.

Отсылочные формулы. Следуя погодному принципу изложения, летописец (или же редактор-составитель), когда того требовало время, прерывал изложение, чтобы вернуться к нему снова. Различные авторы используют при этом разные формулы. С Моисеем, например, определенно связывается формула *мы же на подлежащее возвратимся*. Так, под 1196 г. этой отсылкой заканчиваются вставки в текст Петра Бориславича, детально описывающего войну между Ростиславичами и Ольговичами.

Вставки эти различного происхождения. Основной текст прерывается на словах: и тако воеваша. межю собою. ѣздачи все лѣто и до осени (ЛИ, 696). Это дает редактору возможность продолжить его вставками, из которых первая подключается формулой *того же лѣта* и рассказывает о кончине и погребении буй-тура Всеволода. По всем признакам вставка принадлежит Моисею. Об этом убедительно свидетельствует фраза об «общем долге», которой вставка заканчивается: *Того же лѣта* во Олговичехъ престависа кнзъ Всеволодъ. Стославичъ братъ Игоревъ. м(с)ца маа. и тако спратавше. тѣло его вса братья во Олговичехъ племени. с великою ч(с)тью. и с плачемъ великимъ и рыданиемъ. понеже бо во Олговичехъ. всихъ оудалѣе рожаемъ и воспитаемъ и возрастомъ. и всею добротою. и можьственою доблестью. и любовь имѣаше ко всимъ. Епискоупъ же Черниговской. и вси игоумени. и попове. проводиша его до гроба со ѿбычными пѣ(с)ми. и положиша его во цркви стоѣ Бѣи. в Черниговѣ и приложиша ко ѿцмъ своимъ. и дѣдомъ. давъ ѿбщии долгъ. емоу же нѣ(с) оубѣжати всакому роженому (ЛИ, 696).

Вторая вставка присоединяется к первой формулой *то же осени*. Ее происхождение определить труднее, т. к. в ней объединяются языковые черты и Петра Бориславича и игумена Моисея: *То же осени* Романъ Мьстиславъичъ. зать Рюриковъ. пославъ люди своя. воевать волость Рюрикову. и Двдвою помогана Олговичемъ. на чем же башеть к нимъ и и кр(с)тъ целоваль. ѿтаи тести свое(г) а к тѣсти своему Рюрикови. кр(с)тъ башеть целоваль передъ тѣмъ. како са емоу Олговичъ. боле того лишити. а въ его волѣ быти и зрѣти на нь. Рюрикъ же башеть и гнѣва емоу ѿ(т)далъ. Никифоромъ митрополитомъ Киевскимъ. и Полоны емоу далъ. има емоу вѣры по крестному целованию. Романъ же восла люди своя в Полоны и ѿ(т)голъ повѣлѣ имъ ездачи воевати. слышавъ же Рюрикъ. аже ис Полоного. ехавше воевали волость брата его Двдвою и сна его Ростиславлю. и того дѣла хотѣ ити на зата своего а снѣца своего Мьстислава. посла в Галичъ. к Володимерю... Володимеръ ехавъ со Мьстиславомъ. по воева и пожже волость Романовоу. ѿколо Перемила. а ѿ(т)сель Ростиславъ Рюриковичъ. с Володимеричи. и с чернымъ клобоукомъ. ехавше и повоеваша и пожгоша. волость Романовоу. ѿколо Каменца. и тако ѿполонившеса челадыю и скотомъ. и ѿ(т)местившеса возвращаша во свояси *мы же на подлежащее возвратимся* (ЛИ, 696—698).

Кончается вставка отсылочной формулой Моисея и, кроме того, с обеих сторон выделена ромбовидной комбинацией из четырех точек. Далее продолжается основной текст, который присоединяется хронологической формулой *тог же осени*.

По предположению Б. А. Рыбакова, этот фрагмент, заканчивающийся сообщением об отсылке послания Всеволоду Юрьевичу, и является заключительной частью всей летописи Петра Бориславича. «Последняя черта, которую бы хотелось отметить у этого летописца, — пишет он, — это стремление документировать свою хронику княжеских взаимоотношений подлинными документами, чем он напоминает летописца более раннего времени — Петра Бориславича. Пока он описывает сравнительно спокойные годы, мы не ощущаем этой документальности, но когда мы знакомимся с записями о бурных годах борьбы Рюрика с Романом, Ярославом и Всеволодом (1195—1196), то тут явно выступает желание летописца подтвердить правоту Рюрика подлинными текстами грамот, посланных князем или полученных им... Всего можно насчитать для этого периода свыше полутора десятков грамот. Некоторые из них довольно пространны и не сообщают никаких новых фактов: летописец вводит их в свою хронику, очевидно, потому, что считает посылку грамоты тоже историческим событием, подлежащим фиксации»⁷².

Можно думать, что два последних известия данной годовой статьи, подключенные одинаковой хронологической формулой *тог же зимы*, принадлежат Моисею: *Тог же зимы* выгнаша новгородци Ярослава Володимерича из Новагорода. много славшеса ко Всеволоду к Соуждальскому. и молившеса емоу да бы имъ даль своего сна любо иного кого. Всеволъ же ихъ воли не створи. они же бхавше ко Ярославоу ко Всеволодичю. Черниговьскомуу. испросиша оу него сна меншаго Новугородоу на столъ *Тог же зимы* ходи Романъ Мьстиславичъ. на двьагы. отомьщиватьса. бахоуть бо воевали. волость его И тако Романъ вниде в землю ихъ. они же не могоучи стати противоу силъ его. и бжаша во свои тверди. а Романъ пожегъ волость ихъ и отомьщивса возвратиса во своаси (ЛИ, 702).

Под 1171 г. оборотом-формулой *мы же на предлежащее возвратимся* завершается любопытный фрагмент, посвященный описанию лунного затмения. Г. Хютль-Ворт выделила его из окружающего контекста, указав на большое количество славянизмов в данном отрывке⁷³.

Чтобы проверить это предположение австрийской исследовательницы, рассмотрим тематическую единицу, на которую она ссылается в своих построениях, и окружающий контекст: В то же верема бы(с) знамение в лунѣ. страшно и дивно. идаше бо луна черео все небо. ѿ(т) вьстока до запада. измѣнаючи образы своа. бы(с) первое ни. оубывание. по малу. дондоже вса погиге. и бы(с) образъ еа. ѿко скудно черно. и паки бы(с) ѿко кровава. и пото(м) бы(с). ѿко двѣ лица. имущи ѿдино зелено а другое желто. и посредѣ еа ѿко два.

⁷² Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 146.

⁷³ Хютль-Ворт Г. Спорные проблемы изучения литературного языка в древнерусский период. — Wien. Slav. Jahrb., 1973, Bd 18, S. 32—34.

ратьнаа. съкушеса мечема. и ѿдиноу ею ѿко кровь. идаше изъ главы. а другоу бѣло акы млеко течаше. сему же рекоша старии людие. не блго есть саково знамение се прообразуеть кнжю смръть еже бы(с) *мы же на пре(д)лежащее възвратимся* (ЛИ, 516).

В этом описании не просто сконцентрировано большое количество книжной лексики. Важнее то, что именно эти слова и грамматические формы встречаются и в других произведениях Моисея. Таков оборот, которым выдубицкий игумен заканчивает свои вставки и в других случаях. На три полнозначных слова в этом обороте приходится два примера неполногласия и субстантивированное причастие на щ. В описании дважды встречается существительное *образ* книжного происхождения и один раз производный от него глагол *прообразовати*. На уровне морфологии привлекает внимание исключительное употребление в прошедшем времени форм аориста: *бы* (пять случаев), *погиге*, *рекоша* и имперфекта: *идяше* (два случая), *течаше*. Характерны для языка Моисея абстрактные существительные: *знамение* (дважды), *убывание*, союзы *акы*, *дондоже*, *еже*, ряд форм на щ (*имущи*, *съкушеса*, *предлежащее*), неполногласие (*посредѣ*, *глава*, *млеко*, *благо*, *възвратимся*, *предлежащее*), образование с приставкой *из-* (*измѣнаючи*), но с ч из тј.

Этот книжный текст разрывает рассказ о бегстве из Киева князя Ростислава Мстиславича и о въезде в столицу его врага Изяслава Давидовича. Рассказ ведется в разговорной манере, свойственной летописцу Поликарпу. Приведем окружающий вставку текст, отметив ее место звездочкой: и начаша молвити дружина Ростиславла. кнже се братья твоа к тебе не притагнули. ни берендичъ ни торци а сихъ сила велика. а поиди в Бѣльгородъ. и ту съждеши бра(т)ѣ. своеи. и помочии всихъ своихъ Ростиславъ же послушавъ ихъ. иде Бѣлугороду с полки своими и съ киагинею. въ тѣ же днь приде к нему Ярославъ синецъ его съ братомъ Ярополкомъ. а Андрѣви(ч) бха къ Торческому и къ берендѣемъ и к торкомъ. Изаславъ же вниде в Киевъ м(с)ца февраля въ вѣ. и вшедъ въ Софью вси(м) дасть прощение киапомъ ихъже баху изоимали. и поиде Изаславъ к Бѣлуграду*. Изаславъ же пришедъ к Бѣлугороду. и стоа ѿколо дѣтинца. д. не(д)ли (ЛИ, 515—516).

Из характерных для Моисея признаков здесь встречаем только неполногласную форму *к Бѣлуграду*, к тому же сомнительную. С одной стороны, в Хлебниковском списке ей соответствует полногласие: *к Белугороду*. С другой — в самом Ипатьевском списке здесь трижды отмечены полногласные формы этого слова: *в Бѣльгородѣ*, *Бѣлугороду*, *к Бѣлугороду*. Характерной древнерусской формой является существительное *помочи* с ч из тј.

Наряду с формулой *мы же на предлежащее возвратимся* Моисей употребляет в паре с ней и *послѣди скажемъ*. Так, в Некрологе Давида Ростиславича: В лѣ(т). ꙗ. х. ѿе. Престависа блговѣрныи князь Смоленский Двѣ снѣ Ростиславль. вноукъ же великаго княза. Мьсти-

слава. примѣ мнискыи чинѣ. егоже желаше. егоже и *послѣди скажемъ*... се же блговѣрныи кнзь Двдѣ. возрастомъ бѣ середнии. образомъ лѣпѣ. всею добродѣтелью оукрашенѣ. блгонравенѣ. хр(с)толюбивѣ. любовь имѣна ко всемъ ово же правашеть дши своей. и переже мл(с)тни прележашеть монастыра набда. и чернцыи оутѣшивана. и вси игоумены. с любовью приимаю. и взимаю оу нихъ блг(с)ние. и мирьскыи цркви набда. и всѣ стльскыи чинѣ достойною ч(с)тью ч(с)та. бѣ бо крѣпокъ на рати всегда бо тоснашеться. на великанъ дѣла. злата и сребра не собираеть. но даеть дружинѣ. бѣ бо любя дружиною а злына кажда ѣкоже подобаеть. цр(с)мь творити... *мы же на предлагающее возвратимся* (ЛИ, 702—704).

Здесь слова *и послѣди скажемъ* относятся к принятию Давидом монашества, о чем говорится дальше. Поворот к этой теме определяется формулой *мы же не предлагающее возвратимся*.

С формулой *и послѣди скажемъ* в другом месте комбинируется *передъ написахомъ*, что в сочетании с цитированием произведений отцов церкви создает определенную систему. Например, в статье под 1174 г. Моисей оформляет чужой текст следующим образом: Андрѣи же князь толикъ оумникъ сы. во всихъ дѣлѣхъ. добль сы и погуби смыслъ свои. и невоздержаниемъ. распольвѣся гнѣвомъ. такова оубо слова похвална испусти. ѣже бѣи студна и мерьска. хвала и гордость. си бо вса быша ѡ(т) дѣвола на ны. иже всѣваеть въ ср(д)це наше. хвалу и гордость. ѣкоже Павелъ глѣтъ гордымъ бѣ противиться а смиренымъ даеть блгодать еже и збы(с)стѣся слово ап(с)ла Павла главшя *еже и послѣди скажемъ*... Мьстиславъ. и похвали всемл(с)тваго ба. и стою Бориса и Глѣба. помочь невидимо гонаше. и выѣде изъ города. с дружиною своею. и гнавше дружина его и оударишаса на товарѣ ихъ. и много колодникъ. изымаша. Мьстислав же много пота оутерь. с дружиною своею. и не мало мужьства показа. с мужьми своими. се же оуже сбы(с)са слово ап(с)ла Павла. рекша. *еже передъ. написахомъ*. возносиса смириться а смираиса възнесеться. и тако възвратишаса вса сила. Андрѣи княза Суждальского совокупилъ бо башеть всѣ землѣ. множеству вои не баше числа. пришли бо баху высокомыслаще. а смиреннии ѡ(т)идоша в дома свои (ЛИ, 574—578).

Реплику вставочного типа Моисей приписывает даже Ростиславу Мьстиславичу, пытаясь увязать свои отступления с текстом Поликарпа при помощи формулы *преди въспоминахъ*: и то повѣстоваше с Поликарпо(м). по вса дни хотѣль быхъ свободитиса ѡ(т) *маловременнаго*. и *суетнаго свѣта сѣго*. и *мимотекущаго* и *многоматежнаго* жититыа. сего еже *преди въспоминах ти* (ЛИ, 530). Предыдущая вставка Моисея действительно содержит эти же слова, не связанные с окружающим текстом. Выше речь шла о том, что Ростислав Мьстиславич, если останется живым, очевидно, уйдет в монастырь. Однако его обещание прерывается вставкой Моисея: *еще ми бѣ ѡ(т)дасть болезнь сию*.

молбами прч(с)тына его мѣре и стѣго ѡ(т)ца нашего Федосья. Печерскаго монастыра. *егда бо ѡ(т)ходя житыа сего маловременнаго*. и *мимотекущаго*. молваше Семьюнови и попови ѡ(т)цю своему дховному тобѣ въздати слово. ѡ томъ к бу занеже възборони ми ѡ(т) пострижения (ЛИ, 529).

Летописец Поликарп свои вставки сопровождает отсылочной формулой *мы же на преднее возвратимся*. Так, под 1170 г. рассказывается о походе ряда князей под предводительством Мьстислава Изяславича на половцев. Текст Петра Бориславича во многих местах дополнен Поликарпом. В том же месте, где говорится о болезни и похоронах Ярополка Изяславича и об участии в этом событии Поликарпа, по видимому, можно видеть его вставку. Кончается вставка формулой *мы же на преднее возвратимся*: и поидоша ис Киева. м(с)ца марта въ. в. днь суботныи. середохр(с)тноѣ недѣли. Ярополкъ Изяслави(ч) братъ Мьстиславль. вѣлми болаше путемъ ида на хота братѣ своиѣ ѡ(т)ати и бы(с) в Тумащи. и вѣлми нача немощи. и постиже вѣсть Мьстислава за Каневомъ. братъ ти велми неможеть и посла Мьстиславъ къ игумену Поликарпови и къ Данилову попови своему. вела има ѣхати къ брату Ярополку ... *мы же на прѣднее възвратимся*. и идоша кнзи ѣ дновь. ис Киева (ЛИ, 539).

Ср. также фрагмент под 1169 г., где говорится о болезни и смерти Ростислава Мьстиславича: и тако ему повѣстацю с Поликарпо(м) игумено(м). и ре(ч) ему игуменъ. аще сего желаша кнже да вола бѣжна да будеть. Ростиславъ же слышавъ. ѡ(т) игумена. положи въ ср(д)ци своемъ рекъ ему. пережду и ѣще мало время. суть ми орудьица. и тако ему бесѣдовавши с ни(м). и блгословивъ его ѡ(т)пусти и. *мы же на прѣднее възвратимся*. и поидоша с ни(м) и Смоленска (ЛИ, 531).

Формула *мы же на прѣднее возвратимся* встречается и в рассказе об участии Поликарпа в похоронах Володимира Андреевича (ЛИ, 547).

Другие методы редакторской работы. Введение вставок возможно и без формул. Так, под 1147 г. повествуется о делах Святослава Ольговича, который после встречи с Юрием Долгоруким «иде къ Нериньскоу, и перешедъ Сѣкоу и ста. и бы(с) к великоу дни на веревницу и тоу престависа добрый старецъ Петръ Ильичъ. иже бѣ ѡ(т)ца его моужь. оуже бо ѡ(т) старости не можаше ни на конь всѣсти. бѣ емоу лѣ(т) ч» (ЛИ, 340). Продолжение этого повествования находится дальше. Оно непосредственно связано с приведенными выше словами: Сѣславъ же пришедъ ста оу Нериньска. и тогда придоша к нему сли ис Половецъ. ѡ(т) оуевъ (ЛИ, 341).

Промежуток между двумя частями одного рассказа занимает большая вставка, не связанная с ним тематически. Она начинается словами *в то же лѣто*: *В то же лѣто*. постави Изяславъ митрополитомъ Клима. Смолатича выведъ изъ Заруба. бѣ бо черноризецъ скимникъ. и бы(с) книжникъ. и философъ. такъ ѣкоже в Роуской земли не

башеть... Онофрии же Черниговский ре(ч) азъ свѣде достоить ны поставити. а глава оу насъ есть стго Климента. ѿкоже. ставать грѣши роукою стго Ивана. и тако сгадавше еп(с)пи славою стго Климента. поставиша митрополитомъ (ЛИ, 340—341). Можно думать, что в данном случае редактор просто подключил в текст одной летописной статьи другую, относящуюся к тому же году. Такие «грубые» методы работы характерны главным образом для Поликарпа.

Стиль Моисея характеризуют другие приемы. Его вмешательством в первую очередь объясняются сюжеты церковного и религиозно-философского содержания. Такого рода вставки и дополнения в ткань памятника, как нам представляется, можно наблюдать в разных местах Киевской летописи. Например, в описании борьбы Изяслава Давидовича с Ростиславом Мстиславичем за великое княжение, сделанном скорее всего летописцем Поликарпом, ощущается рука Моисея, который, возможно, сохранил какие-то личные впечатления или записи о событиях тех дней. Например: нача Изяславъ полки радити съ братьею. и dospѣвъ иде къ Подолью. а Ростиславъ стояще съ Андрѣвиче(м) подлѣ столпѣ ⁷⁴ *загорожено бо баше тогда столпиемъ ѿ(т) горы. ѿли и до Днѣпра. и бы(с) брань крѣпка велми зѣло ѿ(т) збоихъ и летаху мнози оубиваеми ѿ(т) збоихъ и тако страшно бѣ зрѣти. ѿко второму пришествию быти. * и нача ѿдалати. Изяславъ (ЛИ, 515).

На позднейшее внесение этого отрывка указывает как наречие времени *тогда*, так и книжная окраска его лексических и стилистических средств (неполногласное существительное *брань*, архаическое наречие *зѣло*, церковное сравнение *ѿко второму пришествию быти*). В данном случае наше предположение расходится с мнением Б. А. Рыбакова, который утверждает, что самые ранние следы редакторских вставок Моисея ощущаются в описании смерти родоначальника всех Ростиславичей князя Ростислава Мстиславича ⁷⁵, т. е. лишь с 1167 г. Следует учесть, что как историк Б. А. Рыбаков обращает внимание преимущественно на те дополнения и вставки, которые имеют значение для содержания памятника. Для лингвистики же важны и такие вкрапления в чужеродный текст, которые не несут какой-либо смысловой нагрузки. При таком подходе количество вставочных текстов несомненно должно быть больше. Что касается рассмотренного примера, то в другом месте своей книги, характеризуя летописца Петра Бориславича, Б. А. Рыбаков пишет: «От него нельзя ожидать такого замечания о жаркой битве, как «страшно бе зрети», встречающегося однажды у монаха Моисея» ⁷⁶.

Многочисленные мелкие дополнения Моисея в тексты киевских летописцев, как правило, не несут новой информации и в книге Б. А. Рыбакова не отмечены. Описание землетрясения под 1195 г., вставочный характер которого подтверждается наличием двух упоминаний одного события в одной статье, в лексическом отношении

⁷⁴ Здесь и дальше вставки Моисея обозначены звездочками.

⁷⁵ Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 65.

⁷⁶ Там же, с. 143.

и по манере рассказа скорее всего тоже принадлежит Моисею. Об этом свидетельствуют такие лингвистические факты: церковная лексика (*игуменъ, грѣхъ*), старославянизм *область*, сложное слово *кровпролитъе*, отвлеченная лексика (*знамение, падение*), неполногласие (*блаженыи*), причастие на *щ* (*видяще*), архаические формы аориста (*можаху, падаху, трепетаху, колѣбахуся*), цитаты из религиозной литературы. Интерес к знамениям и манера их толковать, ссылаясь на чужие высказывания (*сему же рекоша старии людие*), напоминают легенды, введенные Моисеем в текст Речи: Тое же зимы по Федоровѣ недѣлѣ. во вторникѣ. въ ѿ.ча(с). потрасеса земля по всеи области Киевской и по Киевоу цркви каменны и дереванны. колѣбахоуса. и вси людие видаще ѿ(т) страха и не можаху стояти. ѿвии падаху ници. инии же трепетаху. И рекоша игоумени блжнии. се бгъ проавиль есть. показан силоу свою за грѣхи наша. да быхом са ѿстали ѿ(т) злаго поути своего. инии же молвахоуть. друугъ ко друогу. сии знамения не на добро бывають. но на падение многимъ и на кровпролитъе. И на матежъ много в Роуской землѣ. еже и сбыстьса (ЛИ, 690). Второе, короткое описание землетрясения, очевидно, введено в статью ее автором Петром Бориславичем: и бы(с) на друоги недѣлѣ по(с) во вторникѣ. на обѣднѣ потрасеса земля (ЛИ, 691).

Столкновение глаголов *гадати* и *думати* выдает вмешательство Моисея еще в одном сложном случае, когда он вводит в текст Петра Бориславича сочиненную речь Рюрика Ростиславича. Поместив эту речь перед словами Петра Бориславича «и то все сдоума с моужи своими рекъ имъ», заключив, таким образом, эту речь в характерное для него кольцевое обрамление. Моисею, очевидно, принадлежит и оборот *не хотя видити кровпролитъе*, комментирующий слова летописца о том, что Рюрик простил своего зятя по просьбе митрополита: Микифоръ же митрополитъ. Киевськыйи молиса Рюрикови ѿ(т) Романа Рюрик же послоушавъ митрополита. и ѿ(т)да емоу гнѣва *. не хотя видити кровпролитъе. сгадавъ с моужи своими рекъ имъ. ажъ ми са оуже молить. и каетьса ѿ своей винѣ всеи. то азъ его приимоу и ко к(рс)тоу вожоу и надѣлокъ емоу даю. даже в томъ оустоить. и ѿцмъ ма имѣти почнетъ. во правдоу и добра моего хотѣти. то назъ и сномъ имѣю собѣ. ѿкоже и первое имѣлъ есмь его и добра емоу хотѣлъ*. и то все сдоума с моужи своими. посла к немуу посоль свои рекъ емоу гнѣва ти ѿ(т)даваю. и води и кр(с)тоу на всеи волѣ своей (ЛИ, 687—688).

По предположению Б. А. Рыбакова, Моисей вписал в текст Петра Бориславича под 1177 г. следующее рассуждение: и се бѣ попоусти. казнъ на ныа. а не аки милоуа ихъ. но насъ. кажа. ѿбращаа ны к покаанию да быхом са вьстагноули ѿ(т) злыхъ дѣлѣ. и симъ казнить ны нахожениемъ поганыхъ. се бо есть. батогъ его да некли смѣрившеса. вьспоманемса ѿ(т) злаго поути (ЛИ, 603) ⁷⁷. Этой ссылкой

⁷⁷ Там же, с. 69.

на «казни божи» Моисей объясняет поражение Ростиславичей, не забывая упрекнуть Ольговичей: то слышавши *Ольговичи*. Всеволодичъ. *Столъ*. *обрадовашася*, аки не въдоуще. *бжи казни* (ЛИ, 603).

Сходная вставка о казнях божиих наблюдается и в рассказе о походе князя Игоря: и се бѣ казна ны грѣхъ ради нашихъ. наведе на ны поганыя. не аки милоуа. ихъ. но насъ казна. и обращаа ны к поканью. да быхом са востагноули *о(т) злыхъ свои(х) дѣль*. и симъ казнить ны нахождениемъ поганыхъ. да некли смирившеся воспоманемьса *о(т) злаго*. поути (ЛИ, 648). Цель подобных вставок — объяснить те или иные события вмешательством высших сил. Такова, например, сентенция под 1196 г., вставленная в деловой текст о заключении мира: *прѣблгыи и премилосерды Х(с)ъ бѣ нашъ*. не хота дати радости дьяволоу. ни дикымъ половцемъ. ажъ бахоуть на се готови. и оустремилиса на кровопролитье. и обрадовалиса бахоуть свадѣ в роускыхъ князехъ. избави бѣ *кр(с)т(а)нъ о(т) роукъ неч(с)твыхъ*. и оканьныхъ агаранъ (ЛИ, 700).

С лингвистической точки зрения отрывок интересен в связи с употреблением книжной лексики, не характерной для всей статьи. Привлекают внимание заимствования *дьяволъ*, *Христость*, прилагательные с приставкой *пре* *прѣблгыи* и *премилосердныи*. В составе одного из прилагательных выделяется старославянизм *блгыи*, а другого — сложное слово *милосердыи*. Употреблены книжные обороты *оустремилиса на кровопролитье*, *нечистивые оканьные агаряне*, *избави богъ крестянъ*. На месте вставки дважды повторен тот же оборот *оутвердившия крестомъ четьнымъ*. Таким образом, если место вставки отметим звездочками, статья имеет следующий вид: *Крославъ же посла своя моужа. и води Всеволода и Двда кр(с)тоу. и разаньскыа князи на своихъ радохъ. и тако оутвердишася кр(с)томъ ч(с)тнымъ **. *оутвердивше(с) кр(с)томъ ч(с)тнымъ. и разидошася когождо во своа-си ** (ЛИ, 700).

Ср. также дополнение под 1189 г.: и бывши распрѣ мнозѣ *. но *прѣблгыи бѣ*. не даль радости дьяволоу *. но *сидошася кр(с)тнымъ цѣлованиемъ* (ЛИ, 663).

В рассмотренных примерах редакторская работа представлена вставками, которые имеют законченный вид. Группа предложений или одно предложение отличается не только специфической лексикой и фразеологией, но и тем, что делит на части основной текст, не согласованный обычно со вставкой грамматически. В подобных случаях, как уже отмечалось, проявляется желание редактора сохранить в неприкосновенности текст предшественника.

При вставках такого рода Моисей иногда пользуется формулой *мы же на предлежащее возвратимся* (ЛИ, 516, 698, 704). Более сложный прием редакторской работы виден в следующем примере: *Вложи бѣ въ ср(д)це Мьстиславу Изаславичю. мысль блгу о Руской земли. занеже еѣ хоташе добра всимъ ср(д)цемъ. и съзва бра(т)ю свою. и нача думати с ними. река имъ тако. братье. пожалте си о Руской земли.*

и о своей *о(т)цинѣ и дѣдинѣ*. оже несутъ *хр(с)тыяны* на всако лѣто оу вежѣ свои. а с нами роту *взимающе* всегда *переступающе*. а оуже оу на(с) и Гречьский путь *изво(т)тимають*. и Солоньи и Залозныи. а лѣпо ны было *братье възраче на бию помочь. и на млтву стѣв Бци* поискати *ощь* своихъ и дѣдъ своихъ пути. и своей *ч(с)ти* и оугодна бы(с) рѣчь его *преже бѣ* и всеѣ *братѣ*. и мужемъ ихъ. и рекоша ему *братья* *вса бѣ* ти брате *помози* в томъ. оже ти *бѣ вложилъ такую мысль въ ср(д)це* а намъ *дай бѣ* за *кр(с)тыяны* и за Рускую землю. головы своѣ сложити и *къ микомъ приченомъ быти*. посла же Чернигову къ *Ольговичемъ* всимъ. и къ Всеволодичема. вела имъ *быти всимъ* оу себе. баху бо тогда *Ольговичи* въ Мьстиславли воли. и *вси(м)* оугодна бы(с) дума его. Мьстиславла и *съвкупившеся* *вса* *братья* Киевѣ. Рюрикъ и Двдъ полкъ весь. а самому ему *несдравующю*. и Всеволодича. *Столъ* и *Крославъ*. *Олеги Стославичъ* бра(т) его Всеволодъ. *Крославъ* из Лоучьска. *Крополкъ*. Мьстиславъ Всеволодковичъ. *Стополкъ* Гюргевичъ. *Глѣбъ* ис Переяславла, братъ его Михалко. и *инии мнози. възрѣвши на бжию помочь. и на силу ч(с)тнаго (х)с(а)* и на *млтву стѣв Бци* и *подоша* ис. Киева. *м(с)ца* марта въ. в. днь въ днь *суботныи*. *середохр(с)тноѣ* *недѣли* (ЛИ, 538—539).

Здесь в авторский текст Петра Бориславича вписаны не только целые предложения, но и отдельные книжные слова и обороты. Отделить вставленные конструкции от основного текста помогает то обстоятельство, что они связаны с обозначением понятий христианской религии, а такого рода лексика и фразеология этому летописцу чужда. Виновником «порчи» текста Петра Бориславича Б. А. Рыбаков считает Поликарпа⁷⁸. Думается, что больше оснований приписать эту работу Моисею (хотя следы работы Поликарпа здесь тоже есть), так как именно в его произведениях находим сходные выражения. Ср.: и *вложи бѣ* въ *ср(д)це* Мьстиславоу [Ростиславичю]. *мысль блгоу*. *поити на чюдъ* (ЛИ, 608); и *вдохноувъ* [бог] *мысль блгоу* во *бгоприятное ср(д)це* князю Рюрикови (ЛИ, 708).

И в рассмотренном выше отрывке летописи Петра Бориславича, и в предложениях из произведений Моисея бог вкладывает (вдыхает) в чье-то сердце «мысль блгу» и т. д. Привлекает внимание и такое странное выражение, как *възраче на бию помочь и на млтву стѣв Бци*. Однако сходную конструкцию встречаем под 1178 г. в речи Мстислава Ростиславича, который «созва моуж) новгоро(д)скыѣ. и ре(ч) имъ бра(т)е. се *обидать* ны погании. а *быхомъ оузрѣвши на бѣ* и на *стои Бци помочь*. *помьстили себе*» (ЛИ, 608). Под 1174 г.: *видивъ*

⁷⁸ Там же, с. 299.

же Мьстиславъ. стрѣльци своѣ сматьшеса. с ратными и абѣ оустрѣмивьса на нѣ и ре(ч) дружинѣ своєї. братьѣ оузрѣвше на бѣжшо мл(с)ть и на стою мѣнку Бориса и Глѣба помочь. и абѣ поѣха къ нимъ (ЛИ, 576). Под тем же 1174 г.: Ростиславичи же оугадавшѣ и оузрѣвше на бѣ. и на силу ч(с)тънаго кр(с)та и на млтву стѣи Бѣѣ въхавше въ ночь въ Кѣевъ (ЛИ, 570).

Такого же рода вставку Моисея в текст Поликарпа, сообщающий об измене Бориславичей, можно видеть под 1171 г.: Мьстиславъ же вѣзря на бѣжшо правду. и силу ч(с)тънаго х(с)а цѣлова к нима кр(с)тъ и она к нему. кр(с)тъ цѣловаста. ѡбаче ср(д)це ихъ не бѣ право с ни(м) (ЛИ, 543). Странным для речи древнерусского полководца является и желание «к мученикомъ причтеноемъ быти». Однако и этот образ использован Моисеем в созданной им речи Мстислава Ростиславича под 1179 г., который «так о молваше дружинѣ своєї. братьѣ ничто же имете во оумѣ своѣ(м). аще нынѣ оумремъ. за хр(с)тъяны. то ѡчистивса грѣховъ свои(х). и бѣ вмѣнить кровь нашу с мѣнкы. аже ли бѣ дасть мл(с)ть свою. а слава боу. мы бо аще нынѣ оумремъ. оумрем же всако. и тако молва дѣрзость. подаваше во емѣ свои(м) (ЛИ, 611). Употребляет Моисей слово *богъ* в ряде устоявшихся оборотов: *слава богу* (ЛИ, 611); *богъ дасть* (ЛИ, 611); *на бѣзъ вса покладывака* (ЛИ, 617). Иногда употребление носит индивидуальный характер: и рекоша Ростиславичи. ѡже бѣ *хочеть* то завѣтра дамы полкъ Стославоу (ЛИ, 604). Чаще же это типичные книжные обороты, которые зачастую выглядят неуместно при описании военных действий: и *возрѣвше на бѣ* и ѣхаша на нѣ (ЛИ, 622); и *вѣзрѣвше на бѣ*. и поѣхаша противоу (ЛИ, 623); *вѣзрѣвъ на бѣ*. и поеха к нимъ (ЛИ, 671).

Оборот *приемше от бога на поганья побѣду* встречается в Некрологе Мстислава Ростиславича: и *возвратишаса во своаси. приимше ѡ(т) бѣ на поганья побѣдоу*. славою и ч(с)тью великою (ЛИ, 608). Позже Моисей вставляет его в текст Петра Бориславича под 1181 г., посвященный войне Ростиславичей со Святославом Всеволодичем. Вернее, он продолжает текст, который оканчивается характерно для Петра Бориславича: и тако поможеть бѣ роуси⁷⁹ (ЛИ, 623). Далее идут строки выдубицкого игумена: и *возвратишаса во своаси. и приемше ѡ(т) бѣ на поганья побѣдоу. и приѣхаша къ Рюрикови с побѣдоу*. Рюрикъ же аче побѣдоу возма нѣ ничто же горда оучини. но возлюбил мира паче рати. ибо жити хотя въ братолюбьи. паче же и хр(с)тъяны дѣла плѣнаемы по вса дни ѡ(т) поганыхъ и пролитыа крови ихъ не хотя видити. и *размысливъ с моужи своими* оугадавъ. бѣ бо Стославъ старѣи лѣты. и оурадиса с нимъ. състоупи(с) емоу старѣишества и Кѣева. а собѣ воза всю Роускоюу землю. и оутвердившеса кр(с)тмъ

⁷⁹ Моисей слово *русь* в этом значении не употребляет.

ч(с)тнымъ. и тако живаста оу любви. и сватьствомъ обоуемшеса (ЛИ, 624). О позднейшей вставке свидетельствует и упоминание о сватовстве, так как сватами Рюрик и Святослав стали значительно позже. Стиль Моисея характеризуют: *ничто же горда учини, возлюби, братолюбье, пролитыа крови, размысливъ, угадавъ* и т. д.

Под 1193 г. тот же оборот в тексте Петра Бориславича выглядит нелогично, так как получается, будто воины вернулись домой до окончания похода: и оудариша на росвѣтъ на нихъ и ѡполонишаса. Ростиславъ и чернии клобоуцѣ. скотомъ и коньми и челадью. и колодникъ много изимаша. кнажичевъ и(х) и добрыи моужи имаша и колодники и кони и скота и челади и всакого полона и не бѣ числа * и похвалившѣ всимл(с)тваго бѣ приемши ѡ(т) бѣ на поганья побѣдоу. и возвратившаса во своаси. со славою и с ч(с)тью великою * половци же видивше товаръ свои взятъ и братью свою плѣнены и жены и дѣти. и совокоупившеса и постигоша полкъ Ростиславли Рюриковича (ЛИ, 677—678).

С Моисеем здесь можно связать и оборот *похвалившѣ всемилостивого бога*, который встречается также в других местах Киевской летописи и свидетельствует о его вмешательстве в чужой текст. Например, под 1174 г., где речь идет о бегстве Ольговичей, описание боя прерывается такой вставкой: *побѣгоша* [войска Ольговичей] *черезъ Днѣпръ. и много ѡ(т) во ихъ. потопе и то видивъ. Мьстиславъ.* и похвалившѣ всемл(с)тваго бѣ. и стою Бориса и Глѣба. помочь невидимо гонащѣ *.* и выѣде изъ города. с дружиною своею (ЛИ, 577).

Таким образом, даже при отсутствии специальных формул, свидетельствующих о работе составителя свода, можно выявить ее следы. Особенно наглядно это проявляется, если летописные материалы и вставки редактора характеризуют различные стилистические приемы.

* * *

Выявление языковых и стилистических особенностей произведений, принадлежащих Моисею Выдубицкому, углубляет представление об одном из наиболее образованных людей XII в. Речевую манеру этого автора отличает:

1. Концентрация иноязычных слов, преимущественно заимствованных из старославянской письменности и связанных с жизнью церкви: *архистратигъ, евангелистъ, кадѣло, калугеръ, кутья, монастырь, трапеза*.

2. Большое количество сложных слов, в основном калек с греческого языка, созданных переводчиками религиозных книг. Прежде всего это сложения, составной частью которых являются слова *благо, бог, добро* и т. п., выполняющие определенную стилистическую функцию как образное языковое средство: *благовѣрныи, благодать, благоволити, богомудрыи, богомудрыи, добродѣтель* и т. п.

3. Образования с суффиксами *-ние, -тие, -ость, -ствие, -ство*, являющиеся специфической особенностью книжного стиля речи: *спасение, воздыхание, благодать, блаженство*.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ

XII в.

4. Использование приема внутренней речи.

Введенные в тексты других летописцев редакторские вставки Моисея способствовали установлению взгляда на летопись, как на смешение разнородных в языковом плане фрагментов, удобных для иллюстрации постоянных переходов от старославянского языка к древнерусскому и наоборот. «Очищенный» от этих вставок, язык Киевской летописи является обычным древнерусским языком той поры, а ее авторы — киевские летописцы предстают как писатели, владевшие нормами этого языка и в меру своего таланта способствовавшие его развитию.

Тексты Моисея Выдубицкого характеризуют его как выдающегося художника слова, создателя образцовых произведений древнерусского красноречия и автора религиозно-философских дополнений и вставок в чужие записи. Лингвистический анализ подтверждает предположение об авторстве одного лица. Знарок церковной литературы, выдубицкий игумен и собственный рассказ строит в книжной манере, заметно отличающейся от летописного повествования.

В результате анализа древнерусского летописания второй половины XII в. Б. А. Рыбаков выявил нескольких летописцев, отличающихся как взглядами, так и особенностями изложения материала. Среди многих деятелей церкви, в руках которых в этот период находилось киевское летописание, исследователю удалось выделить одного светского летописца. До исследования Б. А. Рыбакова имя этого летописца прочно связывалось лишь с небольшой частью Киевской летописи — описанием посольства Петра Бориславича к Владимиру Галицкому в 1153 г.¹ «Эта повесть-обзор,— пишет Д. С. Лихачев,— составлена непосредственным участником событий — послом Изяслава — Петром Бориславичем,— дважды (а может и больше) выполнявшим дипломатические поручения своего князя. Центральное место в повести занимают рассказы Петра Бориславича о своих посольствах ко Владимиру Галицкому. Однако перед нами не статейные списки, не отписка-отчет, не голый перечень фактов, а связный, литературно развитый рассказ, имеющий свою целью убедить читателей в правоте Изяслава, его дела, описать с точки зрения Изяслава историю борьбы Киевского и Галицкого княжеств»².

Мысль о том, что летописцу, описавшему жизнь Изяслава Мстиславича, могут принадлежать и другие фрагменты Киевской летописи, высказывал еще К. Н. Бестужев-Рюмин³. Действительно, в первые годы после смерти князя летопись несомненно продолжал тот же автор. Ср. два отрывка:

1153 г.

И Ярославъ же възрѣвъ на Петра и рос-
плакаса. Петръ не вѣдаѣ съдаше. и
нача прашати что се естъ. и повѣдаша

1154 г.

оутрии же днь пригнаша. к Ростиславу
ис Киева. и повѣдаша ему о(т)ца ти
Вачеслава бѣ поидаль. Ростиславъ же

¹ Хрущев И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях: XI—XII столетие.— Киев, 1878, с. 181; *История русской литературы*: В 10-ти т. М.; Л., 1941, т. 1, с. 312; *Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение*.— М.; Л., 1947, с. 231—241; *Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы*.— М.; Л., 1952, с. 170—176; *Лихачев Д. С. Повести русских послов как памятник литературы*.— В кн.: *Путешествия русских послов XVI—XVII вв.*: Статейные списки. М.; Л., 1954, с. 321—323.

² *Лихачев Д. С. Русские летописи...*, с. 239—240.

³ *Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV в.*— Спб., 1868, с. 103—104.

ему бѣ сыночи кнѣзѣ похаль. и ре(ч) Петръ. а сыночи есмь похаль. а онъ добръ (Х. П.— *приб. здоровъ*). они же рекоша. что си оусунуль за плече. и с того нача велми изнемагати и тако бѣ похъ и (464).

Любопытно здесь сочетание *сы ноци*, которое в Киевской летописи больше не встречается. Неизвестно оно и другим древнерусским памятникам, кроме «Слова о полку Игореве», хотя и в другом написании: *Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, рече, чръною паполомоу, на кровати тисовѣ* (Слово, 23).

Близки обороты, которые хотя и являются обычными речевыми штампами, употреблены здесь в почти одинаковом контексте: *и поѣдана ему, богъ поляхъ, а онъ добръ и здоровъ*.

Отождествив летописца Изяслава Мстиславича с послом Петром Бориславичем, Б. А. Рыбаков вначале предполагал, что его последняя запись читается под 1168 г.⁴ Позже он значительно расширил границы летописной деятельности Петра Бориславича, дал ее всестороннюю характеристику, посвятив этому вопросу целую книгу⁵. Фрагменты летописания Петра Бориславича, по мнению исследователя, охватывают большой промежуток времени (1146—1196 гг.) и количественно составляют около половины записей Киевской летописи за эти годы. До 1146 г. в ее тексте можно видеть лишь отдельные поздние вставки этого летописца.

Д. С. Лихачев обратил внимание на то, что в Киевской летописи в изложении событий XII в. сохранились фрагменты еще нескольких письменных отчетов послов о выполненных ими поручениях. Эти фрагменты, по его мнению, принадлежали послам Изяслава Мстиславича, которые вели переговоры с черниговскими князьями в 1147 и 1149 гг.⁶ Однако вопрос об именах авторов отчетов в исследованиях Д. С. Лихачева не ставился.

Позже Б. А. Рыбаков высказал предположение, что автором отчетов 1147 и 1153 гг. было одно лицо. Сопоставив манеру изложения в обоих текстах, он пришел к выводу, что их создал Петр Бориславич⁷. Вопрос о посольской деятельности этого лица является лишь частью гипотезы Б. А. Рыбакова, по которой с Петром Бориславичем связывается почти половина киевского летописания второй половины XII в. В ее свете не исключено, что автором отчета 1149 г. является он же. Построенная на фактическом материале гипотеза Б. А. Рыбакова требует внимательного изучения языка и стиля памятника. В частности, требует лингвистических доказательств существования исторического труда Петра Бориславича, которому ученый дал название — летопись «Мстиславова племени».

⁴ Рыбаков Б. А. Боярин-летописец XII в.— История СССР, 1959, № 5, с. 56—73; Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи.— М., 1963, с. 340.

⁵ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве».— М., 1972.— 520 с.

⁶ Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы, с. 101.

⁷ Рыбаков Б. А. Древняя Русь..., с. 315—316; Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова...», с. 289.

ре(ч) а мы вчера бѣхали а онъ добръ и здоровъ. он же сказа ему и ре(ч) сыночи былъ весель. съ своею дружиною. и шелъ спать здоровъ. *И*ако же легль тако боле того не въсталъ. ту и бѣ похаль (472—473).

1. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ ЛЕТОПИСИ «МСТИСЛАВОВА ПЛЕМЕНИ»

Рассмотрим особенности языка и стиля отчетов 1147, 1149 и 1153 гг., уделяя особенное внимание чертам, сближающим их с другими текстами Киевской летописи. Начинаются отчеты близкими по структуре фразами.

1147 г.: Изяславъ же то слышавъ и въворотиса въспать. и посла слы своя Черниговоу к Володимироу и къ братоу его Изяславоу. и ре(ч) имъ (ЛИ, 345).

1149 г.: Изяславъ же то слышавъ нача доспѣвати. а. к Володимироу посла моужь свои. река (ЛИ, 374).

1153 г.: В то же верема. Изяславъ посла. к Володимироу Галичкому. Петра Бориславича съ кр(с)тьными грамотами. зане тыи же башеть. и в Перемышли. с королевы мужи водиль къ ху и ре(ч) ему Изяславъ (ЛИ, 461).

Во всех отчетах за фразой, имеющей характер вступления, приводится текст послания, переданный послом от имени пославшего его князя. Роль вступительных фраз двоякая. С одной стороны, ими начинается отчет посла. С другой — они служат связующим звеном между отчетом и всем текстом. Вследствие этого введение отчета проходит незаметно, структура летописного повествования не нарушается. Ср., например, другие случаи, когда однотипные фразы лишь вводят послание: *се же слышавъ Рюрикъ. ажъ Романъ ѿ(т)стоупильса ко Слговичемъ. и поводитъ Юрослава на старѣишнество. и поча Рюрикъ домати с братьею своею. и с моужи своими. и посла ко Всеволодоу повѣдан емоу. ажъ Романъ. прислалъса ко Слговичемъ. и поводитъ и на Киевъ. и на все Володимере плема. а ты брате в Володимери племени старѣи еси нась. а доумаи гадаи. ѿ Роуской земли и ѿ своей чести и ѿ нашей* (ЛИ, 686).

Далее следует ответ получившего послание. И здесь наблюдается расхождение. В отчете 1147 г. ответ адресован пославшему: *они же емоу [Изяславу Мстиславичу] ѿ(т)вѣщаша. тако ли намъ безъ льпа хр(с)тъ цѣловати хр(с)тъ бо есме цѣловали. к тобѣ. а кое наша вина* (ЛИ, 345). Непосредственно к Изяславу Мстиславичу обращены в отчете 1153 г. слова Владимира Галицкого, но их предваряет слово *рци*, относящееся к послу: *и ре(ч) Володимиръ. рци брате изверемениль еси на ма. и корола еси на ма възвелъ. но ѿже буду живъ. то люблю свою голову сложю. любо себе мыщю* (ЛИ, 462). Лишь в отчете 1149 г. княжеский ответ адресован самому послу: *Володимиръ же ре(ч) послу Изяславлю. вѣ съ бра(т)мъ своимъ готова есвѣ вѣ хр(с)тьномъ цѣлованьи. и того на не дай бѣ стоупити. но ѿже бы оуправиль. бра(т)на(ш) Стославъ* (ЛИ, 374).

Такое отступление оправдано здесь тем, что посол Изяслава Мстиславича был обязан продолжать свою дипломатическую миссию с учетом настроения тех лиц, к которым он обратился от имени своего князя. И первый, и второй случай не являются чем-то исключительным в летописании, подобные примеры можно встретить у разных

авторов Киевской летописи. Моисею Выдубицкому, возможно, принадлежит описание переговоров Андрея Боголюбского с братьями Ростиславичами, где упоминается и имя посла Андрея. Тем не менее обращение владимирского князя передано традиционно: и ре(ч) Андрѣи Романови не ходиши в мои воли съ братьею своею. а поиди с Киева. а Двѣдъ исъ Вышегорода. а Мьстиславъ из Бѣлагограда. а то вы Смоленескъ, а темь са подѣлите (ЛИ, 570). Мстислав Ростиславич, обращаясь к тому же послу, говорит: иди же ко князю и рци ему (ЛИ, 573). Ср. также обращенные к послу слова Изяслава Давидовича в Летописи Поликарпа: но се молви Георгии брату Стославу (ЛИ, 499).

Ту часть отчета, в которой находятся элементы, характерные для обычного летописного повествования, можно считать вводной.

Не являются оригинальными и окончания отчетов. В них приводятся тексты посланий после слов автора, объясняющих необходимость этого послания. В отчете 1147 г.: и тако посолникъ Изаславль. приѣхавъ и сказа Изаславоу. ѿже ѿ(т)стоупила его соуть Изаславъ же посла ѿпать посоль. свои к ни(м) съ хр(с)тъными грамотами. и ре(ч) и(м) (ЛИ, 346). В отчете 1149 г.: Изаславль же посоль приѣха оу Киевѣ. повѣда ему Стославлю рѣчь и что ему Володимиръ сказалъ Изаславъ же то слышавъ. и не оустрада по посла ѿпать посоль свои къ Стославу река ему (ЛИ, 376). Ср. под 1196 г.: се же слышавъ Ярославъ. и вси Ольговичи и ѿбродовашася. и поѣхаша ко Смоленскоу. изъѣздомъ. се же слышавъ Рюрикъ. и посла изо Вроучего переку к нему. со кр(с)тъными грамотами. река емоу (ЛИ, 693). Только отчет 1153 г. оканчивается типичной дипломатической формулой: и тако ѿ(т)пустиша Петра (ЛИ, 465).

Наибольший интерес представляют те части отчетов, которые находятся между введением и окончанием. Именно здесь описаны наблюдения, действия и самостоятельные (в зависимости от ситуации) высказывания посла.

По отчету 1147 г. он делает нравоучительное замечание князьям Давидовичам: ре(ч) имъ посоль Изаславль Мьстислал(ч) котори то грѣхъ ѿже на любви хр(с)тъ цѣловати. то ны собѣ на сп(с)ние (ЛИ, 345—346). Аналогичное, но более пространное нравоучение выслушивает от посла и галицкий князь, лишь перебивая его короткими репликами: и ре(ч) ему Петръ кнже кр(с)тъ еси къ брату своему. къ Изаславу и къ королеви цѣловаль. како ти все оуправити. и с нима быти. то ти оуже еси съступилъ кр(с)тъного цѣлованиа. и ре(ч) Володимиръ. сии ли кр(с)тъць малыи. ре(ч) Володимиру Петръ. кнже аче кр(с)тъ малъ. но сила велика его есть. на нѣси и на земли. а тобѣ есть кнже король ѿвлалъ того ч(с)тнго х(с)а. ѿже бѣ своею волею на томъ руци свои простерлъ есть. и привелы и бѣ по своен мл(с)ти къ с(в)тму Степану и то ти ѿвилъ ѿже цѣлова всеч(с)тнаго х(с)а а съступиши. то не будеши живъ. и ре(ч) ему Петръ а оу ко-

ролева еси мужа слышаль. ли ѿ томъ. ч(с)тномъ кр(с)тъ и ре(ч) Володимиръ. вы того до сыти есте молвили а ны(н) полъзи вонъ. поѣди же къ своему кнзю (ЛИ, 462).

Привлекает внимание писательское мастерство Петра Бориславича. Он не только сумел выразить достоинство, с которым сам вел тяжелый разговор с неприятным ему правителем, но и передал грубость и резкость Владимира (вы того до сыти есте молвили), его ироническое отношение к священным для верующего предметам (сии ли кр(с)тъць малыи). Возможно, эти слова были действительно произнесены галицким князем, однако наряду с другими. Отобразить самые выразительные, ввести их в общую ткань повествования было не таким простым делом. И Петр Бориславич делает это тонко, немногими короткими, но удачно выбранными фразами подтверждая репутацию князя, которого современники характеризовали как «многоглавог» (ЛИ, 315).

Ироническое отношение Владимирка к миссии Петра отмечено и в его реплике, брошенной отъезжающему без «повоза» и «корма» «на свои(х) конихъ» послу: поѣха мужь рускии ѿбуимавъ вса волости (ЛИ, 463). Эта склонность галицкого правителя к иронии была отмечена летописцем еще под 1150 г., когда Владимир Володаревич характеризовал правление своего друга Юрия Долгорукого следующим образом: како есть кнжение свата моего. аже рать на нь из Володимера идеть а како того не оувѣдати. а ты снѣ е(г) сѣдиши в Пересопници. а другии Бѣльгородѣ. како того не оустеречи (ЛИ, 417).

Наблюдательность посла проявляется и в ряде других случаев. В отчете 1147 г. он обращает внимание на то, как уличенные в обмане Давидовичи «ничтоже могоша ѿ(т)вѣщати. толико съзрѣшася. и долго молчавше» (ЛИ, 346). Возможно, Петр Бориславич находился среди тех мужей Изяслава Мстиславича, которые позже привели к присяге Давидовичей и Ольговичей в черниговском храме Спаса, так как ниже дается ее текст: ворождоу про Игоря ѿ(т)ложити. а Роуской земли блюсти. и быти всимъ за ѿдинъ братъ (ЛИ, 366). В отчете 1149 г. он дает понять, что сумел узнать о переговорах новгород-северского князя с Юрием Долгоруким, хотя Святослав Ольгович и выставил возле посольской стоянки свою охрану, «да бы к нимъ никтоже не пришелъ» (ЛИ, 375). Эффект присутствия летописца ощущается под 1152 г., когда Петр Бориславич ездил с венгерскими дипломатами приводить к присяге Володимира Володаревича. Тогда он успел заметить, что князь притворяется, будто изнемогает «с ранъ норанъ на немъ не было» (ЛИ, 454). Как очевидец или со слов очевидца описывает под 1190 г. летописец Рюрика Ростиславича и визит его послов к Святославу Всеволодичу: Стославъ же приемъ грамоты. не хотѣвъ кр(с)та человати и много прѣвса. и молвивъ с моужи. и ѿ(т)поустивъ ихъ. и ѿпать возворотивъ ихъ. и челова к нимъ кр(с)тъ. на всеи ихъ волѣ (ЛИ, 670).

В лингвистическом плане привлекает внимание, что в отчетах,

приписываемых Петру Бориславичу, использован редкий прием — оборот *и то рекъ*, заключающий прямую речь. Так, в отчете 1147 г. посол обращается к Давидовичам с длинной речью от имени Изяслава Мстиславича, которую завершают слова угрозы: се же бра(т)и хр(с)тъ еста перестоупила. а сѣмо ма повела лестью. оубити ма хотаче да боуди со мною бѣ и сила животворящаго х(с)а а како ми бѣ дастъ. Заканчивается этот эпизод оборотом, о котором шла речь выше: *и то рекъ* поверже имъ грамоты. хр(с)тъныа (ЛИ, 347).

В отчете 1153 г. Владимир Володаревич Галицкий насмеялся («пругаса ему») над отъезжающим Петром Бориславичем «и ре(ч) поѣха мужь рускии обуимавъ вса волости». После чего: *и то рекъ* иде на полати (ЛИ, 462—463). Редкий оборот, употребленный сходным образом в обоих отчетах, дает дополнительный материал в вопросе об их авторстве. Примечательно, что оборот *и (то) рекъ* встречается только в тех местах Киевской летописи, которые Б. А. Рыбаков связывает с именем Петра Бориславича. Ниже приведем все случаи его употребления.

Под 1146 г.: Изяславъ же събравъса на поли. и хр(с)тъныа и поганыа. и ре(ч) имъ бра(т)е Всеволода есми имѣлъ въ правду брата старишаго... *и то рекъ* поиде на нь (ЛИ, 323—324).

Под 1148 г.: на оутрѣи же днь Изяславъ видивъ оже Днѣпръ казится и ре(ч) к моужемъ своимъ. къ оугромъ. се съ симъ ны са полко(м) нѣлзѣ бити. сею рѣкою. а сѣмо са за нами Днѣпръ росполиваеть. а поидемъ за Днѣпръ. *и то рекъ* Изяславъ поиде за Днѣпръ в понеделникъ (ЛИ, 362); Изяславъ же ре(ч) имъ бра(т)е то добро есть хр(с)тънѣ блюсти а вы есте были на сонмѣ а на дослю братоу Ростиславоу и с тымъ пакы оугадаю и послеѣ послы свое к вамъ. *и то имъ рекъ*. противоу ѿ(т)поусти слы (ЛИ, 364).

Под 1150 г.: Вячеславъ же съ Изяславомъ рекоста видивша то на нею верема. нынѣ есть... *и то рекша* поѣхаста Вячеславъ поѣха Вышегороду. а Изяславъ въ свои Володимерь (ЛИ, 402); Изяславъ же ре(ч) имъ. назъ воюю оугры. и всѣ земли но не на свои люди. но кто ми ворогъ на того воюю. а вы са не внимаите ни во что же. *и то рекъ* иде мимо (ЛИ, 410).

Под 1151 г.: и ре(ч) съ гнѣвомъ [Владимир Володаревич] къ Андрѣеви Гюргевиичю. оже тако кнжите съ своимъ ѿ(т)цмъ а правите сами а на не могу на Изяслава ѿдинъ поити... *и то рекъ* възвратиса в Галичь (ЛИ, 417); третии же днь позваста к собѣ [Изяслав Мстиславич и Вячеслав Владимирович] оугры ѿ(т)раживаюче ѣ домовѣ въ Оугры. и тако рекоста имъ. поѣдьте ко своему королеви. а к нашему затю... *и то рекша* ѿ(т)пустиста и с великою ч(с)тью (ЛИ, 420); и ре(ч) Вячеславъ... а тои ны прч(с)тъи Гжи судити съ смѣ своимъ и бмъ наши(м). въ сии вѣкъ и в будущии. *то рекъ* ѿ(т)пусти Гюргева мужа (КЛ, 431).

Под 1152 г.: Изяславъ же ре(ч) дружинѣ своеи. бра(т)на и дружино. бѣ всегда Рускы землѣ. и руски(х) снѣ въ бещестыи не положилъ

есть. на вси(х) мѣсте(х) ч(с)ть свою взимали суть ны(н) же бра(т)е ревнуимы тому вси. оу си(х) земляхъ и пере(д) чюжими языки даи ны бѣ ч(с)ть свою взати. *и то рекъ* Изяславъ дружинѣ своеи потъче всеми своими полкы. оу бродѣ (ЛИ, 449).

Под 1154 г.: Мьстиславъ же то слышавъ оже даетъ под ни(м) Переяславль. ре(ч) да ни мнѣ буде(т) Переяславля. ни тобѣ Киева. *и рекъ* повороти конь Мьстиславъ. под собою с дружиною своею. ѿ(т)тъ стрѣя своего (ЛИ, 475).

Под 1174 г.: Стославъ же поча ему молвити я. не оугринѣ ни лахъ. но ѿдиноу дѣда есмы внуци. а колко тобѣ до него только и мнѣ. аще не стоишь. в перввомъ раду. а воленъ еси. *и то рекъ* ему. и совокупивса съ братьею. и поѣха изьѣздомъ Киеву (ЛИ, 578).

Под 1189 г.: ѿнъ же [Ростислав Берладник] ре(ч) братья вы вѣдаете. на чемъ соуть ко мнѣ кр(с)тъ целовалѣ. ажь ловать головы моеа. да бѣ соудити имъ. и тотъ кр(с)тъ. егоже ко мнѣ целовалѣ. а назъ не хочю блоудити в чюже землѣ. но хочоу голову свою положити. во ѿчинѣ своеи. *И то рекъ*. дружинѣ своеи. потъкнуувъ к полкомъ галичкымъ (ЛИ, 664—665).

В сходных случаях другие авторы Киевской летописи применяют иные приемы. Поликарп, например, после прямой речи предпочитает дательный самостоятельный с глаголом говорения: и ре(ч) Стославъ а что есми имъ зло створилъ. оже ма хотать нати. а къ ѿ(т)цю моему хр(с)тъ цѣловавшѣ на томъ. нако имѣти ма кнземъ собѣ. до живота моего. а вчера ко мнѣ вси целовали. стую Бцю *и то ему молвацоу* и се поиде множество народа людии (ЛИ, 510).

Оборот *и то рекъ* встречается также в летописном рассказе о походе князя Игоря на половцев в 1185 г. Любопытно, что дважды он следует за прямой речью, которая, по предположению Б. А. Рыбакова, не принадлежит Петру Бориславичу, а является редакторской вставкой в его текст⁸. Однако оборот, характерный именно для этого летописца, требует тщательного анализа данного предположения. В первом случае оборот *и то рекъ* заключает философскую речь Игоря о небесном знаменнии: Игорь же ре(ч) братья и дружино. тайны бина никто же не вѣсть. а знаменнию творѣць бѣ и всемоу миру своему. а намъ что створить бѣ. или на добро или на наше зло. а то же намъ видити *и то рекъ*. перебрѣде Донѣць (ЛИ, 638). Во втором случае данный оборот следует за речью князей о черных людях: молвахоуть бо оже побѣгнемъ оутечемъ сами. а черныа люди ѿставимъ. то ѿ(т) ба ны боудеть грѣхъ. сихъ выдавшѣ поидемъ. но или оумремъ. или живи боудемъ на единомъ мѣстѣ. *и та рекше* вси сосѣдоша с конѣи. и поидоша бьочеса (ЛИ, 641). Так как обе речи явно вымышлены и значительно отличаются от известных нам текстов Петра Борисла-

⁸ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники.— М., 1971, с. 185—187.

вича, можно предположить следующее. Галичанин как наиболее вероятный создатель этих речей вставил их на место, где уже была прямая речь. Ее следы и видим в употреблении оборота *и то рекъ*.

Наряду с оборотом *и то рекъ* на протяжении всей предполагаемой летописи Петра Бориславича можно проследить оборот *пребыти у велице любви и у велице веселии*, отмеченный И. П. Ереминым в качестве особенности одного из авторов Киевской летописи⁹.

Впервые встречается этот оборот под 1147 г. в сокращенном виде: *Изаславъ же съ бра(т)мъ своимъ. Ростиславо(м)... пришедша же Киевоу и похвалиста ба и поклонистаса стымъ црквамъ. и пребыста оу весельи* (ЛИ, 359). С этого времени конструкция *пребыти у весельи* (в различном оформлении) становится неотъемлемой приметой текста летописи Изяслава Мстиславича.

1148 г.: *и тоу Изасла(в) Мьстислави(ч). пона на обѣдъ к собѣ. Володимира Двдвича и брата Изаслава. и тако обѣдаше. и пребыше оу весельи. и оу любви* (ЛИ, 368); *и приде Изаславъ къ братоу Ростиславоу и похвалиста ба и стую Бцю и силу животворящаго. ха видившеса брата въ здоровьи и пребыста оу велицѣ любви и въ весельи. с моужи своими* (ЛИ, 368—369).

1150 г.: *Изаславъ же ѿ(т) стоѣ Софьи. поѣха и съ братьею на Юрославль дворъ и оугры позва со собою на обѣдъ и кияны и ту обѣдавъ с ними. на велицемъ дворѣ на Юрославли и пребыша оу велицѣ весельи* (ЛИ, 416).

1151 г.: *Вачьславъ... позва сна своего Изаслава к собѣ на обѣдъ. и кияны всѣ и королевы мужи. и оугры и съ и(х) дружиною. и пребыша оу величи любви* (ЛИ, 419); *видивъ же Вачеславъ сновца свое(г) Ростислава и Изаславъ брата свое(г) и тако оурадоваша радостию великою. и тако похвалиста ба и его прч(с)тую мтръ. и силу животворящаго ха и пребыша оу велицѣ весельи. и оу велицѣ любви* (ЛИ, 423); *и тако Вачьславъ и Изаславъ и Ростиславъ... с великою ч(с)тью въѣхаша въ Киевъ. и ту поклонившеса стѣи Софѣ и стѣи Бци Десатиньни. и пребыша оу велицѣ весельи. и оу велицѣ любви. и тако начаша жити* (ЛИ, 441).

1152 г.: *Изаславъ же с королемъ съѣхавшаса по мѣсту и тако пребыше въ величѣ любви и оу велицѣ весельи и разѣхаша(с)* (ЛИ, 454); *Изаславъ же приде въ Киевъ къ строеви своему Вачьславу. с великою радостью и с великою ч(с)тью и похваливше ба и е(г) прч(с)тую Мтръ. и пребыша оу велицѣ любви и оу велицѣ весельи* (ЛИ, 454); *Изаславъ же слышавъ оу здо[ро]вьи сна свое(г). и похвали ба и ту пребыша оу весельи съ Изаславо(м) Двдвичемъ* (ЛИ, 460); *Вачьславъ же видивъ сна своего Изаслава въ здоровьи. похвали ба и силу животворящаго*

⁹ Еремин И. П. Литература Древней Руси : (Этюды и характеристики). — М. ; Л., 1966, с. 113.

кр(с)та и *пребыша оу велицѣ любви и оу велицѣ весельи*. и тако начаша жити (ЛИ, 461).

Со смертью Изяслава Мстиславича его летописание прекратилось. Но в составе Киевской летописи обнаруживают записи, сделанные его летописцем, и в более позднее время. Как правило, в них описываются действия старшего сына Изяслава Мстиславича — Мстислава Изяславича или отстаиваются интересы детей покойного великого князя. В одной из таких статей под 1155 г. снова встречается оборот *пребыти у весельи*: *Ростиславъ... приде къ строеви своему Дюргеву в Киевъ. и тако обунастаса. с великою любовью. и с великою ч(с)тью. и тако пребыша оу весельи* Ростиславъ же пришедь Киеву. и поча са молити ѿ братанѣхъ свои(х) Дюрги же послуша (ЛИ, 480).

Как видим, мысль о существовании описания жизни и деятельности Изяслава Мстиславича, созданного, по мнению Б. А. Рыбакова, Петром Бориславичем, а также предположение о том, что отдельные заметки этого летописца встречаются в летописи и после смерти князя, находит подтверждение. Особенности летописной манеры Петра Бориславича прослеживаются в Киевской летописи на протяжении многих лет. Так, после длительного перерыва (35 лет) на ее страницах под 1190 г. снова появляется оборот *пребыти у весельи*: *Того же лѣта Стославъ. сватомъ своимъ с Рюрикомъ. оутишивъша землю Роускою. и половци примирившя в волю свою. и сдоумавша и идоста на ловы. по Днепру в лодѣяхъ. на оустѣ Тесмени. и тоу ловы дѣявша. и обловившаса множествомъ звѣрѣи. и тако наглоумистаса. и во любви пребыста. и во весельи по вса дни* (ЛИ, 668).

Последний раз этот оборот встречается под 1195 г.: *Двдъ же приѣха ко Рюрикови на обѣдъ. и быша в любви велици. и во весельи. мнозѣ* (ЛИ, 681—682); *и ѿ(т)толъ позва сновѣць его. Ростиславъ Рюриковичъ к собѣ на обѣдъ. к Бѣлоугородоу и тоу пребыша в весельи и в любви мнозѣ* (ЛИ, 682); *Двдъ же позва великого князя Рюрика на обѣдъ к собѣ брата своего и дѣти его. и тоу пребыша в весельи и и в любви велицѣ* (ЛИ, 682); *Двдъ же позва кыанѣ к собѣ на обѣдъ. и тоу бы(с) с ними в весельи¹⁰ мнозѣ и во любви велици* (ЛИ, 682). В этой части летописи (1190—1195 гг.) оборот *пребыти (быти) у весельи* отмечен пять раз. Вместе с другими факторами он определяет начало и конец деятельности летописца (первый раз — 1147 г., последний — 1195 г.). Время ведения летописи Петром Бориславичем (1146—1196 г.), установленное Б. А. Рыбаковым на основании других данных, подтверждается с точностью до одного года.

Интересные результаты для установления авторства отдельных фрагментов Киевской летописи дают наблюдения над многозначными словами. Выяснилось, например, что различные значения одного и того же слова по-разному используются создателями этого памятника.

¹⁰ Ср.: потом же Давыдъ позва монастыря вса на обѣдъ. и бы(с) с ними весельи (ЛИ, 682).

Существительное *Русь* употребляется на ее страницах преимущественно как синоним словосочетания *Русская земля*. Только это значение встречается в самом начале памятника, где собраны записи, относящиеся к последним годам жизни Владимира Мономаха: и придоша [Вячеслав и Фома Ратиборич] в *Русь* къ Володимеру (ЛИ, 284); придоша бѣловѣжци в *Русь* (ЛИ, 285); Прогна Володимеръ. берендичи из *Руси* (ЛИ, 286); Престависа. блговѣрнии кнзъ х(с)олюбивии великыи кнзъ всеа *Руси*. Володимеръ Мономахъ (ЛИ, 289).

Такое же значение находим у Поликарпа: бѣжащо же Стославоу из Новагорода. идоущо в *Роусь* къ братоу. и посла Всеволодъ противоу емоу (ЛИ, 308—309); Томъ же лѣтъ. поиде Дюрги с ростовци и съ суждалци и съ всеми дѣтьми в *Русь* (ЛИ, 468); той же зимѣ пошелъ бѣ Дюрги в *Русь*. слышавъ смръть Изаславлю (ЛИ, 476). Приде митрополитъ Иванъ в *Русь*. и не хотѣ его Ростиславъ прияти (ЛИ, 522).

Позже в таком же значении употребляет существительное *Русь* летописец Святослава Всеволодича: рекль же баше Стославъ. оже поуститъ (Всеволод) Глѣба поидеть в *Роусь*. но Глѣбъ ре(ч). лоуче сдѣ оумроу не идоу (ЛИ, 606); и поусти [Святослав Всеволодич] брата своего Всеволода. и Олга сна своего. и Юрополка в *Роусь* (ЛИ, 620); придоша измалтане. безбожнѣи половци. на *Роусь* воевать. ко Дмитровоу. съ оканнны(м). Кончакомъ (ЛИ, 628); Пошелъ баше. оканнныи и безбожныи и треклатыи Кончакъ. со множествомъ половець. на *Роусь* похоупса нако плѣнити хотя грады роускыѣ. и пожещѣ. огньмъ (ЛИ, 634).

Так же и в отрывках владимирского летописания: братья его [Андрея Боголюбского] в *Руси* (ЛИ, 595); ω (т)вѣщавъ [Михалко Юрьевич] и ре(ч). прави есте ци мене дѣла хочете погубити. поѣха в *Русь* (ЛИ, 597).

Не отличается от других летописцев в данном случае и редактор Киевского летописного свода Моисей Выдубицкий: и тако многи дары давъ и ω (т)поусти [Всеволод Юрьевич] и [Верхуслану] в *Роусь* с великою любовью (ЛИ, 658); створи же Рюрикъ... велми силноу свадьбоу ака же несть бывала в *Роуси* (ЛИ, 658); тогда же Инаковъ приѣха из *Роуси*. проводивъ [Верху]славоу (ЛИ, 659); Рюрикъ же остава поуть свои. иде в *Роусь* со всеми своими полкы (ЛИ, 678); а сна своего Константина в *Роусь* посла [Давид Ростиславич] братоу своему Рюрикови на роуцѣ (ЛИ, 704).

Существительное *Русь* в том же значении употребляют в своих посланиях и некоторые князья. Например: Стослав же посла Рюрикови река емоу. се снѣ твои зацль половци. зацаль рать. а ты хочешъ ити инамо а свою землю оставивъ. а нынѣ поиди в *Роусь*. стережи же своена зем(л)а (ЛИ, 678).

Реже встречается в Киевской летописи слово *русь* в смысле «русский народ», «русские войны». Впервые это значение появляется под 1140 г. в отрывке, вставочный характер которого подтверждает формула *мы же на преднее вѣзвратимся*. И содержание отрывка, и за-

ключительная формула дали Б. А. Рыбакову основание приписать его перу Петра Бориславича¹¹. Значение существительного *русь* подчеркнуто здесь параллельным употреблением словосочетания *Русская земля* (трижды): взидоста кнажича два. исъ Црагорода. заточени били. Мьстиславомъ великымъ. кназемъ Киевскимъ. зане не бахоуть его воли. и не слышахоуть его. коли е зовашеть в *Роускоую землю* в помощь. но паче молвахоу Бонакови шелоудивому. во здоровье. и про се са и Мьстиславъ. разгнѣваса. на нѣ. и хоташе на на ити. но нѣлзѣ бо башеть ити. зане бахоу бо тогда налегли половци на *роусь*. и томоу стоашеть. быаса. с ними са перемаганаса. се бо Мьстиславъ великыи. и наслѣди ω (т)ца своего потъ. Володимера. Мономаха. великаго. Воло(д)миръ самъ собою постоя на Доноу. и много пота оутерь за *землю Роускоую*. а Мьстиславъ. моужи свои посла загна половци за Донъ. и за Волгоу за Гиикъ и тако избави бѣ *Роускоую землю* ω (т) поганыхъ (ЛИ, 303—304).

После этого времени во всех фрагментах Киевской летописи, которые Б. А. Рыбаков по другим признакам связывает с именем Петра Бориславича, существительное *русь* употребляется только в значении «русский народ», «русские войны».

1149 г.: Изаславъ же ре(ч) къ братоу своему Ростиславоу. аче та к нама не шла наоже рекша но абы с нама бѣ былъ. и ω (т)толѣ поустиста. новгородци и *роусь*. воевать къ Юрославлю (ЛИ, 371); и в то верема придоша новгородци повоеаваше *роусь*. ω (т) Юраславла. и полонъ много принесоша (ЛИ, 371).

1151 г.: и покрыша Днѣпръ ω (т) множества вои. а *русь* переѣхаша в лодьхъ (ЛИ, 425); Вачьславъ же Изаславъ и Ростисла(в) то видивше оже идуць ω (т) ни(х) прочь и пустиша по ни(х) стрѣлцѣ свои черныи клубуки и *русь* (ЛИ, 436).

1180 г.: и побѣгоша. чернии же глобоуци бѣгающе возмалѣса бахоуть *роусью*. и въбѣгоша во Мьстиславль полкъ (ЛИ, 622); половци же видивше оустремишаса на нѣ. и сразишаса с нимъ. *роусь* же потопташа ѣ. половци же бѣгающе передь *роусью* потопоша мнозѣ. въ Черторыи ... и тако поможеть бѣ *роуси* (ЛИ, 623).

1183 г.: рекоша же. ако в тоу рать вежѣ и кони скоти мнози потопли соуть. в Хирии. бѣгающе передь *роусью* (ЛИ, 629); возворотишаса *роусь*. и стоаша на мѣстѣ. нарѣцаемемъ Ерель егоже *роусь* зоветь Оуголь. половецькийи же кнзъ Кобаць. мнѣвъ толко *роуси*. возвратиса ... *роусь* же примше помощь бжию и вѣвѣртѣшаса в нѣ и начаша ѣ съчи (ЛИ, 631—632).

1184 г.: поѣхаль бо баше Сѣбовлы Костоуковичъ. в четырьхъ. стѣхъ. воевать к *роуси*. и тоу абе поустиста к нимъ кони. половци же побѣгоша. бжѣимъ повеленьемъ. и *роусь* погнаша ѣ (ЛИ, 633).

1195 г.: Романъ же не послушавъ ихъ. и ни моужии своихъ. и да емоу полкъ и оударилшаса лаховѣ с *роусью* и потопташа лаховѣ *роусь*.

¹¹ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова...», с. 318.

и победы Межька Романа. и избиша в полкоу его *роуси* много и лаховъ своихъ (ЛИ, 687).

Кроме тех мест Киевской летописи, которые принадлежат Петру Бориславичу, существительное *русь* встречается в значении «русские воины» два раза.

1172 г.: бы(с) же оу поганы(х). \tilde{a} . копии а в *руси*. \tilde{c} . копии (ЛИ, 558).

1182 г.: и поидоша [болгары] на *роусь*. *роусь* же dospъвше полкъ... и поможе бѣ *роуси* (ЛИ, 626).

Наши наблюдения показали, что его употребление в этих случаях можно связать с тем владимирским летописцем, который создал версию похода князя Игоря на половцев в 1185 г., известную по Лаврентьевской летописи¹².

Можно предположить, что в данный период такое значение слова *русь* воспринималось уже как устаревшее. По происхождению оно является именем существительным женского рода собирательным, так же как *чудь*, *сумь*, *весь*, *водь* и многие другие. Все они обозначали прежде всего племя или народ, но и несколько человек могли быть названы *русь*, и страна тоже могла иногда называться *Русь*. «Это было известным неудобством,— считает А. В. Соловьев,— и поэтому древнерусский язык уже с X в. знает форму единственного числа «русин», особое выражение «народ русский» для обозначения народа и название «Русская земля» для обозначения страны — все в договорах с греками 911 и 944 гг. Понятия страны и народа ясно разграничены»¹³.

В летописном рассказе о походе князя Игоря на половцев в 1185 г. Киевской летописи, сложном по своему составу¹⁴, существительное *русь* выступает в двух значениях. В его начале¹⁵ оно встречается в значении «русские воины». Предложения с собирательным существительным *русь* можно сопоставить с теми, в которых «Слово о полку Игореве» употребляет множественное число *русичи*. Исключением является название *русичи* в обращении Игоря к своим полкам: Хочу бо, рече, копие приломити конец поля Половецкаго, съ вами, *русичи*, хочу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону (Слово, 6). Соответствующего текста в рассказе нет. Остальным трем примерам «Слова о полку Игореве» отвечают пять в Киевской летописи:

Слово о полку Игореве

Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы. Съ заранія въ пятъкъ потопташа

Киевская летопись

и выѣхаша ис половѣцькихъ полковъ. стрѣлци и поустивше по стрѣлѣ на *роусь*. и тако поскочиша. *роусь* же

¹² Франчук В. Ю. О создателе версии похода князя Игоря на половцев в 1185 г. в Лаврентьевской летописи.— В кн.: «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985, с. 154—168.

¹³ Соловьев А. В. Русичи и русовичи.— В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII в. М.; Л., 1962, с. 279—280.

¹⁴ Подробнее см.: Франчук В. Ю. Указ. соч., с. 158.

¹⁵ Б. А. Рыбаков на основании других данных предполагает, что этот раздел создан на основе текста Петра Бориславича («Слово о полку Игореве» и его современники, с. 174).

поганяя плькы половецкыя и рассушыя стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволоки, и драгыя оксамиты (10). Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбри *русичи* преградиша чрьлеными щиты (13), ту пирь докончаша храбри *русичи*: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую (18).

бахоуть. не переѣхалъ еще рѣкъ Сурлиа ... переднии же ти *роусь* биша ѣ имаша. половцѣ же пробѣгоша вежѣ. и роусь же дошедше вежѣ. и ололонипаша... ношахоуть (Х. П.— но наших) *роусь* (Х. П.— *роуси*). съ. еі. моужь оутекши. а ковоуемъ мнѣ. а прочии в морѣ истопоша (639—644).

Название *русь* появляется в рассказе снова лишь при описании пребывания Игоря в плену и его замысла побега. Но значение этого слова уже другое: «страна», «родная земля». Этот раздел, по мнению Б. А. Рыбакова, составлен в основном на материалах летописца Святослава Всеволодича. Употребление слова *русь*, которое встречается в последнем разделе четыре раза, для обозначения страны вполне согласуется со всеми остальными признаками этого летописца: попа же башеть привелъ [Игорь] из *Роуси* к собѣ. со стою слоужбою. не въдашеть бо бѣина промысла. но творашеть(с) тамо и долъго быти (ЛИ, 649); боудоущю же емоу в Половцехъ. тамо са налѣзеса. моужь родомъ половчинь. именовъ Лаворъ. и тотъ примъ мысль блгоу. и ре(ч) поидоу с тобою в *Роусь*. Игорь же исперва не имашеть емоу вѣры. но держаше мысль високоу своен оуности. мышлашеть бо. емше моужь и бѣжати в *Роусь* (ЛИ, 650); и посла Игорь к Лаврови конюшого своего. река емоу переиди на оную стороноу. Тора с конемъ поводнымъ. башеть бо свѣчалъ с Лавромъ бѣжати в *Роусь* (ЛИ, 651).

Разницу между первой частью рассказа, где даются точные числовые показания по дням, называются имена и отчества действующих лиц, и описанием плена и бегства князя Игоря, где числовые показания нет, а указываются только дни недели, замечали и раньше. А. И. Соболевский, например, писал: «Если некоторая связь между первой частью «Слова» и рассказом летописи чувствуется, то этого нельзя сказать о второй части. Здесь даже имя половчина, помогавшего Игорю бежать и вместе с ним бежавшего,— половецкое: Овлур, Влур, тогда как летопись несколько раз называет его Лавор, т. е. Лавр»¹⁶.

Разница в написании имени *Овлур* — *Лавр* становится понятной в свете гипотезы Б. А. Рыбакова: последняя форма встречается в том месте летописи, где слово *Русь* употреблено в значении «Русская земля, страна», т. е. принадлежит летописцу Святослава Всеволодича. По-разному писали оба летописца и другие нерусские имена.

Петр Бориславич

Летописец

Святослава Всеволодича

Кунтувдѣи

Куньтудгыи

В последнем разделе рассказа порядок употребления имени *русь* нарушается. Неожиданно появляется термин *Русская земля* (один раз), а *русские воины* снова названы *русью* (один раз). Приведем

¹⁶ Соболевский А. И. К «Слову о полку Игореве». — Изв. по рус. яз. и словесности АН СССР, 1929, т. 2, кн. 1, с. 184.

отрывок, где встречаются оба исключения: с нимъ [Игорем] бо башеть. тысяч(с)кого снѣ и конюшии его. и тоу ноудаста и глща. поиди кнаже в землю Роускою. аще восхоць (X. П. — *въсхоцет*) бѣ изба-вить та. и не оугодиса емоу время таково. какого же искашетъ. но ꙗкоже преже рекохомъ. возвратишася ѿ(т) Переяслава. половци. и рекоша Игореву доумци его мысль високоу и не оугодноу г(с)ви имѣешь в собѣ. ты ищещи нати моужа и бѣжати с нимъ. а ѿ семь чемоу не разгадаешь. ѿже приедоуть половци с воины. а се слышахомъ. ѿже избити и(м) кназа и васъ. и всю роусь. да не боудеть славы тобѣ ни живота (ЛИ, 650).

Содержание приведенного отрывка во многом неясно. Противоречит он и остальному тексту. По мнению Б. А. Рыбакова, это могло произойти вследствие неумелой обработки материалов летописца Святослава Всеволодича рукой недостаточно опытного редактора, стремившегося вопреки летописному тексту оправдать побег князя Игоря. Употребление существительного *русь* в значении «русские воины» дает возможность сделать и другое предположение: отрывок этот был взят у Петра Бориславича, но использован неудачно.

2. ГИПОТЕЗА ОБ АВТОРСТВЕ ЛЕТОПИСИ «МСТИСЛАВОВА ПЛЕМЕНИ» И «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» ПО ДАННЫМ ЛЕКСИЧЕСКОГО И СИНТАКСИЧЕСКОГО СТРОЯ ПАМЯТНИКОВ

Ценный материал может дать сопоставительный анализ языка «Слова о полку Игореве» и предполагаемой Летописи Петра Бориславича. Сопоставление такого рода сложно, так как в произведениях, созданных в одну эпоху, даже если они принадлежат к различным жанрам, лексические и грамматические совпадения неизбежны. И в «Слове» и в летописях употребляется лексика, характерная для древнерусского письменного языка XII в. И тут и там при описании походов и сражений встречаются сходные обороты и словосочетания как специального, так и более общего характера.

В данном случае сравнение может быть результативным лишь при условии, что и в «Слове о полку Игореве» и в сочинении Петра Бориславича удастся выявить такие слова, обороты и грамматические конструкции, которые или совсем не встречаются в других частях Киевской летописи второй половины XII в., или же мало характерны для языка летописцев — его современников.

Веселье. Существительное *веселье* (*веселие*), как и глагол *веселиться* и прилагательное *веселый*, хорошо известно языку древнерусской письменности XI—XII в., не раз встречается в «Повести временных лет», ср., например, записи под 1096 г. и 1103 г. Казалось бы, делать на основании его употребления в Летописи Петра Бориславича какие-либо выводы о близости языка этого произведения к «Слову о полку Игореве» вряд ли целесообразно. Произведем подсчеты. В тексте Петра Бориславича *веселье* употреблено семнадцать раз. Из них 16 раз оно встречается в составе устойчивого оборота *пробыти в любви и веселии*.

Лишь в записи под 1150 г. *веселие* употреблено самостоятельно в значении «торжество»: и тако пославъ Изяславъ и приведе бановну за брата своего Володимера и бы(с) радость велика и *веселие* (ЛИ, 408). Кроме того, один раз в нем встречается глагол *веселиться* (ЛИ, 369) и три раза прилагательное *весел(ый)* (ЛИ, 386, 473, 682).

Текст, принадлежащий Петру Бориславичу, по приблизительным подсчетам, занимает половину Киевской летописи. Вторую ее половину составляют записи его современников — Поликарпа, летописца Святослава Всеволодича, Кузьмища Киянина, Моисея и др. В этой половине наблюдается следующая картина: существительное *веселие* встречается два раза¹⁷, глагол *веселить(ся)* — два раза, прилагательное *весел* — три раза. Показательно и то, что почти во всех этих случаях употребленные слова встречаются в цитатах из церковной литературы: пред нима же бгоощъ Двѣдъ *веселиа* исполниса. скакаше играи (ЛИ, 656); и ѿчима си любезно смотраци. ѿ(т)всюдоу *веселие* дши привлачаще (ЛИ, 714); А хр(с)тыани избавлени бгмъ. и стою Бцею. радующеса глху и *веселящеса* (ЛИ, 553); сотона же *веселяшетъ* ѿ (ЛИ, 586).

В тексте «Слова о полку Игореве» существительное *веселие* встречается пять раз, а прилагательное *весел(ый)* — три (из них один раз с отрицанием). Например: Уныша бо градомъ забралы, а *веселие* понице (Слово, 22); А мы уже дружина жадни *веселия* (Слово, 26); Ярославна рано плачетъ въ Путивль на забралъ, аркучи: «О вѣтръ, вѣтрило!... Чему, господине, мое *веселие* по ковылю развѣя?» (Слово, 38); солови *весельми* пѣсньми свѣтъ повѣдають (Слово, 43). Не будет, по-видимому, натяжкой утверждение, что эти слова были излюбленными не только у Петра Бориславича, но и у автора «Слова о полку Игореве». Н. П. Сидоров пишет: «Если вы возьмете „Слово о полку Игореве“ в самых интимных симпатиях его автора, вы увидите, что оно полно величайшего жизнелюбия. Все, что полно жизни, его привлекает и радует; его привлекает, прежде всего, самая радость, веселие. Если автор жалуется, то именно на то, что настала невеселая година — времена довольства прошли. Он любит все земное. Говоря словами Кирилла Туровского, — „ум его пригвожден земным вещам“»¹⁸.

Нелюбие. В одном случае в «Слове о полку Игореве» *веселие* употребляется в ряду других абстрактных существительных: Донецъ рече: «Княже Игорю! Не мало ти *величя*, а Кончаку *нелюбя*, а Руской земли *веселиа*» (Слово, 41—42). В Киевской летописи слово *нелюбие* встречается лишь раз, причем в тексте Петра Бориславича: Стослав же *нелюбемь* рче емоу. брате и сватоу аж ты идешь изо ѿчины своєї

¹⁷ Существительное *веселье* употреблено также в Летописном рассказе о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г.: а тако во днь стго воскр(с)ниѣ. наведе на г(с)ь гнѣвъ свои. в радости мѣсто наведе на ны плачь и во *веселье* мѣсто. желю (ЛИ, 643).

¹⁸ Сидоров Н. П. К вопросу об авторах «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве»: Сб. исслед. и ст. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950, с. 166.

на свое оружье. а язъ паки идоу за Днѣпръ своихъ дѣла оруудѣи. а в Роуской землѣ кто ны са останеть. и тѣми рѣчьми измате поуть Рюрикови (ЛИ, 676).

Гроза. В тексте Петра Бориславича находится и единственный случай употребления в Киевской летописи существительного *гроза* в отвлеченном значении «угрожающая, приводящая в трепет сила»: Романъ... из Лаховъ же приде к Володимероу. и не поустити его братъ в Володимеръ Романъ же башеть пришелъ с лахы на брата с Межько оуемъ своимъ. и не воспѣвъ емоу ничто же иде к Рюрикови. ко цю своему. Рюрикъ же да емоу Торцькыи. а на брата его наслася с *грозою* на Всеволода. Всеволодъ же оубояся Рюрика. и стоуписа братоу Романови. Володимера (ЛИ, 662). Ср. в «Слове о полку Игореве»: Ти бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозныи великыи Киевскыи *грозою* (Слово, 21); Галичкы Осмомыслѣ Ярославле!... *Грозы* твоя по землямъ текутъ, отворяещи Киеву врата, стрѣляещи съ отня злата стола салтани за землями (Слово, 30).

Потоптати. Глагол *потоптати* как военный термин в значении «расстроить, смять ряды противника», «сломить сопротивление противника в битве» в Киевской летописи встречается восемь раз. Первый пример под 1152 г. несомненно относится к тексту Петра Бориславича: и то рекъ Изяславъ дружинѣ своей потъче всеми своими полкы. оу бродѣ. видивъ же полки Володимери король. и вси е(г) полци. не страпуче поткоша вси к ни(м) кождо въ свои бродѣ. и въхаша ѿ(т)-всюду оу полкъ Володимеръ. и тако *потопташа* ѣ. и многы ту избиша. а дружини истопоша а другыи изоимаша (ЛИ, 449). Четыре последних примера находятся под 1195 г. Как и другие факты, они подтверждают предположение Б. А. Рыбакова о том, что летопись Рюрика в конце XII в. вел летописец Изяслава Мстиславича: Романъ же не послоушавъ ихъ. и ни моужии своихъ. и да емоу полкъ и оударилася лаховъ с роусью и *потопташа* лаховъ роусь. и победи Межька Романа (ЛИ, 687); Мстиславъ же и дружина его... наборзъ оустремившеса на ни(х). и поткоша к нимъ. и съшибошася со Ѡлговымъ полкомъ. и стаги Ѡлговы *потопташа* (ЛИ, 691); полочани же видѣвше Мстислава. ѿдолающа Ѡлгови. и нѣ гнаша во слѣдъ смолнанъ но оувернувшеса. и оудариша в тылъ полка Мстиславла. и *потопташа* и (ЛИ, 692); Ѡлегъ же Стославичъ видивъ. ажъ полочанѣ *потопталѣ* стаги Мстиславли. и возвратиша(с) к нимъ (ЛИ, 692).

Остальные три примера представляют особенный интерес. Один из них находится под 1180 г. в контексте, который убедительно свидетельствует об авторстве Петра Бориславича: лѣпшии моужи ѿсталиса бахоуть Лазоръ воевода с полкомъ Рюриковымъ. и Борисъ Захаричъ с полкомъ своего княжича Володимѣра. и Сдеславъ Жирославичъ съ Мстиславлимъ полкомъ. и възрѣвше на бѣ. и похаша противоу половцемъ. половци же видивше оустремившася на нѣ. и сразишася с нимъ. роусь же *потопташа* ѣ. половци же бѣгающе передъ роусью потопоша мнозѣ. въ Черторыи. а инѣхъ изоимаша. а другыи иссъкоша (ЛИ, 622—623). Ближе к этому примеру, но в тексте дру-

го автора встречается следующая фраза: и посла Всеволодъ разаньскыи князи. и вогнаша в товары Стославлѣ. и *потопташа* ѣ. а инѣхъ изоимаша. а другыи иссъкоша (ЛИ, 619). Возможно, это вставка Петра Бориславича в текст, написанный летописцем Ольговичей. Не случайно, видимо, и речь здесь идет о тех рязанских князьях, о которых в «Слове о полку Игореве» сказано: Великыи княже Всеволоде!.. Ты бо можеша посуху живыми шерешеры стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы (Слово, 28—29).

Под 1174 г. находится восьмой пример с глаголом *потоптати*. Он встречается во фрагменте сторонника Ростиславичей, по предположению Б. А. Рыбакова, — игумена Моисея. Авторство Моисея не исключает редакторской работы Петра Бориславича. С другой стороны, и Моисей мог пользоваться какими-то материалами этого летописца — мастера описывать военные сражения. Сам Моисей не был знатоком военного дела. Вряд ли ему может принадлежать такое описание боя: бахуть бо ратныи. на. г. полкы стояще. новгородци ростовци. посреде же ихъ. Всеволодъ. Дюрдевичъ. своимъ полкомъ стоя. и абѣ Мстиславъ: сшибеса с полкы ихъ и *потопташа*. середнии полкъ. и инии ратныи видѣвше ѿбыхаша ѣ бѣ бо Мстиславъ. в малѣ въхалъ в нѣ и тако сматошася. ѿбои (ЛИ, 576).

Если наши наблюдения верны, то в XII в. глагол *потоптати* как военный термин употреблял лишь Петр Бориславич. Это вполне вероятно, так как он был единственным летописцем, хорошо осведомленным в воинских делах, а следовательно — и в военной терминологии. Кстати, и в более позднее время, по имеющимся данным, *потоптати* в таком смысле употребляется крайне редко¹⁹. Важно же это потому, что в «Слове о полку Игореве» этот глагол дается именно в терминологическом значении: Съ зараня въ пяткъ *потопташа* поганяя плѣкы половецкыя (Слово, 10).

Шоломя. Как и слова, рассмотренные выше (*веселье*, *потоптати*), существительное *шоломя* в значении «холм, гора; цепь холмов» связывает воедино две части предполагаемой летописи Петра Бориславича. Первый пример под 1151 г. сомнений не вызывает: накоже бѣ к вечеру. и тако поиде Гюрги за *шоломя* с полкы своими (ЛИ, 435). Два других примера, занесенные в Киевскую летопись под 1184 г., определить труднее. Статья о походе на половцев в этом году, по видимому, написана летописцем Святослава Всеволодича. Однако фраза, в которой дважды повторяется это существительное, больше свойственна деловой манере Петра Бориславича: наворопници же перешедше Хороль. взиидоша на *шоломя*. глладающе. кдѣ оузратъ ѣ. Коньчакъ же стоялъ оу лоузѣ. его же ѣдоуще по *шоломени* ѿминоуша (ЛИ, 635—636). Особенный интерес для нашей темы существительное *шоломя* представляет потому, что для древнерусского периода известны только пять случаев его употребления. Три из них рассмотрены выше. Два других отмечены в «Слове о полку Игореве»: О Руская

¹⁹ *Словарь-справочник «Слова о полку Игореве».* — Л., 1973, вып. 4, с. 171.

земле! Уже за *шеломанемъ* еси! (Слово, 10); О Руская земля! уже за *шеломанемъ* еси (Слово, 12).

В летописи «Мстиславова племени» встречается ряд слов восточного происхождения. Некоторые из них распространены очень широко: *боярин*, *сабля*, *носад*, однако некоторые тюркизмы, отмеченные в этом произведении, являются большой редкостью. Так, например, значение существительного *билинч* в предложении «Боурчевичи же не хоташи дати билинча. и не вхаша» (ЛИ, 675) не совсем ясно именно потому, что это слово в древнерусской лексике одиноко²⁰.

Для нашего исследования представляет особенный интерес существительное *чага*, которое, по имеющимся в настоящее время данным, представлено в древнерусской письменности всего двумя примерами. Один из них встречается в описании похода русских князей на половцев 1168 г., которое, по многим признакам, принадлежит Петру Бориславичу: толико взаша полоня множество. якоже всимъ. рускимъ воемъ наполнитиса до изовбиля. и колодники и чагами и дѣтми ихъ (ЛИ, 540). Второй известен из «Слова о полку Игореве»: Аже бы ты былъ, то была бы *чага* по ногатъ, а кощей по резанъ (Слово, 28—29). Значение слова *чага* можно вывести на основании этих примеров: «полонянка», «невольница». Кстати, и тюркизм *кощей* со значением «пленник», «раб», «слуга» в древнерусском летописании достаточно редок. Один случай его употребления отмечен в Повести об убийстве Андрея Боголюбского: Убиша Володимири князя Андрея свои милостьници... в ночь, спящу ему въ Боголюбьмъ, и бяше с нимъ одинъ *кощей* малъ (ЛПН, 34). Два другие примера принадлежат Петру Бориславичу: идоша кнзи ѿ дновъ. ис Киева. и бы(с) вѣсть половце(м) ѿ(т) *кощѣна* ѿ(т) Гаврилкова. ѿ(т) Иславича. ѿже идути на нѣ кнзи русьстии (ЛИ, 539); бра(т)на же вси пожаловаша на Мъстислава. ѿже оутавьса ихъ пусти в наворопъ. сѣдельники своѣ и *кощѣѣ* (ЛИ, 540).

Среди других лексических соответствий в языке летописи «Мстиславова племени» и «Слова о полку Игореве» обращает на себя внимание такое редкое значение существительного *полк*, как «стан», «лагерь», «стоянка». В «Слове о полку Игореве»: О Днепре Словутицю!... Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави носады до *плѣку* Кобякова (Слово, 39). В Киевской летописи слово *полкъ* в этом смысле отмечено под 1149 г.: пришедши же стрѣлци ѿ(т) Изаслава и ѿ(т) Ростислава. и възбиша ратнына ѿ(т) города. и гнаша на ѿли до *полкоу* ихъ (ЛИ, 379). Любопытно, что и во втором примере употребления слова *полк* в этом значении, известном из Лаврентьевской летописи под 1153 г., упоминается князь Изяслав: на ту же ночь оубоавьса Изаславъ. зане бѣ осталса на *полку* с малою дружиною. река да не выпутса на на(с) из города. повелѣ избити колодники. а лутшиѣ ихъ мужи веде с собою г Кыеву (ЛЛ, 341). Если мы сравним этот пример с соответствующим местом Киевской летописи, то должны будем признать, что оба они восходят к одному общему источнику, возможно — к Летописи

²⁰ Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи: (по материалам летописей). — Л., 1949, с. 229.

Петра Бориславича: на ту же ночь оубоавьса Изаславъ. зане бѣ осталса с маломъ дружины на *полчищи*. река... (ЛИ, 467). Можно думать, что форма *полчище* Киевской летописи вторична. Первоначально в тексте Петра Бориславича должно было быть, как и в летописи Лаврентьевской, слово *полкъ*.

Употребление в «Слове о полку Игореве» вспомогательного глагола *быти* в прошедшем времени со значением «было бы» отмечено А. И. Соболевским: Пѣти *было* пѣснѣ Игореву, того внуку (Слово, 6); чи ли възпѣти *было*, вѣщеи Бояне, Велесовъ внуче (Слово, 7); Не лѣпо ли ны *башетъ*, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстїи о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! (Слово, 1). Однако параллель к этим примерам он смог привести лишь из позднего (XVI—XVII вв.) рукописного сборника: Добро ти *было*, чадо, здѣ жити²¹. Однако ср. в Киевской летописи под 1170 годом: Вложи бѣ въ ср(д)це Мъстиславу Изаславичю. мысль блгу ѿ Руской земли... и съзва бра(т)ю свою. и нача думати с ними. река имъ тако... а лѣпо ны *было* братѣе възраче на бїю помочь. и на млтву стоѣ Бци поискати ѿцѣ своихъ и дѣдъ своихъ пути. и своен ч(с)ти (ЛИ, 538).

Достаточно редко в древнерусском языке и вопросительное наречие *ког* в значении «где». Ср. в «Слове о полку Игореве»: Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилиц! не побѣдными жребїи собѣ власти расхытїсте! *Ког* ваши златїи шеломы и сулицы ляцкыи и щиты? (Слово, 32—33). Единственный случай такого значения *ког* в Ипатьевской летописи относится к тексту Петра Бориславича под 1169 г.: и оузриша [берендичи] и ѿдиногъ вѣздаща. и рѣша ему. ты намъ тако молваше. братына вси со мною суть. а *ког* есть Андрѣевичъ Володимиръ и Ярославъ. и Двѣдъ (ЛИ, 536).

Редко встречается в древнерусский период и вопросительное наречие *чому*. В плаче Ярославны: *Чому*, господине, насильно вѣеши? *Чому* мычещи хиновскыя стрѣлки... на моя лады вои?... *Чому*, господине, мое веселїе по ковылю развѣя? (Слово, 38). Обычная параллель — из речи Владимира Мономаха в «Повести временных лет»: да се ꙗси пришелъ и сѣдишь с бра(т)ею своею. на ѿдино(м) коврѣ. то *чому* не жалуешьса (ЛЛ, 273). Ср. однако в приведенных Петром Бориславичем посланиях: ѿн же поча ему молвити. *чому* тобѣ наша ѿчина тобѣ си сторона не надобѣ (ЛИ, 578); Ярослав же Черниговскыи. и поча слати послы своя к Рюрикови. река емоу *чемоу* еси брате. почалъ волость мою воевати (ЛИ, 695).

На особенность употребления в «Слове о полку Игореве» личного местоимения вместо соответствующего притяжательного обратил внимание Л. А. Булаховский. В обращении великого князя Святослава к Игорю и Всеволоду, пишет он, «имеем странно звучащую для нашего времени конструкцию: «*ваю* храбрая сердца в жестоцем харалузѣ скована а в буети закалена», т. е. по характеру грамматического

²¹ Соболевский А. И. К «Слову о полку Игореве», с. 186.

выражения — «вас (обоих) храбрые сердца...», а не «ваши храбрые сердца»²².

Подобное употребление местоимения *ва* характерно для «Слова о полку Игореве». Ср. еще: Ты буи Рюриче и Давыде!... Не *ваю* ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранены саблями калеными на польъ незнаемъ? (Слово, 29); А ты, буи Романе, и Мстиславе! храбрая мысль носить *ваю* умъ на дѣло (Слово, 31—32). Между тем в Киевской летописи сходные конструкции встречаются редко, лишь во фрагментах летописи «Мстиславова племени» находим несколько таких оборотов: Изаславъ же сгадавъ с бра(т)мъ своимъ Ростиславомъ. ѿвиста кианомъ. рекуче се *стрыи наю* пришель... ѿни же рекоша *гна наю* князя не погубита на(с) до конца... аже по си(х) днѣхъ. кде оузримъ *стагы ваю*. ту мы готовы. ваю есмы (ЛИ, 383).

Некоторый интерес представляют также имеющиеся в труде Петра Бориславича производные от существительных *кметь* и *котора*, известных по «Слову о полку Игореве». Так как эти слова в Киевской летописи исследуемого периода вообще не употребляются²³, то единственным доказательством знакомства Петра Бориславича с ними являются следующие примеры: кыяне же дивахута оугромъ множеству и *кметства* ихъ (ЛИ, 416); В то же верема. пришель бѣ Гюргевичъ старѣиши Ростиславъ. *роскоторавѣся* съ ѿ(т)цмъ своимъ. ѿже емоу ѿць волости не да в Соуждалиской земли (ЛИ, 366). Глагол *роскоторатися* важен для нашего исследования и в другом отношении. В Киевской летописи он встречается всего два раза, и обе записи с этим глаголом близки по форме, а также и потому, что в обоих случаях в описываемых событиях принимал участие князь Изяслав. Поэтому можно думать, что эти записи сделаны одним лицом. Ср. под 1143 г.: В то же лѣто *роскоторостася*. Всеволодь с Володимѣркомъ. про сна ѿже сѣде снѣ его Володимири... Всеволодь же с бра(т)ею иде на нь (ЛИ, 314—315). Как выясняется дальше, в составе этой «братьи» были Изяслав и Ростислав Мстиславичи.

Еще К. Н. Бестужев-Рюмин высказал мысль, что летописцу Изяслава могли принадлежать не только описание его великого княжения, но и более ранние известия об участии этого князя в походе на Полоцк в 1128 г.²⁴ Б. А. Рыбаков предполагает, что именно летописцем князя Изяслава Мстиславича был внесен ряд ретроспективных записей в статьи Киевской летописи 1130—1140 гг.²⁵ Уже здесь, по мысли Б. А. Рыбакова, создатель летописи «Мстиславова племени» проявил себя как историк, который обращается к прошлому, чтобы лучше объяснить настоящее. Примеры исторических экскурсов Петра Бори-

²² Булаховский Л. А. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка. — В кн.: «Слово о полку Игореве»: Сб. исслед. и ст. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, с. 134.

²³ Однако в летописном рассказе о походе Игоря Святославича : и бы(с) оу нихъ *котора* (ЛИ, 646).

²⁴ Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей..., с. 105.

²⁵ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова...», с. 310—328.

славича, приведенные в книге «Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве»», позволяют говорить о близости его творческой манеры к манере автора «Слова». Об этом же, на наш взгляд, свидетельствует и следующий факт. Описывая поход Изяслава Мстиславича на Владимира Галицкого в 1152 г., летописец вспоминает события тридцатилетней давности: и поиде Изаславъ ѿ(т) Володимера с полкы своими по *королеви. дорозѣ*²⁶. Юже башеть приѣхаль. на Андрѣя на Володимирича съ Ярославомъ Стополчицемъ. егоже и оубиша ту. оу Володимира (ЛИ, 447). Смерть Ярослава, приведшего на Русь несметные чужеземные полчища, ярко описана в летописи под 1123 г. Внешнее обстоятельство — дорога, ведущая от Владимира к Галичу, — воскресила в памяти летописца воспоминание о событии, которое могло быть ему известно из книг и рассказов старших современников.

Многие приставочные образования, отмеченные в «Слове о полку Игореве», индивидуальны. Только в этом произведении встречается, например, глагол *попоити*: Ту кроваваго вина не доста; ту пир докончаша храбрии русичи: сваты *попоиша*, а сами полегоша за землю Рускую (Слово, 18). Поэтому важно отметить, что образование с приставкой *по-*, близкое по смыслу к «попоити», дает и Петр Бориславич: потомъ же позва Двдъ чернии клобоуци вси. и тоу *попишася* оу него вси чорнии клоци (Х. П. — *клобуци*) (ЛИ, 682).

В форме, отличной от той, которая известна «Слову о полку Игореве», употреблен в Ипатьевской летописи глагол *подъхытити* со значением «подхватить»: и не може с того мѣста ни мало поступити [Владимир Галицкий]. и хотѣ летѣти. и ту *подъхытишиа* и подѣ руцѣ. и несоша и въ горенку (ЛИ, 463). В «Слове о полку Игореве» глагол *похытити* встречается в контексте, который противоречит его обычному дословному переводу «похитить»: Нѣ рекосте: «Мужаймѣся сами, преднюю славу сами *похытимъ*, а заднюю ся сами подѣлимъ» (Слово, 27). Присоединяемся к мнению Н. А. Мещерского, который предполагает, что в данном случае *похытимъ* может обозначать не «насилственно завладеем», а «подхватим», поддержим падшую «переднюю, прадедную славу»²⁷. Однако в отличие от Н. А. Мещерского, который считает данное значение глагола *похытити* диалектным, выскажем другое предположение, подсказанное текстом Петра Бориславича. Может быть, в оригинале «Слова о полку Игореве» этот глагол имел другую форму, т. е. *подъхытити*, и только при переписке это редкое образование было заменено более обычным глаголом *похытити*, вследствие чего затемнился и смысл всего выражения. В значении «поднять» употребляет Петр Бориславич и глагол *въсхытити*, который И. И. Срезневский дает только со значением «похитить», «унести»²⁸:

²⁶ Ср. под 1190 г.: Тое же зымы, половци въехаша. *Ростиславлю дорогою* (ЛИ, 672).

²⁷ Мещерский Н. А. О территориальном приурочении «Слова о полку Игореве». — Учен. зап. Карел. пед. ин-та, т. 3, 1956, вып. 1. Сер. истор.-филол. наук, с. 83.

²⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893, т. 1, столб. 430.

и сна съ себе [Изяслав] шеломъ. и позна и. и то слышавше мнози. и въсхътишиа и руками своими. с радостью яко цра и кнза. свое(г) (ЛИ, 439).

Представляет любопытную загадку употребление во фрагментах летописи «Мстиславова племени» слова *комонь*. «Слово о полку Игореве» знает именно такой вариант обычного в древнерусском языке существительного *конь*, который в этом произведении мог быть подержан народнопоэтической традицией. Наши древние авторы, как правило, слово *комонь* не употребляют²⁹. Для доказательства его бытования в языке древнерусской письменности обычно приводят цитату из «Повести временных лет» под 969 г.: Переяславци в Дунаи.. вс(а) блгана сходатса. ѿ(т) Грекъ злато паволоки. вина ѿвощеве различныа. и-Щехъ же из Урогъ [Угорь]. сребро и *комони*. Из Руси же скоро и воскъ медь. и чела(д) (ЛЛ, 67). Еще один случай отмечен Ф. П. Филиным во Львовской летописи под 1103 г.: И нача даяти на себъ Бельдъзь золото и сребро и *комани*³⁰.

Остальные три примера приводятся из Киевской летописи под 1148 г., т. е. из текста, который несомненно принадлежит Петру Бориславичу. Загадочно в данном случае то, что до 1148 г. этот летописец, как и его современники, употреблял только существительное *конь*. *Комонь* появляется в его летописи впервые при передаче прямой речи венгров, прибывших на помощь Изяславу: и рекоша ему оугремы гости есме твои. ѿже добръ надѣшиса на кияны то ты самъ вѣдаеши люди своя. а *комони* под нами... себъ ночи како ны бѣ дасть поѣдемъ (ЛИ, 414).

Отличительной особенностью Летописи «Мстиславова племени», как показал Б. А. Рыбаков, является включение в ее текст большого количества грамот, посланий и речей. Б. А. Рыбаков обратил также внимание на то, что документы приводятся в ней, как правило, без каких-либо изменений содержания и формы. Об этом же свидетельствуют и наши наблюдения над языком Киевской летописи: в той ее части, которая может быть связана с Петром Бориславичем, такого рода вставки резко отличаются по языку от текста летописца. Можем предположить поэтому, что в данном случае слово *комонь* употребил переводчик венгров, возможно чех (в древнечешском языке имелись существительные *комонь* и *комоньство*³¹).

Об этом как будто свидетельствует и то, что, продолжая свое повествование, Петр Бориславич употребляет это существительное в обычной для древнерусского летописания форме: Изяславъ же всѣдъ на *конь* переиде Въз(д)виж(д)ень (ЛИ, 415). Когда же его рассказ переключается на венгров, он снова употребляет форму *комонь*: кияне же дивахутса оугромъ множеству и кметьства ихъ. и *комонемъ* ихъ (ЛИ, 416); Вачеславъ же Изяславъ велику ч(с)ть створиста оугромъ.

²⁹ Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка..., с. 215.

³⁰ Там же.

³¹ Слово *комоньство* встречается в Киевской летописи всего один раз у летописца Андрея Боголюбского: конь же его ѿзвень велми. оунесь гна своего оумре. князь же Андрѣи жалуйа *комоньства* его повель и погрести надъ Стыремъ (ЛИ, 391).

Вачеславъ же ѿ(т) себе а Изяславъ же ѿ(т) себе. и дарми многими ѿдариста и и съсуды и порты. и *комонми* и паволоками. и всакими дарми (ЛИ, 419).

Существительное *Олговичи* — множественное число отчества *Олгович* — употреблено в «Слове о полку Игореве» лишь однажды: *Олговичи*, храбрыи князи, доспѣли на брань (Слово, 32). Тем не менее нельзя недооценивать значения этого единственного примера для решения вопроса о том, интересы какой княжеской ветви отстаивает автор этого произведения. Уже давно было замечено, что летописцы самих Ольговичей этим названием не пользовались³². Исследование Б. А. Рыбакова подтвердило, что ни Поликарп, ни летописец Святослава Всеволодича название *Олговичи* не применяли: обычно они или перечисляли князей-родственников, или употребляли выражения *братия его*, *своя братия* (по отношению к Святославу Всеволодичу). Для нашей темы представляет интерес и следующее наблюдение Б. А. Рыбакова: в Ипатьевской летописи употребление слова *Олговичи* обрывается в 1196 г. одновременно с прекращением летописания Петра Бориславича³³.

Не только среди самостоятельных, но и среди служебных частей речи в летописи «Мстиславова племени» можно найти случаи близости со «Словом о полку Игореве». Например, двойной союз *чи ли* употреблен в «Слове о полку Игореве» в вопросительной функции со значением «или»: *чи ли* въспѣти было, вѣщеи Бояне, Велесовъ внуче: «Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Киевѣ» (Слово, 7). По наблюдениям Л. А. Булаховского, это образование, состоящее из двух хорошо известных союзов *чи* и *ли*, настолько редко, что могло бы попасть в «сомнительные», если бы И. И. Срезневскому не посчастливилось найти еще один пример в «Златоуструе» XII в.: «Ребра съкроити *чи ли* ражны повирати тѣло»³⁴. Однако и этот редчайший союз имеется у Петра Бориславича: оугорскимъ моужемъ пришедшимъ на думу. и ре(ч) имъ [Изяслав Мстиславич] се Володимеръ по на(с) идетъ. а мы сде стоимы азъ бра(т)е молюю. вамъ. сде ли хочемъ стоати *ци ли* быхомъ и еще своего труда не праваче себъ ночи поѣхали (ЛИ, 413).

Как на одно из свидетельств близости лексики «Слова о полку Игореве» и летописи «Мстиславова племени» укажем также на употребление частицы *ти* в усилительном значении. Долгое время для переводчиков и комментаторов «Слова о полку Игореве» смысл предложений с этой частицей оставался неясным. В работе «Малорусская народная песня по списку XVI века» А. А. Потеня приводит следующие примеры: «Сѣдлай, брате, свои брѣзьи комони, а мои *ти* готови... а мои *ти* куряни свѣдоми кѣмети»; «Нъ уже, княже, Игорю утрѣпъ солнцю свѣтъ.. Донъ *ти*, княже, кличь и зоветь князи на побѣду»; «Тяжко *ти* головъ(ы) кромѣ плечю (род. под. дв. ч.), зло *ти* тѣлу кромѣ головы»³⁵. А. А. Потеня первый показал, что *ти* употребляется

³² Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей..., с. 148.

³³ Рыбаков Б. А. Русские летописи и автор «Слова...», с. 408.

³⁴ Булаховский Л. А. Указ. соч., с. 162.

³⁵ Потеня А. А. Малорусская народная песня по списку XVI века: Текст и примечания.— Воронеж, 1878, с. 8—9.

здесь как усилительная частица *ведь*, в таком значении это слово известно и некоторым другим древнерусским произведениям³⁶. В отличие от последних в летописи «Мстиславова племени», как и в «Слове о полку Игореве», частица *ти* последовательно употребляется лишь в прямой речи: Мстиславоу же лежашо. и дружинѣ его. пригнавшѣ сторожеве рекоша емоу не лежи княже. Глѣбъ *ти* пришелъ на та (ЛИ, 360); и рекоша Изаславу Гюрги вышелъ ис Киева. а Вачьславъ съдѣти *ти* в Киевѣ (ЛИ, 396); бѣлогородци же потекоша противу к мостьку кланяющеса и рекуще. кѣже поѣди. Борисъ *ти* побѣжалъ (ЛИ, 415); потомъ повѣда ему Володимеръ. иде(т) *ти* Володимеръ Галичский (ЛИ, 442).

Как бы ни были интересны совпадения отдельных слов сами по себе, они могут быть более или менее убедительными лишь в сочетании с другими словами в предложении. На то, что отдельные выражения произведения Петра Бориславича напоминают манеру «Слова о полку Игореве», уже давно обратила внимание В. П. Адрианова-Перетц³⁷. Ниже рассмотрим те соотносительные выражения из летописи «Мстиславова племени» и «Слова о полку Игореве», которые позволяют предполагать одно лицо в качестве автора этих произведений.

Так, в приведенном выше предложении «Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань» (Слово, 32), кроме существительного *Олговичи*, внимание привлекает словосочетание *доспѣти на брань*. Глагол *доспѣвати*, *доспѣти* употреблялся в древнерусском языке в нескольких значениях. С оттенком «приготовиться», «собраться», «поспешить» он нередко встречается в летописи. Так, еще в «Повести временных лет»: и наоутрина придоша печенѣзи. почаша звати нѣ ли мужа. се нашъ *доспѣлъ* (ЛЛ, 123). Известен этот глагол и летописцам — современникам автора «Слова о полку Игореве». В той части Ипатьевской летописи, которую можно связать с Петром Бориславичем, глагол *доспѣвати* употребляется особенно часто. Встречается он и в авторской речи: Изаславъ же то слышавъ нача *доспѣвати* (ЛИ, 374); полци же начаша *доспѣвати* (ЛИ, 436). Но, по-видимому, особенно часто обращался к этому слову князь Изяслав Мстиславич. В его речи оно встречается постоянно: Изаславъ же ре(ч) имѣ... а всако сего поути не хочу ѿ(т)ложити. а вы *доспѣваите* (ЛИ, 344); ре(ч) имѣ Изаславль посоль... поидите по мнѣ к Чернигову. на Олгови(ч) *доспѣваите* ѿ(т) мала и до велика (ЛИ, 348); и ре(ч) ему посоль Изаславль... а се брате стрьи мои градеть на ма. а брате *доспѣваи*. какоже Володимеръ *доспѣваеть* (ЛИ, 374). Впрочем, употребляют его и другие князья, о которых пишет Петр Бориславич: Вачеславъ же ре(ч) ко Изаславу и к Ростиславу. се есмы бра(т)я оуже. *доспѣли* (ЛИ, 428); Рюрикъ... посла в Галичь. к Володимерю. река емоу... назъ съжю *доспѣвъ*. жда ѿ(т) ни вѣсти правою (ЛИ, 697—698).

Как правило, в древнерусских текстах глагол *доспѣвати* употребляется без зависимых падежных или предложно-падежных форм. Однако как глагол с оттенком значения целенаправленного действия

³⁶ Там же, с. 9—11.

³⁷ История русской литературы, т. 1, с. 313—314.

он — потенциально — не отрицает возможности сочетания с зависимыми формами, передающими значение направленности. Словосочетание *доспѣти на брань* в «Слове о полку Игореве» представляет в некотором роде исключение, с одной стороны, и первичную реализацию в речи потенциальных сочетаемостных возможностей указанного глагола — с другой. Тем более интересно, что именно в летописи «Мстиславова племени» трижды встречается этот глагол, управляющий винительным падежом с предлогом *а*: онѣ же ре(ч) сноу тако ти и гораздо готовъ боуди на передѣ иди. *доспѣти же на поути* (ЛИ, 343); Вачьславъ же и Изаславъ начаша *доспѣвати. на Гюргя* к Переяславлю (ЛИ, 441); Томъ же лѣтъ. Изаславъ Мстиславичъ. нача *доспѣвати на Ярослава Володимирича.* къ Галичь (ЛИ, 465).

Как и глагол *доспѣвати*, существительное *обида* особенно часто встречается в той части Киевской летописи, которая связана с Петром Бориславичем. По мнению исследователей, в XII—XIII вв. это слово принадлежало к феодальной терминологии. Его основное значение — «нарушение права», «несправедливость»³⁸. В значении «оскорбительное нарушение прав», «нанесение ущерба для чести» употребляются слово *обида* и князья, о которых пишет этот летописец: Володимеръ же ре(ч) аже бра(т) Сtosлавъ не приѣхалъ. ни сестричичъ твои. а вѣ есвѣ. а мы вси хр(с)тъ цѣловали на томъ ако где твоа *обида* боудеть. а намъ быти с тобою (ЛИ, 367); и тако новгородци и плесковичи снидоша(с) на вѣче. и ре(ч) имѣ [Изяслав Мстиславич] се бра(т)е снѣ мои вы прислалиса есте ко мнѣ. ѿже вы обидить стрьи мон Гюрги на есмь пришелъ съмо остава Роускоюю землю. ва(с) дѣла и ваши(х) дѣла *обидѣ* (ЛИ, 370).

В «Слове о полку Игореве» существительное *обида* дважды употреблено с предлогом *за*: *за обиду* Олгову (Слово, 16); *за обиду* сего времени (Слово, 29). Соответствующую конструкцию находим в следующем высказывании: Вачьславъ и Изасла(в)... тако рекоста... но аче твоа *обида* где а нама дай бѣ ту самѣмъ быти *за твою обиду* (ЛИ, 420). Другое выражение: не было онѣ *обидѣ порождено* (Слово, 11) не имеет такого точного соответствия в летописи «Мстиславова племени», однако довольно близкую параллель к нему дает высказывание Изяслава Мстиславича, повторенное дважды: в то же верема посла Изаславъ. к Вачеславу и къ Гюргеви. река тако брата еста моа... не хочета ли того. всего исправити. то на *вѣ бидѣ* (Х. П. — *в обидѣ*) не могу быти (ЛИ, 394); Изаславъ же якоже баше рекль. переже. *вѣ обидѣ* не могу быти. и тако ѿправаса вѣ хр(с)тно(м). целование (ЛИ, 395).

В летописном языке XII в. существительное *сила* нередко обозначало «войско», «воинство». В этом значении знает его и Петр Бориславич, который в отличие от других летописцев-современников употребляет это слово и во множественном числе: и тако изидоша нов-

³⁸ Лихачев Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве»: — В кн.: «Слово о полку Игореве»: Сб. исслед. и ст./ Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, с. 84.

городци противу ему три днищъ. а инни всими силами оустрѣтоша. и днища ѿ(т) Новгорода (ЛИ, 369); и тако поидоша новгородци. съ Изаславомъ. всими силами своими (ЛИ, 370); чернии клобуци... приѣхаша къ Изаславу всими силами (ЛИ, 400); кияне же всими своими силами и на конѣхъ и пѣши и тако сташа (ЛИ, 427). Ср. в «Слове о полку Игореве»: Встала обида въ силахъ Дажь-Боже внука (Слово, 19).

От слова *сила* в близком значении образовано приведенное под 1150 г. прилагательное *сильный* в смысле «могущественный», «обладающий большой властью»: и начаша чернии клобуци молвити. Изаславу кнже сила его велика. а оу тебе мало дружины. даже не переидеть на ны чересь рѣку. не погуби на(с) ни сам не погынн но ты нашъ кнзь коли *синь* [переправлено в *силень*]. будеши (ЛИ, 401). В таком же смысле употреблено *сильный* в Киевской летописи еще раз и тоже в тексте, принадлежащем Петру Бориславичу: а королеви тако рекоста [Вячеслав и Изяслав]... ны(н) тако же свое дѣло сверши добро. самого тебе не зовемъ. зане же црѣ ти ратень. но пусти на помочь. любо таку же паки а *силнѣишию* того пусти на. съ бра(т)мъ с моимъ Мьстиславомъ а с наю спомъ зане же Гюргии есть *силень*. а Двдвичи и Слговичи с нимъ суть (ЛИ, 420—421). В «Слове о полку Игореве»: А уже не вижду власти *сильнаго*, и богатаго, и многовои брата моего Ярослава (Слово, 26—27).

В Киевской летописи это прилагательное употребляется также с оттенком «крепкий», «неприступный»: и ре(ч) ему [Изяслав Мстиславич] тамо брате оу тебе по бзѣ. Новъгородъ *силныи*. и Смолнескъ (ЛИ, 455).

В значении «хорошо вооруженный, боееспособный» употреблено прилагательное *сильный* при существительном *полк* в «Слове о полку Игореве»: Бяшетъ притрепеталъ своими *сильными* плѣкы и харалужными мечи (Слово, 21). Словосочетание *сильныи полкъ* дважды встречается в летописи «Мстиславова племени»: и то ре(ч) ему король се ти пуцаю полкы своа... аче ти са *полки* иструдать. а на *силнѣишии* поуццю другыа (ЛИ, 385); и ре(ч) имъ [Изяслав Мстиславич]... а мы поѣдемъ въ свои Киевъ. а въ *силнии* полкъ в киевский. аже въѣдемъ в нѣ. то азъ вѣде ти са за ма биють (ЛИ, 413—414).

В. Н. Перетц по поводу сочетания *сильный полк* писал: «Характерно, что, несмотря на широкое употребление эпитета «сильный» и наличность слова «полк» в живом языке, сочетание их в устной традиции неизвестно: оно существует, пока сохраняет свою действенность стилистическая традиция «Слова». В украинской устной традиции этот эпитет редок: орда сильна... также малоупотребителен он и в белорусской устной традиции: росы сильныя... сильные ягодки»³⁹.

Остается добавить, что летописцы — современники Петра Бориславича, как правило, употребляли прилагательное *сильный* в дру-

³⁹ Перетц В. Н. К изучению «Слова о полку Игореве». — Изв. АН СССР. Отд-ние рус. яз. и словесности, 1926, с. 184.

гих значениях. У Поликарпа и Моисея оно означает «пышный», «роскошный», а также «вельможный», «богатый», «знаменитый». Поликарп: на оутрии же днь повелѣ Гюрги оустроити *обѣдѣ силень* и створи ч(с)ть велику имъ (ЛИ, 340). Моисей: и тако плакавьшеса над нимъ. все множество новгородское. и *силнии* и хоудии. и нищии. и и оубо-зѣи. и черноризьцѣ (ЛИ, 610); створи же Рюрикъ. Ростиславоу велми *силноу свадбоу* ака же несть бывала в Роуси (ЛИ, 658).

Кузьмище Киянин вкладывает в слово *сильный* смысл «обладающий большой физической силой»: и по семь познавша. кназа. и бор-ху(с) с нимъ велми. башеть бо *силень* (ЛИ, 587).

В летописи «Мстиславова племени» встречаются и параллели к выражению *нѣ розно ся имъ хоботы пашутъ* «Слова о полку Игореве» (37). Исследователи приводят в этом случае отрывок из послания венгерского короля Изяславу Мстиславичу: црѣ на ма грецкыи встаетъ ратью. и сеѣ ми зимы и весны нѣ лзѣ на конь к тобѣ всѣсти. но обаче ѿ(т)це *твои щитъ и мои не розно еста*. аче ми самому нѣ лзѣ. а помочи коли хочеши... а то ти послю (ЛИ, 407). Другой пример находится под 1195 г., т. е. относится к последним годам деятельности Петра Бориславича: и рекоша емоу Казимеричи. мы быхомъ тобѣ радѣ помоглѣ. но обидитъ насъ. стрыи свои Межька ищеть под нами волости а переже ѿправи насъ. а быхомъ былъ *вси лахове не раздно*. но за *одинемъ быхомъ щитомъ* былъ с тобою и мьстили быхомъ ѿбиды твоа (ЛИ, 686—687).

Как и во многих других случаях, здесь также проявляется связь двух частей произведения Петра Бориславича и «Слова о полку Игореве»⁴⁰.

Одним из наиболее поэтичных мест «Слова о полку Игореве», которое рассматривают как своеобразный рефрен, является дважды повторенное предложение-восклицание: А Игорева храбраго плѣку не крѣсити (20, 32). По мнению Д. С. Лихачева, это выражение создано на основе формулы, которая возникла еще в дофеодальный период и означала отказ от родовой мести. Именно в этом смысле ее употребляет в «Повести временных лет» княгиня Ольга: оуже миѣ мужа своего *не крѣсити* (ЛЛ, 56). В «Слове о полку Игореве» это выражение употреблено в более позднем значении — как формула утешения⁴¹. Единственным для этого времени (кроме «Слова о полку Игореве») источником, содержащим данное выражение в таком же смысле, является Киевская летопись под 1151 г.: и слыша Изяславъ плачущаса надъ братомъ своимъ Володимеромъ и тако ѿстава свою немочь. и всадиша и на конь. и ѣха тамо. и тако плакашеть над ни(м) акы и по братѣ свое(м) и долго плакавъ и ре(ч) Изаславу Двдвичю. сего нама оуже *не крѣсити* (Л, 439).

Привлекает внимание и следующее место «Слова о полку Игореве»: Игорь плѣкы заворочаетъ: *жалъ бо ему мила брата Всеволода*

⁴⁰ О том, почему в «Слове» говорится не о щитах, а о стягах, см.: Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический. — В кн.: «Слово о полку Игореве». М.; Л., 1950, с. 460—461.

⁴¹ Лихачев Д. С. Устные истоки..., с. 83.

(18). В Киевской летописи приведен ответ князей Давидовичей Изяславу Мстиславичу, включающий сходный оборот: они же рекоша.

бра(т) цѣловали есме кр(с)тъ къ Стославоу. Олговичю. *жалъ бо ны естъ бра(т) нашего держиши. Игоря а онъ оуже чернець и скимникъ. а поусти брата нашего а мы подлѣ тебе ѣздимъ* (ЛИ, 346).

При рассмотрении приведенного ответа следует учесть то важное обстоятельство, что послом Изяслава Мстиславича, ведшим переговоры, мог быть, по мысли Б. А. Рыбакова, Петр Бориславич⁴². Вряд ли выражение это скоро изгладилось из памяти посла-летописца, тем более, что вскоре Игорь был убит и в летопись вновь пришлось записать следующее послание родственников убитого князя: Володимиръ же Изаславъ Двдвича. и Стославъ Олгови(ч) и Всеволодичъ Стославъ. послаша слы свои къ Изаславоу Мстиславичю ищюче мира. и тако рекоуче. то естъ было пре(ж) дѣдъ наши(х) и при о(т)цихъ наши(х). миръ стоить до рати. а рать до мира. ны(н) же на на(с) про то не жалоуи. оже есмы оустали на рать. *жалъ бо ны естъ бра(т) своего Игоря* (ЛИ, 364).

На страницах летописей не часто описывается такая братская согласованность действий, какую проявляют в «Слове о полку Игореве» Игорь и Всеволод. Пожалуй, так дружно действовали в свое время лишь два других брата — Изяслав и Ростислав Мстиславичи; по крайней мере, так описывал их Петр Бориславич. Не раз приходилось Изяславу поджидать младшего брата: Изаславъ поиде потиха *ожидаи* брата своего. Ростислава (ЛИ, 357); и приде Изаславъ на Волгоу... и тоу *жда* брата своего Ростислава д. дни (ЛИ, 370). Как не вспомнить тут строки: Игорь *ждетъ* мила брата Всеволода (Слово, 7).

Сходство еще увеличится, если проанализируем речь-послание Всеволода: И рече ему Буи Туръ Веволодь: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлы — ты, Игорю! оба есвъ Святъславличя; сѣдлаи, брате, свои брѣзьи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди» (7—8). Сходные речи и послания Ростислава к старшему брату засвидетельствованы Ки вской летописью: и ре(ч) Ростиславъ братоу своему Изаславоу. се на брате бѣ искоупиль. оу мѣсто (ЛИ, 357). Ростиславъ же то о(т)вѣща брато (X. П. — *брату*) своему Изаславоу ре(ч). брате кланая ти са. ты еси мене старѣи а како ты вгадаеши а ѣзъ в томъ готовъ есмь (ЛИ, 365). Намерение предупредить любое желание старшего брата выражено Ростиславом своего рода воинской формулой. Ср. в речи Всеволода: «а мои ти готови». Остается добавить, что и вызывающее дискуссии продолжение фразы Всеволода «а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди» имеет параллель в обращении Изяслава к племяннику Святославу: онъ же ре(ч) сноу тако ти и гораздо готовъ боуди на передѣ иди. *доснѣи же на поути* (ЛИ, 343).

⁴² Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова...», с. 289, 385.

Наречие *на передѣ* согласуется здесь с прилагательным *готов* и, как и в «Слове о полку Игореве», имеет значение «раньше».

Стиль Петра Бориславича характеризует и отсутствие точных дат. В отличие от других летописцев — своих современников он редко пользуется церковным календарем. Для его текстов характерно иное распределение событий, отличающееся приблизительностью, и разговорные формы отсчета времени. Например: Петрови же *выѣхавши*. из Галича и *бѣ* ему *оуже вечеръ*. и леже оу Болшевѣ. и *накоже бы(с) оубо къ куроумъ*. и пригна дѣтский ... *нако бѣ еше до обѣда*. и тако из града пригнаша по Петра (ЛИ, 463). Подобное дробление временных отрезков встречается и в других текстах этого автора. Отмеченный в них характер делового отчета, военного донесения, можно думать, связан с традицией посольских отчетов. Ср.: Под 1148 г.: в *не-*

(д)лныи днь Изаславъ исполчи воа своа поиде противоу имъ. и нѣлзъ бы емоу и(х) полкомъ доѣхати тоу рѣкою. но стрѣлци са о ны *быахоуть* о(т) обоихъ и бы(с) *на тоу (но)чь* дожчь великъ велми. *на оутрѣи же днь* Изаславъ видивъ оже Днѣпръ казится и ре(ч) к моужемъ своимъ... и то рекъ Изаславъ поиде за Днѣпръ в *понедѣльникъ*. и *оутрѣи днь* роушиса Днѣпръ (ЛИ, 362). Под 1151 г.: Вачеславъ же Изаславъ и Ростиславъ... сами поидоша къ Треполю. и пришедше ко Треполю тоу же и *сташа на ночь*. *оутрѣи же днь*. *накоже слнцю въсходящю*. Вачьславъ же Изаславъ и Ростиславъ. поидоша о(т) Трепола Киевоу (ЛИ, 427); *въ четвержьныи же днь переже слнца* Вачьславъ же и Изаславъ. и Ростиславъ проидоша валъ на ч(с)тое поле. и поидоша битса кде же стоаше Дюргии и слючимъ слы межи собою о миръ Олговиче(м) же и половцемъ не дадучимъ миритиса. зане скоры баху на кровопролитье. стоащимъ же имъ *до вечера*. перешедъ Гюрги за Руть ста. *свитающю же пятаку*. исполчивъ Изаславъ. воѣ поиде к нему. Дюргии же не хоташе и еше битиса. но ожидаше Володимера. Изаславу же паче приступающю (ЛИ, 434—435).

Следует подчеркнуть, что сходная манера отсчета времени, далекая от принятой в древнерусском летописании, наблюдается и в «Слове о полку Игореве»: *Другаго дни велми рано* кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ (12); *всю ночь съ вечера* бусови врани възграяху (23); *дорискаше до куръ* Тмуророканя (36); *Погасоша вечеру* зари... *Комонъ въ полуночи* Овлуръ свисну (40).

Все случаи лексической и синтаксической близости «Слова о полку Игореве» и предполагаемого произведения Петра Бориславича в нашей работе не исчерпаны. Тем не менее, приведенные доказательства, по нашему мнению, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что в той части Киевской летописи, которая может быть приписана этому автору, сконцентрирована большая часть общей со «Словом о полку Игореве» лексики и сходных грамматических конструкций.

Политические взгляды, династические симпатии и литературная манера Петра Бориславича позволили Б. А. Рыбакову говорить о такой его близости к автору «Слова о полку Игореве», которая ведет к их полному тождеству. Эту гипотезу специалисты по истории

древнерусской литературы рассматривают как единственную, построенную на научных основаниях. По мнению Д. С. Лихачева, все прежние предположения об авторе «Слова» (Митуса, Беловолод Просович, Ольстин Олексич, княгиня Агафья Ростиславна и др.) по существу не имели никаких оснований, кроме того, что современник событий мог написать о «былинах» своего времени. Литературный талант и широкая историческая осведомленность автора «Слова» в этом случае совершенно произвольно приписывались тому или иному лицу. «Именно сравнение текстов, — отмечает ученый, — позволяет Б. А. Рыбакову сделать ряд сопоставлений: указать на «единство времени и места жизни» летописца и автора «Слова», на одинаковые симпатии и антипатии их, на сходство в оценках конкретных князей и их деяний, на «удивительное единодушие» в оценке политической структуры Руси XII в. Летописный текст позволяет судить о наличии у Петра Бориславича литературного таланта... И хотя Б. А. Рыбаков формулирует свою гипотезу весьма осторожно («поразительное сходство, переходящее порой в тождество, почти всех черт обоих произведений... не позволяет полностью отбросить мысль об одном создателе этих двух одинаково гениальных творений»), важно принципиальное отличие этой гипотезы от упомянутых догадок об авторе «Слова» — перед нами разноаспектное сопоставление, основанное на реально существующих текстах»⁴³.

3. СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕТОПИСНОЙ ЛЕКСИКИ И ВЕРСИЯ О КНЯЖЕСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ АВТОРА «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

В последнее время участились публикации, в которых выдвигаются все новые и новые кандидатуры на роль автора «Слова о полку Игореве». Как правило, его выбирают из ближайшего окружения организатора похода, не смущаясь тем, что какие-либо письменные тексты претендента на авторство отсутствуют.

В плане выявления автора «Слова о полку Игореве» представляет интерес сопоставление приемов наименования лиц правящей верхушки, как использованных в этом памятнике, так и принятых в летописании XII в. Древнерусские летописцы строго различают здесь свою манеру и манеру лица, о котором идет речь.

В первую очередь обратим внимание на термины *князь* и *господин*. Если следовать логике исследователей, желающих во что бы то ни стало приписать создание «Слова о полку Игореве» лицу княжеского происхождения, то именно употребление в нем существительного *князь* окончательно убеждает в верности их предположения. Так, В. Чивилихин утверждает: «О социальном положении автора красноречиво говорит и одно из наиболее употребительных слов поэмы, властно держащее внимание читателя в определенном круге понятий. Слово это, к которому то и дело обращается автор-князь, — «князь».

⁴³ Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. — Л., 1983, с. 340—341.

Оно в поэме встречается тридцать пять раз! Всего же князья упоминаются более ста раз, в том числе по именам, отчествам, «фамилиям», то есть по именам дедов, посредством обращений, местоимений, художественных сравнений, метафор, а также иносказательно, подчас в сложной форме»⁴⁴.

Между тем факты свидетельствуют о противном. Летописи XI—XII вв. не засвидетельствовали ни одного случая употребления слова *князь* при обращении самих князей друг к другу. Почти не встречается оно в их речи и при упоминании других лиц своей среды. Например, в произведениях Владимира Мономаха существительное *князь* встречается 11 раз для обозначения половецких предводителей. Но ни разу не употребил он это слово, рассказывая о событиях, связанных с древнерусским бытом. Здесь автор-князь пользуется иной терминологией. Например, в автобиографии: паки ходихомъ. том же. лѣ(т). со *ощь* и со *Изясла(а)вомь* битьса Чернигову. с Борисомъ. и побѣдихомъ Бориса и Олга... а на ту зиму повоеваша половци Стародубъ. весь. и азъ шедъ с черниговци и с половци. на Деснѣ изьимахо(м) князи Асадука. и Саоука. и дружину ихъ изьбиша... и пото(м) Огль на ма приде с Половечьскою землею к Чернигову... и вдахъ *брату* оца своего мѣсто (ЛЛ, 248—249).

В письме к Олегу: зри *бра(т)* оца наю. что взаста или чи(м) има. пороть. но токмо оже еста створила дщи свои. но да сими словесы посл(а)вше баше переди *бра(т)* ко мнѣ варити мене (ЛЛ, 253); али бгъ послу(х) тому с *брато(м)* твоимъ радилися есвъ. а не поможеть радитиса бес тебе. и не створила есвъ лиха ничтоже. ни рекла есвъ сли к *брату* дондеже улади(м)са (ЛЛ, 254—255).

И только в определенных ситуациях князья все же произносили слово *князь*. Например, в 1151 г. Изяслав Мстиславич, которого хотели убить свои же воины, не узнавшие раненого владыку, вынужден был, по словам летописца, заявить им: кнзь есмь (ЛЛ, 438). Любопытно продолжение диалога. Узнав, что перед ним князь, один из воинов произнес: а такъ ны еси и надобъ. Он принял Изяслава за врага и нанес ему несколько ран прежде, чем тот успел объяснить: азъ Изяславъ есмь. кнзь вашъ (ЛЛ, 439).

Случаи такого рода, конечно, были редкими. Обычно, общаясь с лицами своего круга, князья употребляли для их называния определенную лексику.

Рассмотрим обращения к князьям-современникам, которые использовал, по свидетельству летописи, один из главных героев «Слова» Святослав Всеволодич. Они представляют особый интерес в связи с тем, что в ряде случаев адресованы тем же лицам, которым шлет свои призывы автор «Слова о полку Игореве». Р о м а н у Р о с с т и с л а в и ч у: *брате* на не ищю подъ тобою ничего же. но радъ нашъ такъ есть оже са князь извинить. то въ волость. а моужь у головуу.

⁴⁴ Чивилихин В. Память. — Наш современник, 1984, № 3, с. 116.

а Двѣ виновать ѿнъ же того не створи (ЛИ, 603—604). Р ю р и к у
Р о с т и с л а в и ч у: б р а т е и с в а т о у. назъ сна своего послалъ. не
на та поводити корола. но назъ послалъ на свое оруудье. аже хочеть
ити на Галичь. да се азъ с тобою готовъ (ЛИ, 663). В с е в о л о д у
Ю р ь е в и ч у: б р а т е и с н о у. много ти есмь добра творилъ. и не ча-
залъ есмь сакого возмедъа ѿ(т) тебе. но же еси оумыслилъ на ма зло
и налъ сна моего. да не далече ти мене искати. ѿ(т)стоупи дале ѿ(т)
рѣчкы тоѣ дай ми поуть. ать ближе к тобѣ перееду, ать на(с). росоу-
диль бѣ (ЛИ, 619).

Отличительной особенностью этих обращений, в полном соответ-
ствии с традициями XII в., является использование существительных,
обозначающих родственные отношения, хотя на самом деле, как от-
мечает И. Я. Фроянов, «родственная лексика — своеобразная вуаль,
«сквозь которую просвечивают отношения политические, и в частности
вассальные»⁴⁵. Таким положением вещей объясняется, например, то,
что в одном случае Святослав Всеволодич признает своих младших
родственников Романа и Рюрика Ростиславичей равными себе «братъ-
ями», а в другом называет Всеволода Юрьевича, двоюродного дядю
по матери, не только «братом», но и «сыном», подчеркивая тем самым
его подчиненное положение.

Летопись свидетельствует, что в дружеском разговоре князья
могли и просто называть друг друга по именам. Например, Святослав
Всеволодич, обращаясь к своим родственникам, героям «Слова о полку
Игореве», говорит: се азъ старѣе. Ярославъ. а ты Игорю старѣе. Все-
волода. а нынѣ на вамъ во ѿца мѣсто ѿсталса. а велю тобѣ Игорю сдѣ-
ѿстати съ Ярославомъ. блюсти Чернигова. и всеѣ волости своеи. а на
поиду съ Всеволодомъ. к Соуждалю и възию сна своего Глѣба
(ЛИ, 618). Оба эти способа могли соединиться, что и видим в обра-
щении князя Мстислава Изяславича к Владимиру Андреевичу: б р а т е
В о л о д и м и р е ц и давно еси хр(с)тъ цѣловалъ ко мнѣ. и волость взалъ
еси оу мене (ЛИ, 543).

Соединение терминов родства с именами наблюдается особенно
часто в разговоре, когда речь идет о третьем лице, что вызвано необ-
ходимостью точного его определения. Например: вы еста ко мнѣ хр(с)тъ
цѣловала. на томъ. ѿже вы б р а т а И г о р я не искати (ЛИ, 366); по-
вѣдалъ ми б р а (т) Д в ѣ д ѣ (ЛИ, 535); мнѣ б р а т ѣ Я р о с л а в ѣ тако молвить
(ЛИ, 549); азъ есмь брате готовъ есмь всегда и нынѣ. но послы ко
б р а т о у Я р о с л а в о у. и поноуди его. а быхомъ поѣхалъ вси (ЛИ, 654).

Указанные особенности употребления терминов родства и личных
имен наблюдаются в так называемом «Золотом слове» Святослава:
Тогда великий Святославъ изрони злато слово слезами смѣшено, и
рече: «О моя сыновья, Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половец-
кую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати... А уже не вижю влас-

⁴⁵ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории.—
Л., 1980, с. 54.

ти сильного, и богатого, и многовои б р а т а моего Ярослава (Слово,
26—27).

Великий князь называет здесь своих двоюродных братьев Игоря
и Всеволода сыновьями-племянниками в феодальном смысле этого сло-
ва. Ср. обращение Игоря Святославича к Святославу Всеволодичу,
зафиксированное летописцем: ѿче д(об)ро башеть тишина. но же са
оуже не годило. по абы ны бѣ далъ ты сдорозъ былъ (ЛИ, 616).

Далее, однако, картина резко меняется. Всеволод Юрьевич, кото-
рого летописный Святослав Всеволодич считал своим вассалом,
для автора «Слова» становится великим князем, а «брат и сват» Рюрик
превращается в господина-повелителя. Вот эти строки: В е л и к и й к н я з е
В с е в о л о д е! Не мыслию ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблю-
сти? Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти.
Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногать, а кощей по резанѣ. Ты
бо можеша посуху живыми шерешеры стрѣляти, удалыми сыны Глѣ-
бовы. Ты буи Рюриче и Давыде!.. Вступита, г о с п о д и н а, въ злата стре-
мень за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы,
буге Святславича! (Слово, 28—30).

И недаром, вероятно, исследователи давно отделили «Золотое
слово» самого Святослава Всеволодича от призывов автора «Слова
о полку Игореве», который находился на иной социальной ступени.
Именно он, нужно думать, ввел в состав обращений от своего лица
термины *князь* и *господин*, которых сами повелители Руси, как пра-
вило, избегали.

Существительное *господин* в составе обращений к старшим кня-
зьям-родственникам в летописях все же встречается, но только в со-
четании со словами, обозначающими родственные отношения. Напри-
мер, в 1154 г. Ростислав Мстиславич «поклонися отцю своему Вяче-
славу и рече ему: велми радъ г н е ѿ (т) ч е имѣю та ѿ (т) ц ѣ м ѣ г н о м ѣ .
накоже и братъ мой Изяславъ имѣлъ та. и въ твои воли былъ (ЛИ,
471). В 1187 г. Владимир Галицкий «посла ко Всеволодоу. ко оуеви
своемоу. в Соуждаль и молася емоу: ѿче г (с) н е. оудержи Галичь подо
мною. а назъ бжии и твои есмь со всимъ Галичемъ. а во твои воли
есмь всегда» (ЛИ, 667).

Люди, стоящие на более низкой социальной ступени, обращаясь
к своим повелителям, должны были употреблять термины *князь* и *гос-
подин*. И в данном случае автор «Слова о полку Игореве» только сле-
довал обычаю. Так, Киевская летопись под 1147 г. упоминает некоего
Коснятка, мужа Святослава Ольговича, который прислал ему следую-
щее предупреждение: к н я з е доумаютъ [Давидовичи] ѿ тобѣ хотать
яти аче по та и прислета бра(т)на. не ѣзди к нима (ЛИ, 328). Под 1149 г.
киевляне на вопрос Изяслава и Ростислава Мстиславичей, готовы
ли они сражаться за них до конца, отвечают: г н а наю к н я з я не погубита
на(с) до конца... поедита въ свои волости (ЛИ, 383). В разговоре
с Володимиром Володаревичем Галицким киевский боярин Петр Бо-
риславич несколько раз употребляет слово *князь*: и ре(ч) ему Петрѣ

кнѣже кр(с)тъ еси къ брату своему. къ Изаславу и къ королеви цѣловаль. како ти все оуправити. и с нима быти. то ти оуже еси състоупиль кр(с)тѣного цѣлованиа. и ре(ч) Володимиръ. сии ли кр(с)тѣць малыи. ре(ч) Володимиру Петръ. кнѣже аче кр(с)тъ малъ. но сила велика его есть (ЛИ, 462).

Летопись свидетельствует, что подданные могли добавить к термину *князь* личное имя. Например, представители киевского веча говорили Святославу Ольговичу: а нынѣ *кнѣже Стославе* цѣлоуи намъ хр(с)тъ и за братомъ своимъ. аще комоу на(с) боудеть обида да ты прави (ЛИ, 321—322).

Языковые данные, таким образом, не подтверждают предположения ряда исследователей, настаивающих на принадлежности автора «Слова о полку Игореве» к княжеской среде. Та специфическая терминология вассальной зависимости, которую в процессе становления Русского государства выработали его правители, оказывается чуждой речи создателя этого памятника. Обращаясь к князьям, он придерживается тех приемов, которые применяли в общении с ними бояре, дружинники и горожане.

В конце 1983 г. вышло в свет второе издание книги Д. С. Лихачева «Текстология». Наряду с другими вопросами, которые рассматриваются в этом труде, привлекает внимание и вопрос об установлении авторства. «Существенное значение в определении авторства следует придавать совпадению показаний разнородного характера — пишет выдающийся советский исследователь древнерусской литературы. — Если к установлению авторства приводит группа разнородных признаков, например, основанных на анализе языка и стиля, идейного содержания, на косвенных указаниях в тексте самого произведения и в документах эпохи, на анализе почерка, — то доказательность атрибуции значительно повышается. Мы могли бы сравнить атрибуцию по разнородным признакам с определением точки в пространстве по нескольким координатам»⁴⁶.

⁴⁶ Лихачев Д. С. Текстология, с. 337.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ XI—XII вв. В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

1. ПОСЛАНИЯ

Исследователи отмечают интерес к государственной и дипломатической деятельности властителей Руси XII в., которым Киевская летопись отличается от других произведений этого жанра¹. Из материалов документального характера, входящих в ее состав, особенного внимания заслуживают послания князей, которые нередко приводятся полностью и включаются в окружающий текст при помощи глаголов говорения как прямая речь отправителя. Эта особенность, как полагают некоторые ученые, свидетельствует о том, что дипломатические поручения в XI—XII вв. передавались через послов устно, а на страницы летописи попадали уже после неоднократных повторений. В связи с таким положением княжеские послания и другие материалы дипломатического характера, включенные в древнерусские летописи, как лингвистический источник в настоящее время не рассматриваются².

Существует и другое мнение: один из авторов Киевской летописи имел доступ к княжескому архиву и использовал в своей работе находящиеся в нем документы. Предположение о том, что Киевская летопись сохранила подлинную дипломатическую переписку XII в., представляется убедительным, но требует дополнительных доказательств, в частности тщательного изучения языка самих княжеских посланий.

Между тем дипломатический язык как разновидность языка древнерусской деловой письменности изучен недостаточно. Объясняется это тем, что подлинные документы этого жанра от древнейшего периода не сохранились, а в летописных текстах филологи, преимущественно литературоведы, склонны видеть литературную обработку устной традиции. Так, по мнению Д. С. Лихачева, в XI—XIII вв., а частично и позже, на Руси сохранялись формы дипломатических переговоров, выработанные еще до принятия письменности. Важнейшее в этих формах заключалось в том, что все переговоры велись устно, через словесные передачи послов. «Обычай „ссылаться речми“, а не грамотами, — пишет ученый, — был очень прочным. Хотя происхождение его восходит, несомненно, к дописьменному периоду истории Руси, тем не менее и позже, даже спустя несколько веков после

¹ История русской литературы XI—XVII вв. — М., 1980, с. 83.

² Исключение составляют лишь договоры Руси с греками X в. Как известно, отсутствие оригиналов не помешало длительному и тщательному изучению их языка по текстам, сохранившимся в составе летописных списков более позднего времени.

введения письменности, русские послы по-прежнему изустно говорят порученные им «речи», не занося их на грамоты. Развитие письменности не изменило этого обычая»³.

Эта мысль повторяется и в других трудах Д. С. Лихачева⁴, поддержана она была также рядом советских литературоведов⁵. И. П. Еремин, например, писал: «Не всегда имея возможность лично договариваться, князья постоянно общались между собою при помощи своих доверенных лиц, порою даже в том случае, когда находились друг от друга на расстоянии двух шагов»⁶. Развивает его мысль О. В. Творогов. Он считает, что в быту берестяное «письмо» оказывалось пужнее, чем в сношениях князей, располагавших опытными послами, запоминавшими наизусть «речи», которые они произносили от лица своих сюзеренов⁷.

Тезис об отсутствии письменных форм общения в древнерусской княжеской среде, принятый в литературоведении, был поставлен под сомнение лингвистом Г. А. Селивановым, возразившим против недооценки роли письменности в этот период. «Отмеченная близость „речей“ к грамотам,— пишет он,— будет вполне понятна, если учесть наличие давних традиций в дипломатической и юридической областях жизни Древней Руси. „Речи“ как форма дипломатических документов упоминаются в связи с грамотами (харатьями) уже в первых договорах русских князей с греками. Так, в договоре Игоря (945) говорится, что были записаны на харатью речи представителей обеих сторон; в том же договоре упоминаются речи греческого царя Романа (ПВЛ — по Софийской I летописи). В договоре Святослава (971) летописец сообщает, что на харатью были записаны все речи Святослава: „Царь же радъ бысть и повеле писцю писати вся речи Святослава на харатью“»⁸.

Эти интересные наблюдения, к сожалению, не были разработаны автором и не нашли поддержки в лингвистической литературе. Некоторые исследователи, затрагивающие вопросы дипломатической терминологии, его не касались⁹. Другие примкнули в этом отношении к положениям Д. С. Лихачева. Так, например, поступил Ф. П. Сер-

³ Лихачев Д. С. Русский посольский обычай XI—XIII вв.— Ист. зап., 1946, т. 18, с. 47.

⁴ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение.— М.; Л., 1947, с. 100—144; Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы.— М.; Л., 1952, с. 91—110.

⁵ Душечкина Е. В. Художественная функция чужой речи в русском летописании. Учен. зап. Тарт. ун-та, 1973, вып. 306. Тр. по рус. и славян. филологии, т. 21, с. 68—69; Творогов О. В. Сюжетное повествование в летописях XI—XIII вв.— В кн.: Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970, с. 57.

⁶ Еремин И. П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики).— М.; Л., 1966, с. 109.

⁷ Творогов О. В. К вопросу о периодизации литературы Киевской Руси.— Рус. лит., 1983, № 4, с. 123.

⁸ Селиванов Г. А. Из наблюдений над прямой и косвенной речью в древнерусском языке.— Учен. зап. Абакан. пед. ин-та, 1960, вып. 5, с. 69—70.

⁹ Костючук Л. Я. Устойчивые словосочетания в древнерусском деловом языке: По грамотам XI—XIV вв. Структурно-грамматическая характеристика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Л., 1964.— 22 с.

геев, в трудах которого исследуется лексика XI—XVII вв., относящаяся к сфере международных обязательств, дипломатического этикета, посольского права, дипломатических привилегий и иммунитета, анализируются наименования дипломатических документов¹⁰. Такое понимание нашло признание и у других исследователей древнерусского языка¹¹. В. В. Колесов, например, пишет: «Ритмика создавала художественный текст уже в самых древних произведениях славянского словесного искусства, без нее они просто не могли бы существовать во времени, потому что невозможно запомнить большой текст без скрепляющего его части ритма... Таким образом, вся древнерусская литература оказывается «поэтической», поскольку вся она ритмизована — и летописи, и даже деловые тексты, например послания от одного князя к другому, поскольку гонцы заучивали их наизусть как стихи и исполняли их перед адресатом»¹².

С другой стороны, некоторые советские историки свободно обращаются с указанными материалами, принимая их за письменные документы без всяких оговорок, например, В. Л. Комарович¹³, В. Т. Пащуто¹⁴, с чем, конечно, согласиться нельзя.

Более приемлемой представляется позиция Б. А. Рыбакова. Еще в 1949 г. он осторожно указал на возможность использования в летописях дипломатических документов, хранившихся в архивах: «Целый ряд княжеских речений послам, союзникам и врагам носит характер не устной речи, записанной летописцем, а пересказа подлинных грамот. В ряде случаев близость текста летописи к формулам грамот очень велика»¹⁵.

После открытия берестяных грамот, показавшего высокий уровень письменных сношений в Древней Руси, это предположение было разработано и в других трудах Б. А. Рыбакова. Например, он обратил внимание на то, что в Радзивилловской летописи, оригинал которой восходит к лицевому летописцу XII—XIII вв., гонцы и послы часто изображаются со свитками «речей» в руках. Есть там и изображение Изяслава Мстиславича, который принимает послов весной 1147 г. Послы в островерхих половецких колпаках вручают великому князю свитки. Представляет интерес и следующее наблюдение. В части летописи, посвященной Изяславу Мстиславичу, имеются тексты посланий врагов этого князя, которые не должны были быть известны

¹⁰ Сергеев Ф. П. Русская дипломатическая терминология XI—XVII вв.— Кишинев, 1971, с. 1—219; Сергеев Ф. П. Русская терминология международного права XI—XVII вв.— Кишинев, 1972, с. 1—220; Сергеев Ф. П. Формирование русского дипломатического языка XI—XVII вв.— Львов, 1978, с. 1—222.

¹¹ Молотков А. И. К истории синтаксических конструкций для передачи чужой речи в русском языке.— Учен. зап. Ленинград. ун-та, 1958, № 235. Сер. филол. наук, вып. 38. Исслед. по грамматике рус. яз., т. 1, с. 40; Кожин А. Н. Литературный язык Киевской Руси.— М., 1981, с. 48.

¹² Колесов В. В. Ритмика «Слова о полку Игореве»: (К вопросу о реконструкции).— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1983, с. 37, с. 15.

¹³ История русской литературы: В 10-ти т. М.; Л., 1941, т. 1, с. 295—296.

¹⁴ Пащуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.— М., 1968, с. 40—41, 156—157, 163—164, 169—170, 171—177, 180—181, 184, 242, 253, 260.

¹⁵ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова: Прил. 1.— Материалы и исслед. по археологии древнерус. городов, 1949, № 11, с. 95 (примеч.).

ни самому князю, ни его летописцу. Выясняется, однако, что именно процитированные тексты, если они, конечно, носили письменный характер, могли попасть в распоряжение автора жизнеописания Изяслава, так как в результате неожиданного нападения этот князь захватил военный лагерь Юрия Долгорукого, которому эти послания были адресованы¹⁶.

В книге «Русские летописцы и автор „Слова о полку Игореве“» Б. А. Рыбаков снова возвращается к мысли о введении в летопись подлинных документов, связывая этот прием с деятельностью летописца Петра Бориславича: «Последняя черта, которую хотелось бы отметить у этого летописца, — пишет Б. А. Рыбаков, — это стремление документировать свою хронику княжеских взаимоотношений подлинными документами, чем он напоминает летописца более раннего времени — Петра Бориславича. Пока он описывает сравнительно спокойные годы, мы не ощущаем этой документальности, но когда мы знакомимся с записями о бурных годах борьбы Рюрика с Романом, Ярославом и Всеволодом (1195—1196), то тут явно выступает желание летописца подтвердить правоту Рюрика подлинными текстами грамот, посланных князем или полученных им... Всего можно насчитать для этого периода свыше полутора десятков грамот. Некоторые из них довольно пространны и не сообщают никаких новых фактов, летописец вводит их в свою хронику, очевидно, потому что считает посылку грамоты тоже историческим событием, подлежащим фиксации»¹⁷.

Приведя различного рода аргументы подлинности текстов, включенных в летопись в качестве княжеских посланий, Б. А. Рыбаков подчеркивает, что в системе доказательств их письменной природы особенно важны наблюдения над языком¹⁸. В последнее время интересную попытку выделить письменные документы из состава древнерусских летописей предпринял историк А. В. Юрасовский¹⁹, однако данных языка он не учитывает.

Убеждение в длительности существования на Руси устной формы дипломатических переговоров сложилось до открытия берестяных грамот. В ту пору никто не мог предвидеть, какую огромную роль играло письмо в обыденной жизни наших предков. Тем не менее и в давно известных источниках имеются любопытные сведения, позволяющие взглянуть на этот вопрос с другой стороны. Таким источником является письмо Владимира Мономаха к Олегу Святославичу, которое до сих пор привлекало внимание лишь как памятник художественной литературы домонгольской поры. Между тем это письмо относится к дипломатическим документам, так как его главная цель — установление мира между двумя княжествами. Созданное в чрезвы-

¹⁶ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи.— М., 1963, с. 317—318.

¹⁷ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве».— М., 1972, с. 146.

¹⁸ Рыбаков Б. А. Древняя Русь..., с. 318.

¹⁹ Юрасовский А. В. Грамоты XI — середины XIV века в составе русских летописей.— История СССР, 1982, № 4, с. 141—150.

чайных обстоятельствах, послание Мономаха, естественно, не укладывается в рамки одного жанра. Сам автор называет его грамотой: да се ти написа(х) зане принуди ма снѣ твои... послуша(х) сна своего. написа(х) ти грамоту (ЛЛ, с. 252—253).

Особый интерес для нашей цели представляют те строки письма Мономаха, в которых он говорит об ожидаемом им ответе Олега. Они убедительно свидетельствуют, что князь рассчитывал получить послание отнюдь не в устной, а только в письменной форме. И даже называет будущий ответ в первый раз *писанье*: аще ю [грамоту Мономаха] приимеши с добромь. ли с поруганьемь. свое же оузрю на твое(м) писаньи (ЛЛ, 253). Далее синонимом древнерусского слова *писанье* снова выступает гречизм *грамота*, причем указан ее вид (грамота оутъшенная): а к бу баше покаитиса. а ко мнѣ баше *гр(а)моту* оутъшеную. а сноху мою послати ко мнѣ (ЛЛ, 253). Нужно отметить, что разнообразные названия письменных документов по цели их создания (вкладная, вольная, данная, дерновая, известительная, обидная и т. д.) известны в основном по памятникам с XIII в. Письмо Мономаха показывает, что модель «прилагательное + слово *грамота*» была известна значительно раньше.

Наконец из письма Мономаха выясняется и способ доставки послания. Его может привезти либо специальное лицо (посол), либо особа высокого духовного звания (епископ): да же начнеши каатиса бу. и мнѣ добро ср(д)це створиши. пославъ *солъ* свои или *п(с)на* и *грамоту* напиши. с *правдою*. то и волость възмешь с добромь (ЛЛ, 254). *Грамота с правдою*, очевидно, еще один вид дипломатического документа. Скорее всего, слово *правда* употреблено здесь в значении «присяга»²⁰ и является синонимом сочетания *крестное целование*. Таким образом, можно предположить, что в XI в. *грамота с правдою* — это позднейшая *крестная грамота*.

2. КРЕСТНЫЕ ГРАМОТЫ

Анализ языка летописных текстов дипломатического характера целесообразно начать с *крестных грамот*, само название которых убедительно свидетельствует об их письменной природе. И. И. Срезневский толкует сочетание *крестная* (= *хрестъная*) *грамота* как «всякая грамота, при утверждении которой целовался крест»²¹. Уточняя это толкование, В. Панов в комментариях к переводу Киевской летописи пишет: «Крестная грамота — грамота, содержащая условия мирного договора, на которой князья целовали крест, давая тем самым гарантию соблюдения договора»²².

Подлинные договорные документы сохранились только с конца XII в. — это договоры Новгорода с Западом, со второй половины XIII в. известны договоры Новгорода с князьями. Оригиналы между-

²⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Спб., 1895, т. 2, стлб. 1357.

²¹ Там же, 1893, т. 1, стлб. 581.

²² Древнерусские летописи / Пер. и коммент. В. Панова.— М.; Л., 1936, с. 351.

княжеских договорных грамот относятся к середине XIV в. Специально занимавшийся этим вопросом историк М. Б. Свердлов пришел к выводу, что упоминаемые в летописи XII в. как крестные — это «договорные грамоты»²³. По наблюдениям Ф. П. Сергеева, письменные клятвенные акты о соблюдении взятых главою государства (княжества) обязательств, вытекающих из заключенных международных договоров, в разное время носили разные названия: крестная грамота (XII—XV вв.), целовальная (крестоцеловальная) грамота (конец XIV—XV в.), шертная грамота (конец XV—XVII в.), присяжный лист (XV в.). Эти разновидности клятвенных документов, считает Ф. П. Сергеев, «можно квалифицировать как своего рода ратификационные грамоты»²⁴.

Впервые термин *крестная грамота* упоминается под 1144 г. Как можно заключить из контекста, речь идет о расторжении ранее принятых обязательств: В то же лѣто. роскатороста. Всеволодь с Володимѣромъ про сна ѿже съде снѣ его Володимири. и поча на са искати вины. и Володимерко възверже емоу *грамотоу хр(с)тъноюу*. Всеволодь же с бра(т)ею иде на нь (ЛИ, 314—315).

Из дальнейшего описания событий второй половины XII в. в Киевской летописи о крестных грамотах как виде дипломатических документов можно получить следующие сведения. В случае невыполнения обязательств одним из договаривающихся правителей к нему отправляется специальный представитель (посол, муж) «съ хр(с)тьными грамотами» (ЛИ, 346), «съ кр(с)тьными грамотами» (ЛИ, 461), «со кр(с)тьными грамотами» (ЛИ, 693). Изложив претензии, как правило, от имени одного князя к другому, посол кончает их словами: а се твоѣ грамоты кр(с)тьныа (ЛИ, 461); а се ти кр(с)тъныа грамоты (ЛИ, 670); а се ти кр(с)тъныа грамоты (ЛИ, 693). После этого посол «поверже имъ грамоты. хр(с)тъныа» (ЛИ, 347) или «положа ему грамоты. кр(с)тъныа. лъзе вонъ» (ЛИ, 462). Если субъектом действия в таком описании является князь, то создается впечатление, что грамоты возвращает не посол, а он сам. Например, в 1195 г. Рюрик Ростиславич «к Романови посла ко затю своему моужи своа ѿбличи и и повѣрже емоу. кр(с)тъныа грамоты» (ЛИ, 686). И далее: Романъ же оублюдѣса тѣста своего. ажь емоу извѣрглъ кр(с)тъныа граты (Х. П.— *грамоты*) (ЛИ, 686).

По нашим данным, случаи упоминания крестных грамот в летописях XII в. малочисленны. В Киевской летописи терминологическое словосочетание *крестные грамоты* встречается 11 раз: под 1147 г. — два раза, под 1153 г. — три раза, пять раз в серии статей под 1195—1196 гг. — последними годами, по мнению Б. А. Рыбакова, летописной деятельности Петра Бориславича²⁵. Вызывает сомнение в принадлежности его перу лишь пример под 1144 г. Между тем это первый случай употребления данного сочетания в древнерусском летописании. Рас-

²³ Свердлов М. Б. Древнерусский акт XI—XIV вв.— Вспомогат. ист. дисциплины, 1976, т. 8, с. 64.

²⁴ Сергеев Ф. П. Формирование русского дипломатического языка XI—XVII вв., с. 47—48.

²⁵ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова...», с. 146.

смотрев окружающий контекст, можно увидеть, что фраза, включающая сочетание *крестная грамота*, является повторением начала летописной статьи, которую открывали слова: того же лѣта ходиша Ѡлговичи на Володимирька. Всеволодь съ братама (ЛИ, 315). Можно предположить, что Петр Бориславич использовал здесь материал кого-то из сторонников Всеволода Ольговича, оформив его текст своим зачином.

В пяти из отмеченных одиннадцати случаев словосочетание *крестная грамота* входит в оборот *положити (повергнути, възвергнути, извергнути) крестные грамоты*. Единственный пример Лаврентьевской летописи под 1196 г. является, по-видимому, извлечением из Киевской летописи в ее первичном виде: Рюрикъ же посла к великому князю Всеволоду. река брате и свате. Романко ѿ(т) на(с) ѿ(т)ступиль. и крѣ(с) цѣловаль къ Ѡлговиче(м). а брате и свате пошли *грамоты хрѣ(с)ныѣ поверзи* имъ. а са(м) поидѣ на конь (ЛЛ, 413). В тексте Киевской летописи, который дошел до нас, послание Рюрика Ростиславича приведено не полностью и соответствующей фразы с сочетанием *крестные грамоты* в нем нет. Все же связь между двумя текстами бесспорна: се же слышавъ Рюрикъ. ажь Романъ ѿ(т)стоупильса ко Ѡлговичемъ. и поводитъ Юрослава на старѣишинство. и поча Рюрикъ домати с братьею своею. и с моужи своими. и посла ко Всеволоду повѣдаю емоу. ажь Романъ. прислалъса ко Ѡлговичемъ. и поводитъ и на Киевъ. и на все Володимере плема. а ты брате в Володимери племени старѣи еси насъ. а доумай гадаи. ѿ Роуской земли и ѿ своен чести и ѿ нашеи. а к Романови посла ко затю своему моужи своа ѿбличи и и повѣрже емоу. *кр(с)тъныа грамоты* (ЛИ, 686).

Как видим, и в Лаврентьевской и в Киевской летописях речь идет об одних и тех же текстах. Можно, таким образом, говорить, что в летописи использованы сведения совсем небольшого количества крестных грамот. К тому же сами эти сведения отрывочны, так как цитируемые фрагменты входят в состав княжеских посланий-речей, в которых говорится о хорошо известных обеим сторонам делах. В связи с этим они отрывочны и дают представление скорее о содержании, чем о структуре документа. Например:

1. вы есте кр(с)тъ цѣловали до живота своего. а волости Стослави и Игоревъ далъ ва (Х. П.— *вам*) есмь. нъ же с вами и Стослава прогналъ. а волость ва (Х. П.— *вам*) есмь изискалъ. и далъ Новгородъ и Поутивль. а жизнь есмы его взяли. а имъне его раздѣлилъ на части. а Игорево на взалъ. се же бра(т) хр(с)тъ еста перестоупила (ЛИ, 346—347).

2. ты брате к намъ кр(с)тъ целоваль. на Романовъ радуу. тако же нашъ братъ Романъ. сѣдѣлъ в Киевѣ. дажь стоиши в томъ радуу то ты намъ братъ. паки ли помина(е)шь давныа тажа. которыи былъ при Ростиславѣ. то стоупиль еси радуу мы са в то не дамы (ЛИ, 670). Эти примеры дают возможность заключить, что крестная грамота XII в., как и более позднего времени, состояла из двух частей: а) крестоцеловальной формулы и б) условий договора (ряда)²⁶.

²⁶ Ср.: Свердлов М. Б. Указ. соч., с. 64.

Строение крестоцеловальной формулы стандартно. В ее состав обязательно входит существительное *крестъ* в форме винительного падежа единственного числа и различные формы глагола *цѣловати* в конкретном значении «касаться губами какого-либо предмета». Слово сочетание *цѣловати крестъ* с течением времени стало устойчивым и приобрело переносный смысл «присягать». Новая семантика, как считают Л. Я. Костючук и Ф. П. Сергеев, повлекла появление новых синтаксических связей, не свойственных отдельным его компонентам вне данного сочетания: *цѣловати крестъ к кому (на чем)*²⁷. Однако ни Л. Я. Костючук, ни Ф. П. Сергеев не определяют времени появления новой семантики и новых синтаксических связей, хотя и то, и другое наблюдается уже в первых случаях употребления данной конструкции. Ср., например: *Посемъ же, мѣсяца июля въ 10 день, Изяславъ, Святославъ, Всеволод цѣловаши крестъ честный ко Всеславу* (ЛН, с. 186); и *на то(м) цѣловаши крѣс* (ЛЛ, 257).

Труднее судить о второй части крестной грамоты, так как ее иллюстрируют лишь отдельные предложения. Более или менее выразительны следующие примеры: *В то же верема. Изаславъ посла. к Володимеру Галичкому. Петра Бориславича съ кр(с)тными грамотами. зане тыи же башеть. и в Перемышли. с королевы мужи водилъ къ ху и ре(ч) ему Изаславъ кр(с)тъ еси к нама с королемъ цѣловаль. на то(м) ъко что Руской волости. то ти все воротити. и того еси всего не оуправилъ. ны(н) же азъ того не поминаю всего. но же хощени хр(с)тному цѣлованию оуправити. и с нама быти. то оузвотити моя города. на ни(х)же еси к нама с королемъ кр(с)тъ цѣловаль. не хощени ли дати то съступилъ еси кр(с)тного цѣлованиа. а се твоѣ грамоты кр(с)тныа. а нама с королемъ с тобою како бѣ дастъ* (ЛИ, 461—462).

Варианты к этому тексту приводились в летописи раньше:

1. *на томъ ти цѣловати хр(с)тъ. ъко что. руски(х) городовъ. то ти все възворотити и съ Изаславомъ быти. и его са не ѿ(т)лучити не брѣ* (Х. П. — *ни в добрѣ*) *ни въ лисѣ но всегда с ни(м) быти* (ЛИ, 452).
2. *се прислалъса еси к нама. а се нама далъ та былъ бѣ и волость твою по твоеи винѣ. ны(н) же ти въ гнѣва ѿ(т)даевѣ. и волости подъ тобою не ѿ(т)имаевѣ но на то(м) цѣловати хр(с)тъ што Руской земли волости. то ти възворотити все. и Изаслава ти(с) не ѿ(т)лучити. но на вси(х) мѣстѣ(х). с ни(м) быти* (ЛИ, 453).

3. *прислалъса еси к нама и своена вины каеши(с) тобѣ ти того всего ѿ(т)даваевѣ. и волости подъ тобою не взимаевѣ. но на томъ цѣлуи хр(с)тъ ч(с)тныи. что за тобою городовъ рускихъ. то ти все възворотити и Изаслава ти са не ѿ(т)лучити до живота свое(г). доколѣ же еси живѣ. но с ни(м) бити на вси(х) мѣстѣхъ* (ЛИ, 454).

Видимо, на основе этих текстов и был составлен не дошедший до нашего времени документ, на котором («на всемъ на томъ») Владимиръ Галицкий «цѣлова хр(с)тъ» (ЛИ, 454). Кроме перечисленных пунктов,

²⁷ Костючук Л. Я. Устойчивые словосочетания в древнерусском деловом языке..., с. 16; Сергеев Ф. П. Формирование русского дипломатического языка XI—XVII вв., с. 12.

в нем, должно быть, были указаны также города, которые обязывался вернуть галицкий князь, так как ниже сообщается, что Изяслав Мстиславич послал своих посадников в города «на ни(х)же баше хр(с)тъ цѣловаль. Володимиръ въ Бужескъ, въ. Шюмескъ въ Тихомль. оу Выгошевѣ. оу Гноиницю» (ЛИ, 454).

Существование трех вариантов позволяет предположить, что в середине XII в. условия договора структурно оформлялись как ряд инфинитивных предложений, следующих одно за другим. Такое предположение подтверждается изучением строения позднейших договорных грамот. Ср., например, отрывки договорных грамот Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем 1264 или 1265 г. (№ 1) и Тверского князя Михаила Ярославича с новгородцами около 1294—1301 гг. (№ 2).

№ 1

на семь кнже цѣлоуи х(с)тъ. къ всѣмоу новгороду. на цѣмъ то цѣловали дѣди. и ѿци. и ѿць твои ярославъ. новгородъ ти дѣржати. въ старинѣ. по пошлинѣ. что волостии всѣхъ новгородскихъ. того ти кнже не держати. своими моужи. нѣ дѣржати. моужи новгородскими. а даръ имати тебе ѿ(т) техъ волостии. а бес посадника тебе волостии не раздавати (Хрестоматия, 52—53).

№ 2

на семь князь михаило. цѣлуи кр(с)тъ. къ посаднику. и къ тысяцькому. и ко всемоу новгороду. кдѣ будетъ ѿбида новгороду. тобѣ потанути за новгородъ. съ братомъ своимъ съ даниломъ. и съ мужи съ новъ(го)родьци. а межю тѣбрью. и новагорода. розѣвъдъ по давной пошлинѣ. а кто будетъ закладень. позороваль к тобѣ. а жива в новгородской волости. тѣхъ ти са всѣхъ ѿ(т)ступити. новгороду. а кто будетъ давныхъ людии в торъжьку. и въ волоцѣ. а позороваль ко тѣбрьи. при ѿлександрѣ. и при ярославѣ. тѣмъ тако и съдѣти. а позоровати имѣ к тобѣ (Хрестоматия, 63).

Проведенное исследование показывает, что ко времени первой фиксации термина *крестная грамота* тип документа, им обозначаемый, уже имел четкую структурную организацию и языковую форму воплощения, которая не претерпела существенных изменений и в последующие века.

Установление близости крестных грамот, упомянутых в летописании XII в., и подлинных договорных документов более позднего периода особенно важно в связи с тем, что в летописи условия договора иногда перечисляются и без упоминания крестных грамот. Очевидно, и в таких случаях мы вправе видеть фрагменты оригинальных текстов. В Киевском своде упоминание о целовании креста нередко сопровождается перечислением условий, выполнение которых должно было гарантировать этот обряд. Например: и чѣлова к нему кр(с)тъ Гюрди ѡко искати емоу Игоря (ЛИ, 332); и на томъ хр(с)тъ ч(с)тныи целоваста [Изяслав Мстиславич и Вячеслав Володимирич]. ѡко не разлучити(с) има ни въ добрѣ ни въ злѣ но по ѿдному мѣсту быти

(ЛИ, 418); Рогъволодь же цѣлова к нимъ хр(с)тъ. на томъ яко не поманути ему всего того (ЛИ, 495); и на томъ цѣлова хр(с)тъ. Володимиричъ. къ Стославу яко имѣти ему его. въ ѿ(т)ца мѣсто. и въ всеи воли его. ему ходити (ЛИ, 509); и ту снимаса [Ростислав Мстиславич] на Лукахъ. съ сномъ и с новгородци. и цѣловаша новгородци хр(с)тъ к Ростиславу на то(м). якоже имъ имѣти сна его собѣ кнземъ а иного кнза не искати. оли са с ни(м) смрътью розлучити (ЛИ, 529); оурадивса [Ярослав Изяславич]. добръ. съ братомъ. и кр(с)тъ цѣловавъ. якоже ему. не подозрѣти волости подъ дѣтми его (ЛИ, 559); и кр(с)тъ к нему целоваль [Рюрик Ростиславич]. ажъ емоу под нимъ [волости] не ѿ(т)дати никоу же (ЛИ, 683); а к тѣсти своему Рюрикови. кр(с)тъ башеть целоваль [Роман Мстиславич] передъ тѣмъ. како са емоу Олговичъ. боле того лишити. а въ его волѣ быти и зрѣти на нь (ЛИ, 697).

Важно отметить, что в приведенных примерах условия договора составлены по той же модели, о которой шла речь выше, хотя автор и вынужден прибегать к переработке документа, чтобы включить его текст в летопись. Инфинитивные предложения (условия договора) он не только присоединяет к крестоцеловальной формуле при помощи союза *яко* (*како*), но и вводит в их состав косвенный субъект в форме дательного падежа. В результате вся конструкция приобретает характер сложноподчиненного предложения с придаточным цели. К. А. Тимофеев отмечает в таких придаточных предложениях оттенок должностования в форме обязательства²⁸.

В летописании XII в. сохраняется и более архаичная манера цитирования договорных документов, когда текст присяги (обещания) приводится от 1-го лица. Все отмеченные нами случаи ведут к летописи Поликарпа: и цѣлова к ни(м) хр(с)тъ [Юрий Долгорукий] яко иду оуже Суждалю (ЛИ, 445); на то(м) бо цѣловали баше хр(с)тъ к нему [полочане]. яко ты на(м) кнзь еси. и даи ны бѣ с тобою пожити. извѣта никакогоже до тебе доложити. и до хр(с)тного цѣлования (ЛИ, 494); цѣловали бо баху [Мстислав, Володимир и Ярослав] к нему хр(с)тъ преже яко тобѣ его ищемъ (ЛИ, 503).

Ср.: Въ се же лѣто ходи Всъволодь въ Русь Переяславлю, повелениемъ Яропльцемъ, а целовавъ крестъ къ новгородцемъ, яко хоцю у вас умерети (ЛНН, 22).

Наряду с этими можно отметить ряд переходных случаев. В одних отсутствует союз: Стославъ же да ему [город]. и кр(с)тъ къ нему цѣлова. помагати ему (ЛИ, 564); Всеволодь же Соуждальский. присла ко всимъ княземъ. и ко королеви в Лахы. и води на ко кр(с)тоу. на своемъ сестричѣ. Галича не искати николи же под нимъ (ЛИ, 667). Ср. употребление бессоюзной конструкции и конструкции с союзом в одном предложении: и тако цѣловаста хр(с)тъ. оу стою мчнку на

²⁸ Тимофеев К. А. Инфинитивные конструкции с союзом *яко* в древнерусском языке. — Учен. зап. Ленинград. ун-та, 1958, № 235. Сер. филол. наук, вып. 38. Исслед. по грамматике рус. яз., т. 1, с. 4.

гробъ. на томъ Изаславу имѣти ѿ(т)цмъ Вачеслава. а Вачеславу имѣти снмъ Изаслава. на томъ же и моужи его цѣловаша хр(с)тъ ако межи има добра хотѣти. и ч(с)ти ею стеречи. а не сваживати ею (ЛИ, 399).

В других случаях отсутствует косвенное дополнение: и на то(м) цѣловаста хр(с)тъ [Ростислав Мстиславич и Мстислав Изяславич] яко иного митрополита привести и(м) исъ Црагорода (ЛИ, 504); се же створи кнагини. сгадавши и с пискупомъ и с мужи кнза своего. с передними. и цѣловаша стго Спса (т. е. икону) на томъ. яко не послатиса. къ Всеволодичю. Новугороду (ЛИ, 522).

Любопытно, что в последнем случае один из участников повторяет слова присяги от первого лица: первое цѣлова пискупъ стго Спса и пото(м) дружина цѣловаша. и ре(ч) Гюрги. тысячкы намъ было не лѣпо. дати пискупу цѣловати. стго Спса. занеже... кнзии свои любиль.

и ре(ч) пискупъ того дѣла извѣщаюса передъ вами. да бѣ ми будеть. и того рожьшиа (свидетели?) яко не послати ми къ Всеволодичю. никимже. ѿобразомъ. ни извѣта положити (ЛИ, 523). Последний пример указывает на пережиточное явление — следы того времени, когда договоры заключались устно. В данном случае, возможно, так и было, поскольку речь идет не о межгосударственных делах, а о том обещании, которое епископ и дружина покойного князя дали его вдове. Относительно языкового оформления интерес представляет следующий момент. Обязательство, которое дает черниговский епископ, выражается личными предложениями, то есть сказуемые этих предложений — личные формы глагола. Однако можно предположить, что данный текст был все же записан. Об этом как будто свидетельствует приведенная выше конструкция с инфинитивом.

Об устном произнесении обязательства, которым, по-видимому, сопровождалась процедура целования креста, свидетельствует еще одна запись того же летописца Поликарпа: рекль бо баше Всеволодичъ. хр(с)тъ цѣлуа. а брата ти надѣлю Игоря. и Всеволода (ЛИ, 523—524).

Условия заключения договора в летописи упоминаются неоднократно, чаще всего в этом значении употребляется слово *ряд*. Например: Вачеславъ послуша брата своего и свата. Володимира. приемъ въ ср(д)ци слова его. потькнуса к *раду* и к любви (ЛИ, 393); Того же лѣ(т). исходачи разболѣса. князь Мстиславъ. Изаславичъ. въ Володимири. бѣ же. ему. болезнь. крѣпка. и нача. слати. къ брату. Ярославу. *радовъ* дѣла. ѿ дѣтехъ. своихъ (ЛИ, 559); Рюрикъ же сдоума с моужи своими. посла посолъ ко Ярославоу. хотя и свѣсти в любовь со Всеволодомъ и с Давыдомъ. и води и кр(с)тоу. како емоу не востати на рать. до *радоу* (ЛИ, 690).

Упоминание о ряде иногда сопровождается перечислением условий, на которых заключался договор. Например, после слов «потькнуса к раду и к любви» следует текст: тако оуладишаса Изаславъ съступи Дюргеви Киева а Дюрги възврати всѣ дани Новгородкыи Изаславу. и егоже Изаславъ хоташе (ЛИ, 393).

Иногда содержание договора дается в форме прямой речи: а помани первый радъ. рекль бо еси оже на саду въ Киеву то на тебе надѣлю паки ли ты садеша въ Киевѣ то ты ме надѣли (ЛИ, 578); радъ нашъ такъ есть оже са князь извинить. то въ волость. а моужь оу головоу (ЛИ, 603—604).

Встречаются в летописях и различные формы глагола *радити*, т. е. договариваться: Васильковичъ же. и Володаревичъ, Галичский князь привабиша к собѣ Изаслава. Мьстислави(ч) и не *върадивъшеся*. възратиша(с) (ЛИ, 306); и тако начаша(с) *радити*. о волость шлюче межи собою. Рюрикъ и Двдъ и Володимиръ съ Мьстиславомъ. и оуладившеса о волость цѣловаша хр(с)тъ (ЛИ, 534).

В некоторых случаях содержание договора раскрывается и тут: оурадивса. добръ. съ братомъ [Мстислав Изяславич]. и кр(с)тъ цѣловавъ [брат Ярослав Изяславич]. ъкоже ему. не подозрѣти волости подъ дѣтми его (ЛИ, 559); Того же лѣ(т) поидоша Ростиславъчи на Михалька къ Торцькому и стошша около его. с. днии. а въ. з. днь. прислашаса къ нимъ. и оурадившаса тако. Михалко бо вохвати. къ Торцькому Переяславъ. и лишиса Аньдрѣи брата своего и Стослава Всеволодича Черниговского. а к Ростиславъчемъ приступи. бѣ бо тогда Рюрикъ в Киевѣ. баше бо тако оурадившеса ъкоже Володимѣра Ярославича. Галичскаго. сестричича Михалькова. дати Ростиславичемъ. и пустити и къ оцю а Ростиславичемъ. пустити Всеволода и Ярополка. и всю дружину (ЛИ, 571—572).

Наличие в одном письме Мономаха нескольких не отмеченных исследователями названий дипломатических документов свидетельствует о том, что дипломатическая терминология раннего периода изучена крайне недостаточно. И в самом деле, древние летописи пестрят такими словами, как *воля*, *жалоба*, *любовь*, *мольба*, *правда*, *твердь* и т. д. Можно предположить, что в XI—XII вв. некоторые из этих слов употреблялись и как названия дипломатических документов. С конца XV в. письменные акты, подтверждающие мирные отношения, дружбу и приязнь между правителями отдельных государств, носили названия *дружеская грамота*, *грамота о любви (о дружбе)*, *любительная грамота*, *приятельная грамота*²⁹. Возможно, однако, что ранее в таком значении употреблялся термин *любовь*, одним из значений которого было «мир, согласие, мирный договор»³⁰.

О понимании существительного *любовь* как текста мирного договора свидетельствуют примеры, где оно выступает синонимом слова *ряд* и связано с ним соединительным союзом *и*: Вачеславъ послуша брата своего и свата. Володимира. приемъ въ ср(д)ци слова его потъкнуса к *ряду* и к *любви* (ЛИ, 393). Такое значение подтверждает и описание событий, которые последовали в дальнейшем: Вачеславъ же нача брату молвити Гюргеви. брате мириса. хочеша ли не оуладившеса поити прочь. то ты са прочь а Изаславъ мою волость пожжетъ... тако

²⁹ Сергеев Ф. П. Русская терминология международного права XI—XVII вв., с. 85.

³⁰ Срезневский И. И. Указ. соч., т. 2, стлб. 89.

оуладившаса Изаславъ съступи Гюргеви Киева а Гюрги възврати всѣ дани Новгородкыи Изаславу. и егоже Изаславъ хоташе. и тако оуладившеса разѣхаша(с) и цѣлова кр(с)тъ и веснѣ приспѣвши миръ створиша (ЛИ, 393).

Значение «текст мирного договора» видим и в тех случаях, когда слово *любовь* входит в состав оборотов *послати (прислати, отпустить)* и т. д.) с *любовью*. Например: и *прислашаса* полотьчане къ Стославу Олговичю. с *любовью* *нако имѣти* о(т)цѣмъ собѣ. и *ходити* в послушаньи его. и на то(м) целоваша хр(с)тъ (ЛИ, 445—446); Ростиславъ же *посла* сна своего Романа старѣишаго Киеву с *любовью*. и оусрѣте и Мьстиславъ Вышегородъ. и ту распри бывше межи има (ЛИ, 503); Глѣбъ же възва Мьстислава. на обѣдъ к собѣ и многы дары давъ ему о(т)пусти и с *любовью* (ЛИ, 541). Особенно выразителен здесь первый пример, где значение слова *любовь* раскрывается придаточным инфинитивным предложением с союзом *нако*.

В этом свете представляет интерес и оборот *цѣловати крестъ на (всеи) любви*: которые то грѣхъ оже на любви хр(с)тъ цѣловати. то ны собѣ на сп(с)ние (ЛИ, 345—346); Гюрги... о(т)да ему [Ростиславу Мстиславичу] гнѣвъ. и тако *целоваста* между собою хр(с)тъ на *всеи любви* (ЛИ, 477); и в то же верема Ростиславъ Мстиславичъ. Смоленский князь *цѣлова* хр(с)тъ съ бра(т)ею своею. съ разанскими князи на *всеи любви* (ЛИ, 482); и *цѣловаста* хр(с)тъ. межи собою. а *всеи любви*. тогда же и снашаса въ Лутавѣ. Изаславъ и Стославъ Олгови(ч) и снѣ его Олгѣ. Игорь. и Всеволодимиричъ Стославъ (ЛИ, 498). Можно полагать, что в приведенных примерах речь идет о тексте дружеского договора.

Значение «мир», «согласие» имеет существительное *любовь* в составе оборота *прятати (увести)* и т. д.) в *любовь*. По-видимому, здесь о письменном тексте речь не идет: Изаславъ же посла к Володимиру Галичскому. свату Гюргеву. гла ему *оуведи* ма в *любовь*. къ строеви моему (ЛИ, 391); Стославъ же Олговичъ поча молитиса свату своему Гюргеви. вела ему *прятати* в *любовь* снѣвца своего Всеволодича (ЛИ, 477); а ко Мьстиславу посла [Юрий Долгорукий] съ хр(с)тьнымъ. целованиемъ и того *прят* в *любовь* (ЛИ, 481); и многу молбу створиваше Гюрги Ярославичъ. высылаю. из города. къ Изаславу. река брате *прими* ма в *любовь* къ собѣ (ЛИ, 492); Рюрикъ же сдоума с моужи своими. посла посоль къ Ярославу. хота и *свѣсти* в *любовь* со Всеволодомъ и с Давыдомъ (ЛИ, 690).

С тем же значением употребляются обороты *сотворити любовь*, *совкупитися у любовь*: Гюрги же съде в Киевѣ. съимаса с Володимеромъ в Печерскомъ монастыри. и *сътвориста* *любовь* межи собою. велику (ЛИ, 402—403); Изаславъ же *свкупився* съ бра(т)ею. своею *оу любовь* (ЛИ, 515).

Значение «мир», «согласие» видим и в следующих случаях: и снашаса въ Лутавѣ. Изаславъ и Стославъ. Олговичъ и снѣ его Олгѣ.

Игорь. и Всеволодимиричь Стославъ. и бы(с) любовь велика. межи ими (ЛИ, 498); Том же ль(т) снимаса Ростиславъ съ Стославомъ Олговичемъ. Моровииски. м(с)ца маю въ ѿ днь бы(с) же създъ ею. на великую любовь (ЛИ, 504); и тако нужею поведеса Стославъ. ѿ(т) Ростиславли любви къ Изаславу (ЛИ, 514); се же оувѣдавши половци. ѿже кнзи не в любви живутъ. шедше в пороги начаша пакостити. Гречникомъ (ЛИ, 526); ко Всеволодоу и ко Двдвѣ. посла [Ярослав Всеволодичъ] моужь свои река емоу... ажь любишь с нами радъ правыи. и в любви с нами быти то мы любви не бѣгаемъ. и на всеи волѣ твоеи станемъ (ЛИ, 699). Ср. в «Повести временных лет»: и пребываше [Ольга] съ нимъ [Святославом] въ любви (ЛЛ, 60).

Наряду с существительным *любовь* в одном из значений употребляется также сочетание «прилагательное + существительное»: и се постигоша [Олега Святославича] посла Изаславли с любовью. с любовною рѣчью Всеогъ же ѿви мужемъ своимъ. Изаславлю рѣчь. башета оуже. бо и Всеволодича любовью сложилася. съ Изаславомъ... и вступи Всеогъ оу любовь. къ Изаславу. безъ ѿгна свѣта бы(с) же вѣсть Стославу. ѿже Всеволодича. и Всеогъ снѣ его сложилися любовью. съ Изаславомъ (ЛИ, 513).

Синонимом первого существительного *любовь* в этом примере выступает словосочетание *любная рѣчь*. Значение и того и другого термина, судя по контексту, — «предложения о дружбе». Ср. выше *грамота о любви (о дружбе) = любительная грамота*. В отличие от сочетаний со словом *грамота*, письменный характер которых не требует доказательств, сложный термин *любная рѣчь*, вероятно, свидетельствует о передаче мирных предложений устным путем, однако такое понимание не является единственным.

3. РЕЧИ

Изучение древнерусских летописей XI—XII вв. показывает, что существительное *рѣчь* нередко применялось как дипломатический термин в смысле «послание». Например: в то же верема посла. Игорь. къ Изаславоу ре(ч). се брата нашего бѣ поналъ. а стоишь ли въ хр(с)тъномъ целованьи. ѿнѣ же ни ѿ(т)вѣта емоу не дасть. противоу той рѣчи. ни посла к нему поустѣ (ЛИ, 322); Изаславль же посолъ приѣха оу Киевъ. повѣда емоу Стославлю рѣчь и что ему Володимиръ сказалъ (ЛИ, 376); и прислашася [половци] ѿбои къ Глѣбови. глаголюще бѣ посадилъ та. и князь Андрѣи. на ѿчѣнѣ свои. и на дѣдинѣ въ Киевѣ. а хожемъ. с тобою радъ положити. межи собою. и видемъ в роту. а ты к намъ. да ни мы начнемъ боатиса васъ. ни вы насъ. слышавъ же Глѣбъ рѣчь половѣчькихъ князии. и всхотѣ к нимъ на снемъ (ЛИ, 555); Рюрикъ же рче емоу ажь хочешъ со мною во правдоу любви. а даи ми поуть слати ко Всеволодоу и ко Двдвѣ а како са нагадавшѣ

вси тако же с тобою оуладимса. Рюрикъ бо того дѣла хоташе(т) послати посолъ свои во правдоу хота свести в любовь. но Ярославъ Рюриковъ рѣчи не имашеть вѣры. твора ѿкоже свѣчатиса хотать на нь (ЛИ, 695—696).

Особенно выразительно терминологическое значение существительного *рѣчь*, когда оно употребляется в форме множественного числа в составе таких дипломатических выражений, как *слати (послати) с рѣчьми, снашиватися рѣчьми* и т. п.: и посла Вацьславъ. и Изаславъ Мьстиславичъ. послы свои къ Всеволодоу. съ рѣчьми радитса. Всеволодъ же не хотѣ оучинити волѣ ихъ. и послѣдъ съдоумавъ. ѿже емоу безъ нихъ. нѣлъзъ быти. и давъ имъ. прошение. ихъ и кр(с)тъ к нимъ цѣлова (ЛИ, 306); бы(с) же лестъ въ берендичихъ. творахуть бо са битъ приѣздаче к городу. а снашивахуться рѣчьми межи собою. сему же началници быша Тудоръ Сатмазовичъ. Каракозъ Мнюзовичъ. и Карасъ. Кокѣи (ЛИ, 501); и болши вражда. бы(с) на Мьстислава ѿ(т) братѣ. и начаша са снашивати рѣчьми братѣи вси на Мьстислава. и тако оутвердившеса кр(с)тмъ братѣи (ЛИ, 543); рекъ ему [послу Мстислав] иди же ко князю и рчи емоу. мы та до сихъ мѣстъ. акы ѿца имѣли по любви. аже еси съ сакыми рѣчьми приславъ. не акы къ князю но акы къ подручнику и просту члвку а что оумыслилъ еси а тое дѣи. а бѣ за всѣмъ (ЛИ, 573).

В «Повести временных лет» под 1097 г. встречается оборот *сослатися рѣчьми*: и ста Стополкъ в градъ. а лахове на Бугу. и сослася рѣчьми Стополкъ с ляхы (ЛЛ, 269).

Под 1151 г. подробно описан обряд отправления посла «с рѣчьми». Послом на этот раз был сын великого киевского князя Мстислав Изяславич. Пригласив к себе венгерских рыцарей, которые помогали им в борьбе за Киев, князья Вячеслав Володимирич и Изяслав Мстиславич «тако рекоста имъ. поѣдѣте ко своему королеви. а к нашему затю а вѣ по васъ слевѣ сна свое(г) Мьстислава. а королеви казаста рекуча. бѣ ти помози брате. ѿже на еси тако помогъ. толико можетъ такъ оучинити братъ роженни. или снѣ ѿ(т)цю како же ты нама еси оучинилъ. вѣ же паки тобѣ брате молвивъ. ѿто слевѣ. к тобѣ сна своего. Мьстислава с рѣчьми» (ЛИ, 420).

Далее приводится текст речей, полных слов благодарности и надежды на новую помощь. О событиях, участниками которых стали посланные королем войска, в тексте не говорится совсем, но заканчивается он так: а все ти скажють твой мужи. и братъ твой Мьстиславъ како ны бѣ помогъ. и паки како са по на(с) ѿла Рускаѣ земля вса и чернии клобуци (ЛИ, 421). Очевидно, нужно понимать, что после вручения письменного послания о деталях похода должны были рассказать королю его рыцари и Мстислав устно.

Следует отметить, что союзнику Изяслава Мстиславича было передано поручение, касающееся личности самого посланника: брате бѣ ти помози. акоже и самъ молвишь. хр(с)тъ есмы цѣловали ѿко вси(м)

намъ быти за одинъ. нынѣ же брате *се мужь мои*. а ты пристави свои мужь. послѣвъ же ко Стославу Слговичю (ЛИ, 374).

Известны также случаи, когда слово *рѣчи*, сохраняя значение дипломатического термина, выступает в других связях. Так, оно может входить в состав сочетания *тяжкы рѣчи* и оборота *росправити рѣчи*: Мьстиславъ же крѣпко прашеса. по Климѣ. река тако не буде(т) Костантинъ въ митропольи. зане клал ми ѿ(т)ца Иванко же *възма тяжкы рѣчи*. и иде къ князю Ростиславу и пришедшу ему Смоленску и *росправивъ* всѣ *рѣчи* князю своему Ростиславъ же посла сна своего Романа старѣшаго Киеву с любовью. и оусрѣте и Мьстиславъ Вышегородѣ. и ту распри бывше межи има. Ростиславу Клима не хоташю. митрополитомъ а Мьстиславу Костантина не хоташю. иже баше сщєнъ патриархомъ. и великимъ сборомъ Костантина града. рѣчи продолжившиса. и пребывши крѣпцѣ межи ими. тако ѿ(т)ложиста ѿба ѿко не сѣсти. има на столъ митрополитьстемъ. и на то(м) цѣловаста хр(с)тъ ѿко иного митрополита привести и(м) исъ Црагорода (ЛИ, 503—504).

Сочетание *тяжкы рѣчи*, как можно заключить из контекста, указывает на послание, полное упреков, ответить на которое было нелегко. Действительно, выше говорилось: Мьстиславъ же крѣпко прашеса. по Климѣ. рѣка тако. не буде(т) Костантинъ въ митропольи. зане клал ми ѿ(т)ца (ЛИ, 503). Что касается оборота *росправити рѣчи*, то на основании приведенной выше цитаты его толкуют как «пересказать»³¹. Однако возможно и другое понимание. Ведь *речи* были *взяты* представителем Ростислава Мстиславича, а так как они могли иметь вид свитка, то для ознакомления с текстом их нужно было развернуть (росправити).

Несколько раз в летописях встречается оборот *являти рѣчи*: и начаша. приятьли. Мьстиславли повѣдати Василкови и Володиславу ѿже Володимиръ Мьстиславличъ. и Андрѣвичъ. и Ярославъ Мьстиславль братъ. и Рюрикъ и Двѣ цѣловали кр(с)тъ ѿкоже взати имъ волость оу Мьстислава. по своей воли. Володимиру къ своей волости Торцьскыи. съ всимъ Поросьемъ Андрѣвичю. Берестии. Ярославу Володимиру. Василко. же *възма*. мысль ихъ. посла ко Мьстиславу. Володимиру. *явлана* ему вси *рѣчи* ихъ Мьстиславъ же посла къ свои(м) ротникомъ. къ Ярославу оу Галичъ. и къ лахомъ. и къ Всеволодко-вичамъ *явлана* имъ *твердъ* братъ (ЛИ, 533).

На наш взгляд, значение приведенных примеров достаточно прозрачно. Целую крест, князя скрепили письменное соглашение (крестоцеловальную грамоту) о разделе волостей. Сняв с нее копию (възма. мысль ихъ), Василько отослал ее Мстиславу. В свою очередь из этой копии Мстислав приказал сделать три для своих союзников, чтобы они могли убедиться в подлинности договора (*тверди*) братъи. Ср.: Стославъ Слговичъ. скупаса съ Изаславомъ Двдвичемъ. оу Хоробра. и *оутвердися* ѿкоже за одинъ мужь быти и цѣловавше межи

³¹ Срезневский И. И. Указ. соч., Спб., 1912, т. 3, стлб. 169.

с(б)ою кр(с)тъ. и разѣхастаса кождо въ свояси (ЛИ, 465); Том же лѣтъ прислашаса новгородци къ Мьстиславу просаче сна оу него. и дасть имъ Романа. и болши вражда. бы(с) на Мьстислава ѿ(т) братъѣ. и начаша са снашивати рѣчми братъи вси на Мьстислава. и тако *оутвердившеса* кр(с)тъмъ братъи (ЛИ, 543).

Понимание оборота *являти речи* как «показать письменный текст» вытекает также из следующего отрывка послания Рюрика Ростиславича Роману Мстиславичу: *назъ переже* всихъ даль есмь тобѣ волость сю. но же Всеволодъ наслалъ на ма жалоунаса про тебе. ажь есми на немъ. ч(с)ти не положили преже *наже* есми тобѣ *явлалъ* вси рѣчи его (ЛИ, 685). Не противоречат такому пониманию и наблюдения лексикографов, толкующих одно из значений глагола *явити* как «предъявить». Приведены следующие примеры: А сю *грамоту* писалъ есмь собѣ душевную и *явилъ* есмь отцю своему Олексѣю митрополиту (Дух. гр. Дм. Ив., д. 1378 г.); а кто будетъ мои волостель, или доводщиця, или таможници, инѣ имъ *грамоту явятъ* (Жал. гр. Тол. мон. ок. 1400 г.)³².

Следует отметить, что существительное *рѣчи* употребляется далеко не всегда, когда говорится о дипломатических сношениях князей. Нередко встречается в таких случаях только глагол, который указывает на сам факт переговоров, но как они осуществляются, остается неизвестным. Например: а они стоавше три дни за Городьцемъ. в бору. идоша Чернигову. и ѿ(т)удъ *слоче* *межю* собою. створиша миръ (ЛИ, 296); В сѣ же лѣто. сѣдшу Всеволодоу Киевъ. и тогда *нача слатися* къ ВолодимERICемъ. и ко Мьстиславичема. хотя мира с ни(м) и вабаше князъ Изаслава Мьстислава изъ Володимера. и не *въсхотѣша* ко Всеволодоу того створити. но *сѣсылахоуться* сами *межи* собою хотаче на нь поити Киевоу (ЛИ, 304); и тако са начаша ладити. Вачеславъ же и Гюрги. Изаславъ *слоче* *межи* собою. ѿкоже баху рекли Изаславъ же хоташе вси(х) дании к Новугороду новгоро(д)-цкыхъ. акоже ест и переже было. и тако не оуладиша(с) (ЛИ, 388); А Изаславъ же *нача слати*. к Вачеславу. Вышегороду. а Вачеславъ къ Изаславу *начаста* ладитиса (ЛИ, 398); И приде Изаславъ ис Киева с полки своими. и Мьстиславъ Изаслави(ч) с нимъ и Стославъ Володимиричъ. и сташа противу собѣ ѿб рѣку. и *начаша слати* *межю* собою и тако оумиришеса. и хр(с)тъ целоваша. *межи* собою (ЛИ, 490); Рюрикъ же *сослався*. со Всеволодомъ. сватомъ своимъ. и с Двдомъ братомъ своимъ. *послаша* къ Стославу (ЛИ, 670).

Гораздо чаще летописец отмечает, что один из князей отправил к другому своего посла. Приводится и текст послания, который вводится различными формами глаголов говорения: В то же верема Изаславъ посла посоль свои. къ Ростиславоу братоу своему. въ Смоленскъ. и *ре(ч)* емоу брате се Володимеръ Изаславъ Двдвича. хр(с)тъ к нама была цѣловала и доумоу доумала поити с нама на стрѣя наю.

³² Там же, стлб. 1633.

и хотѣла со мною. лествю оубити ма. хотача. но бѣ и сила кр(с)тънаа оубоувила. а оуже брате. кде есме были доумали. поити на стрѣя своего. то оуже тамо не ходи. но поиди. сѣмо ко мнѣ. а тамо на ради новгородци. и смолнаны ать оудержать Гюрга. и к ротнико са сли. и в Рязань и всамо (ЛИ, 347); послаша [черниговские князья] слы свои къ Изаславоу Мьстиславичю ищюче мира. и тако *рекоуче*. то есть было пре(ж) дѣдъ наши(х) и при ѿ(т)цихъ наши(х). миръ стоить до рати. а рать до мира. ны(н) же на на(с) про то не жалоуи. ѿже есмы оустали на рать. жалъ бо ны есть бра(т) своего Игоря. а того есмы искали. абы ты поустилъ брата наше(г) аже оуже бра(т) нашъ оубить. а пошелъ к бви а тамо намъ вси(м) быти. а то бви правити. а мы доколѣ хочемъ Роускоюю землю гоубити. а быхомъ са оуладили (ЛИ, 364); и се слышавше Ольговичи и ради быша. Стославъ Всеволодичъ. и вси братыа его послаша мужъ своѣ къ Андрѣви. поводаче и на Ростиславичѣ. а *рѣкуче* ему. кто тобѣ ворогъ. тоти и намъ. а се мы с тобою. готови (ЛИ, 572).

В некоторых случаях упоминается даже имя посла: Володимеръ же Галичской присла къ Андрѣви. *Василка Ярополчича*. река поиди брате ко мнѣ (ЛИ, 410—411); Того (ж) лѣ(т). нача Андрѣи вины покладывати. на Ростиславичи. и присла къ нимъ. *Михна*. река тако. виданте ми Григора. Хотовича. и Степаньца и Олексу Стословца. нако тѣ суть оуморилѣ брата моего Глѣба. а то суть ворозѣ всимъ намъ (ЛИ, 569). В первом случае исполнителем воли Галицкого князя является Василко Ярополчич — лицо княжеского происхождения. Во втором — один из придворных слуг Андрея Боголюбского мечник Михно. В роли посла он упоминается еще раз: и посла [Андрей Боголюбский] *Михна мѣчника*. ѣдъ к Ростиславичемъ рци же имъ. не ходите в моеи воли. ты же Рюриче поиди въ Смолньскъ. къ брату во свою ѿчну а Двдвч рци а ты поиди въ Берладъ. а в Руськой земли не велю ти быти. а Мьстиславу молви в тобѣ стоить. все. а не велю ти в Руской землѣ быти (ЛИ, 573).

Молодые князья нередко выполняли дипломатические поручения: снвца своего Мьстислава. посла [Рюрик Ростиславич] в Галичъ. к Володимерю. река емоу. зать мои перестоупилъ радъ. и воевалъ волюсть мою. а ты брате ѿ(т)толѣ со сновцемъ моимъ. воюита волюсть его (ЛИ, 697).

Послом могло являться и лицо духовного звания: и послаша кинане еп(с)па Демьяна. Канѣвского. *рекуче* поеди Киеву. ать не возмуть на(с) половци. ты еси на(ш) кнзъ а поѣди (ЛИ, 476).

Во всех приведенных примерах, как видим, послу поручался текст, который он не мог изменить и передавал, соблюдая грамматические формы первого лица — от лица пославшего. Единственное отступление наблюдается в записи по 1159 г., принадлежащей по всем данным Поликарпу. Здесь посланный передает поручение своего князя не от его, а от своего собственного имени: Стославъ же посла по немъ

Георгина. Иванови(ч) Шакушана брата и постиге и [Изяслава Давидовича] оу Василевѣ. и нача ему молвити. не велить ти братъ починати рати. а всако велить ти са воротити (ЛИ, 499)³³. Что касается ответа Изяслава, то он внесен в летопись с соблюдением всех правил дипломатического этикета. Хотя перед Изяславом Давидовичем находится лишь посол Святослава Ольговича, он обращается непосредственно к последнему: съ яростью ѿ(т)вѣща ему. вѣдомо ти буди брате всако не ворочюса. оуже есмь пошелъ (ЛИ, 499). Далее по традиции обращается к послу, называя его по имени, и поручает ему передать Святославу сказанное им: но се молви Георгии брату Стославу ѿже ты самъ [т. е. Святослав Ольгович] (ни) идеши ни сна пустиши. аже ми бѣ дасть оуспѣю Галичю. а ты тогда не жалоуи на ма. ѿже са почнешъ попользвати. и Щернигова к Новугороду (ЛИ, 499).

Если опускается и упоминание о после, то оборот приобретает вид: *посла... река (глаголя), посла и рече* и т. п. Например: Стославъ же прослезивъса ре(ч) пославъ къ Юргѣви. оу Соуждалъ. брата ма. Всеволода бѣ помлѣ. а Игоря Изаславъ ѿль. а поиди в Роускоюю землю. Киевою мл(с)рдовавъ мы налѣзи(м) брата. а азъ ти сде. надѣвса бѣзъ и силѣ животворящаго хѣ боудоу ти помощникъ (ЛИ, 329); и присла Глѣбъ к Володимиру и къ Стославоу Ольгови(ч) и ре(ч) емоу и деть на ма Изаславъ. а поустите ми помочъ (ЛИ, 360); Володимеръ же Двдвич посла къ Изаславоу река емоу се Гюрги стрѣи твои и деть на та (ЛИ, 374). Изаславъ же посла к Володимиру Галичскому. свату Дюргеви. гла емоу оуведи ма в любовь. къ строеви моему и своему свату Дюргеви (ЛИ, 391); Вачеславъ же посла по Стослава. по Всеволодича. река емоу ти еси Ростиславу снѣ любимыи. тако же и мнѣ. а поеди сѣмо ко мнѣ (ЛИ, 470).

При отсутствии же глагола *слати* создается впечатление, что князья просто разговаривают друг с другом: и ре(ч) Стославъ Ольгови(ч) къ Изаславу Мстиславичю. а вороти ми товара брата моего со што любо. а на с тобою буду (ЛИ, 375); Изаславъ же съ яростью ѿ(т)вѣща емоу [Святославу Ольговичу]. вѣдомо ти буди брате всако не ворочюса. оуже есмь пошелъ (ЛИ, 499); и ре(ч) Андрѣи [Боголюбский] Романови [Ростиславичу] не ходиши в моеи воли съ братьею своею. а поиди с Киева. а Двдъ исъ Вышегорода. а Мьстиславъ из Бѣлагорода. а то вы Смоленескъ. а темъ са подѣлите (ЛИ, 569—570); Рюрикъ же рче емоу [Роману Мстиславичу]. наъ переже всихъ далъ есмь тобѣ волюсть сю (ЛИ, 685). Аналогично в «Слове о полку Игореве»: Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече емоу Буи Туръ Всеволодъ: «Один братъ, одинъ свѣтъ свѣтлыи — ты, Игорю! оба есвѣ Святѣславличя;

³³ Ср. обращение гонца Ярослава Галицкого к Петру Бориславичу: кнзъ ти молвить не ѣзди никаможе. но жди ту доколѣ по та выслу (ЛИ, 463).

сѣдлаи, брате, свои бръзый комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на преди...» (Слово, 7).

Казалось бы, основания говорить об устной природе исследуемых текстов есть. Д. С. Лихачев, например, доказывает длительность существования устной формы дипломатических сношений ссылками на «Повесть временных лет»: «Порядок этих пересылок «рѣчьми» отмечен в летописи еще до такого периода, — пишет он, — когда русские послы явно не могли передавать письменных поручений. В тех же выражениях рассказывает летописец о посольских сношениях Ольги, Святослава и др. (Ср. под. 946 г.: «И стоя Ольга лето, не можаше взяти града, и умысли сице: посла ко граду, глаголющи...», а также под 971, 980 и другими годами)»³⁴. В более поздней работе он признает, однако, что послы сами записывали тот текст, который должны были передать: «Даже спустя несколько веков после введения письменности русские послы по-прежнему изустно говорят порученные им «речи», лишь записывая их для памяти, но не передавая самих этих грамот»³⁵.

Однако обратимся к другим древнерусским произведениям и посмотрим, каким образом вводились в них цитаты из других источников и целые документы. Рассматривая лексико-семантическую группу глаголов *dicendi*, Н. Г. Михайловская пишет: «Основная функция большинства данных глаголов заключалась в том, что через их посредство вводилась в текст прямая речь и церковно-книжные отсылки-цитаты. Тесную смысловую близость обнаруживают самые частотные члены группы *речи* и *глаголати* в значении «говорить», «сказать». Такое использование *речи* отражено во всех памятниках, независимо от их жанрово-стилистических особенностей»³⁶.

Как уже отмечалось, и Владимир Мономах и его сын Мстислав использовали в своей дипломатической практике письменные тексты. Вряд ли они были зачинателями такой переписки. Например, под 1069 г. в «Повести временных лет» приводится обмен посланиями между киевлянами и братьями Ярославичами, свидетельствующий о сравнительно устойчивой форме посланий этого времени: и створиша [киевляне] вѣче. (и) послашася къ Стославу. и къ Всеволоду глше. мы оуже зло створили ѳсмы. княза своего прогнавше. а се веде(ть) на ны Ладьскую землю. и поидѣта в градъ ѳца своего. аще ли не хочета. то на(м) невола. зажгоша гра(д) свои ступи(м) въ Гречьску землю. и ре(ч) имъ Стославъ. вѣ послевѣ к брату своему. аще поидеть на вы с лахы губити васъ. то вѣ противу ѳему ратью. не давѣ бо погубити града ѳца своего. аще ли хочеть с миромъ. то в малѣ придеть дружинѣ и оутѣшиста кынаны. Стослав же. и Всеволодъ. посласта к Изаславу глше. Всеславъ ти бѣжалъ. а не воді лаховъ Кыеву. про-

³⁴ Лихачев Д. С. Русский посольский обычай XI—XIII вв., с. 45.

³⁵ Лихачев Д. С. Повести русских послов как памятник литературы. — В кн.: Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954, с. 322.

³⁶ Михайловская Н. Г. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI—XIV вв. — М., 1980, с. 181.

тивн(а) бо ти нѣту. аще ли хочещи гнѣвъ имѣти и погубити гра(д). то вѣси нако нама жаль ѳтна стола. то слышавѣ Изаславъ (ЛЛ, 173).

Для нашего исследования особый интерес представляет способ включения в летописи древнейших документов. Считается доказанным, например, что договоры Руси с греками попали в состав «Повести временных лет» лишь в начале XII в. Как отмечает Е. В. Душечкина, они вводятся в летопись в форме чужой речи, представляя собой одновременно и документ и речи послов. При этом документ выступает как источник летописного текста, а композиционно он передается в форме речей послов. Вот, например, как говорится о заключении договора с греками в 912 г.: «Посла мужи свои Олег построити мира и положити ряд межю Русью и греки, и посла глаголя...» (25). Далее приводится полный текст договора. Под 945 г. приводится текст второго договора с греками, он опять же вводится в форме прямой речи послов, но в данном случае еще имеется указание на то, что речи послов были записаны: «Приведоша русския слы. и велеша глаголати и писати обоих речи на харатье» (34) — далее идет текст. Договоры Святослава с Византией вводятся аналогичным образом: «Нача глаголати сол вся речи и нача писец писати. Глаголя сице...»³⁷.

Исследовательница не обратила внимания на то, что договоры введены в окружающий текст при помощи обычной для XII в. формулы: посла... река (глаголя): В лѣто. ꙗ. ѳ. к. Посла Ѱлегъ мужи свои построити мира. и положити рады межю Грѣкы и Русью. и посла гла равно другаго свѣщаниа. бывшаго пр(и) тѣхъ же ц(с)рихъ. Лва. и Александра. ми ѳ(т) рода Рускаго. Карлы Инегелдъ. Фарлофъ. Веремудъ... иже п(о)слани ѳ(т) Ѱлга великаго кн(а)за Рускаго... (ЛЛ, 23).

Подтверждает факт включения в «Повесть временных лет» письменного текста то обстоятельство, что летописец не достаточно хорошо разобрался в его содержании. Возможно, ему было неизвестно церковнославянское существительное *равно* — «копия», «список»³⁸ и он счел возможным приписать Олегу бессмысленную фразу, которой начинался документ: копия дружеского совещания, происходившего при... Свою роль сыграл, очевидно, и автоматизм выработанных летописцем приемов.

Представляет интерес и то, что в свое письмо Владимир Мономах еще в конце XI в. ввел цитату из послания сына Мстислава при помощи той же формулы, которой пользовались летописцы: прислалъ [Мстислав] ко мнѣ мужьство (описка вместо *мужь свои*) и грамоту. река ладимьса и смѣри(м)са. а братцю моему судъ пришелъ. а вѣ ему не будевѣ местника. но възложивѣ на ба. а стануть си пре(д) бмѣ. а Русьскы земли не погуби (ЛЛ, 252). Из письма Мономаха, таким

³⁷ Душечкина Е. В. Художественная функция чужой речи в русском летописании. — Учен. зап. Тарт. ун-та, 1973, № 306. Тр. по рус. и слав. филологии, т. 21, с. 85—86.

³⁸ Срезневский И. И. Указ соч., т. 3, стлб. 10.

образом, определенно вырисовывается письменная форма переговоров, которые происходили во время усобицы Олега Святославича.

В изложении летописца форма переговоров этого времени представлена нечетко. Здесь видна особенность летописного стиля, проявляющаяся в том, что слово *грамота* и глагол *писати* не упоминаются, в результате чего весь контекст приобретает характерную форму устного сообщения. Например, об обращении Олега Святославича к сыну Мономаха Изяславу говорится так: посла Олгъ слы своѣ къ Изяславу гла (ЛЛ, 236). Приведенный далее от первого лица текст является княжеским посланием: иди в волость оца своего Ростову. а то е(с) волость оца моего. да хочю ту съда порады створити со оцмъ твоим(м). се бо ма выгналь из города оца моего. а ты ли ми здѣ хлѣба моего же не хочещи дати (ЛЛ, 236—237).

В той же манере сообщается в «Повести временных лет» о том, что Мстислав Владимирович трижды обращался к Олегу, приводятся отрывки его посланий. В первый раз отрывок включается при помощи формулы «посла... соль... гла», за которой следует текст: иди ис Суждала Мурому а в чужей волости не съди. и азъ пошлю молитса з дружиною своею къ оцю своему. и смирю та со оцмъ мой(м). аще и бр(а)та моего убилъ (еси). то есть недивно в рате(х) бо и цри и мужи погыбають (ЛЛ, 238). Два других — формулы в сокращенном виде: посылаше... гла азъ есмь мнии тебе слиса к оцю моему. а дружина юже еси заналь ворота. а назъ тебе во все(м) послушаю (ЛЛ, 238); посла... гла. не бѣгаи никаможе но пошлися к братьи своеи с молбою. не лишать та Русьскыѣ земли. и азъ пошлю къ оцю молитса ѿ тобѣ (ЛЛ, 240).

Сходство с манерой цитирования письменных текстов Мономахом можно обнаружить у одного из авторов Киевской летописи — Поликарпа. Например, под 1165 г. содержится следующая запись: и списавъ [епископ] грамоту. и посла къ Всеволодичю река тако. стрыи ти оумерль а по Олга ти. послали. а дружина ти по городомъ далече а княгини съдить. въ изумьньи с дѣтьми а товара множество оу нѣн. а поѣди вборзѣ. Олгъ ти ѣще не въѣхаль. а по своей воли възмещи радъ с нимъ. Стославъ же прочте грамоту вборзѣ. и посла сън свои в Гомии (ЛЛ, 523). Указано не только то, что грамоту писал сам епископ, но и подчеркивается, что князь прочитал ее лично. Однако содержание грамоты раскрывается все же традиционно при помощи формулы *река тако*.

Эту же манеру встречаем в летописях XIII в.: И присла митрополит грамоту в Новѣгород, река тако: «мнѣ поручилъ богъ архиепископью в Руской земли, вамъ слушати бога и мене; крови не проливайте, а Ярославъ всей злобѣ лишается, а язъ за то поручаюся; аще будет крестъ цѣловали, и язъ за то приму опитимью и за то отвѣтъ дамъ пред богомъ» (ЛН, 321).

Аналогичную конструкцию можно видеть, как нам кажется, в тех

случаях, когда синонимом слова *грамота* выступает существительное *жалоба*³⁹: Изяславъ же посла моужи своѣ къ Вачеславоу. и къ Гюргеви с жалобою. река тако се брате. на томъ есмы хр(с)тъ целовали. комоу свое познаваючи имати. ннѣ же брате. оже хочещи хр(с)тоу оуправити. то дай ны бѣ пожити. не хочещи ли оуправити а то оузримъ (ЛЛ, 394); Стослав же поча слати къ Ярославу. съ жалобою. река ему на чемъ еси. цѣловаль кр(с)тъ. а помани первый радъ. рекль бо еси оже на саду въ Киеву то на тебе надѣлю паки ли ты садеши въ Киевѣ то ты ме надѣли. нынѣ же ты съль еси. право ли криво ли надѣли же мене (ЛЛ, 578).

Следует также учесть, что во второй половине XII в. русичи не только писали и читали грамоты, но и умели их подделывать. Так, под 1172 г. Поликарп рассказывает, как, желая обмануть Мстислава Изяславича, галичане «списавыше грамоту ложную. и послаша къ нему» (ЛЛ, 549).

Таким образом, можно согласиться с Б. А. Рыбаковым, который предполагает, что в XII в. по давней традиции *речью* называли княжеское дипломатическое письмо, а за словом *грамота* закрепляется значение «крестоцеловальная запись»⁴⁰. Г. А. Селиванов приходит к выводу, что в дальнейшем близость «речей» и грамот становится еще больше и сказывается даже на композиции и фразеологическом контексте. Приведен следующий пример: Отвѣщав же князь Юрьи: «Одини есмь съ Ярославомъ». И послаша къ Ярославу глаголюща: «Пусти мужи новгородьци и новоторьжци. Что еси зашелъ волосте Новгородския, Волокъ възпяти, а миръ съ нами възми, а крестъ къ нам целуи, а крови не проливаи» (Софийск. 1 лет., 1216, л. 219, стр. 195 — ПСРЛ, 1925, т. 5).

«Здесь «речь» построена, — отмечает исследователь, — так же, как договорная грамота, заключает цепь формул-условий. Разница только в выборе глагольной формы: для формул-условий в договорных грамотах более типична форма инфинитива, а не повелительная, как в приведенном примере. Иногда в летописи находим целиком грамоту, как бы включенную в текст без изменения содержания и формы. Создается впечатление, что грамоты — это во многих случаях записанные «речи»: и те и другие в большом числе обнаруживаются в летописях, только одни — в виде монолога (реже диалога), другие — в виде распространенных цитат»⁴¹.

Отмеченная близость «речей» и грамот будет понятной, если учесть наличие давних традиций дипломатических отношений в Древней Руси. «Речи» как форма дипломатических документов упоминаются в связи с грамотами (харатьями) уже в первых договорах Руси с греками. Так, в договоре Игоря под 945 г. говорится, что были записаны на харатю речи представителей обеих сторон: посла Игорь мужъ своа. къ Роману. Романъ же созва болдре и сановники. приведоша

³⁹ Как название документа термин *жалоба* известен с XV в. (Словник староукраїнської мови XIV—XV ст.: В 2 т., К., 1977, т. 1, с. 553).

⁴⁰ Рыбаков Б. А. Древняя Русь..., с. 317.

⁴¹ Селиванов Г. А. Указ соч., с. 70.

рускина слы и вельша глти (и) псати обоихъ рѣчи : а харатьѣ (ЛЛ, 46). В том же договоре упоминаются речи греческого царя Романа: Послании же слы Игоремъ. придоша к Игореву. со слы гречскими. (и) повѣдаша вса рѣчи црѣ Рамана (ЛЛ, 53). В договоре Святослава Игоревича под 971 г. летописец сообщает, что на харатью были записаны все речи Святослава: црѣ же радъ бы(с) (и) повелѣ писцю писати вса рѣчи Стославѣ на харатью. нача глти соль вса рѣчи. и нача писецъ писати (ЛЛ, 72).

Приведенные факты не дают окончательного ответа на поставленные вопросы, однако позволяют внимательно отнестись к словам Б. А. Рыбакова о возможности использования летописцами княжеского архива: «При последующем изучении языка русской летописи XII в. лингвисты должны учитывать ту пеструю мозаику, которую образуют вкрапленные в нее десятки грамот из разных концов Руси»⁴².

Ниже рассмотрим некоторые особенности словарного состава посланий, включенных в летопись, под определенным углом зрения, так как для целей нашей работы важно установить, совпадают ли они с особенностями языка летописца, включившего их в свой текст.

На лексическом уровне особый интерес представляет существительное *область*, употребленное в послании Всеволода Юрьевича Суздальского Рюрику Ростиславичу под 1195: Того же лѣта присла Всеволодь. кнзѣ Соуждальскы. послы своя ко сватуо своему Рюрикови река емоу тако. Вы есте нарекли ма во своемъ племени. во Володимерѣ старѣшаго. а нынѣ съдѣль (Х. П.— сѣл) еси в Киевѣ. а мнѣ еси части не оучинилъ в Роуской землѣ. но раздалъ еси инѣмъ. моложьшимъ братъи своеи. даже мнѣ в ней части нѣтъ. да то ты а то Киевъ и Роускаѧ *область* а комоу еси в ней часть даль. с тем же еи и блюди и стережи. да како ю с нимъ оудержишь. а то оузрю же. а мнѣ не надобѣ (ЛИ, 683).

В Киевской летописи термин *область* встречается еще два раза. Остальные примеры, без сомнения, принадлежат редактору всего труда игумену Моисею. Первый употреблен в плаче новгородцев по Мстиславу Ростиславичу, которые «так о молвах оу. плачущеса. оуже не можемъ г(с)не поѣхати с тобою на иноую землю поганы(х) и по работити. во *область* Новгородскую (ЛИ, 610). Второй является вставкой в текст Петра Бориславича: Тое же зимы по Федоровѣ недѣль. во вторникъ. въ Ѡ. ча(с). потрасеса земля по всеи *области* Киевской и по Киевоу црѣкви каменяна и дереванна. колѣбах оуса (ЛИ, 690). Это наблюдение согласуется и с данными П. Я. Черных, который замечает, что в древнерусский период слово *область* употреблялось преимущественно со значением «церковно-административная зона, епископство»⁴³.

⁴² Рыбаков Б. А. Древняя Русь..., с. 318.

⁴³ Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии : Древнерусский период. — М., 1956, с. 102.

Во всех других случаях в Киевской летописи постоянно встречается термин *волость*. Показательно, что Петр Бориславич, процитировавший послание Всеволода, продолжая эту тему, употребляет далее привычное для него слово *волость*: се же слышавъ Рюрикъ ѱ(т) пословъ ѱ(т) Всеволожихъ. ѱже жалуютъ. на ны про *волость*. аже даль башеть волость лѣпнюю зати своему Романови Мьстиславличю. Рюрикъ же поча доумати с моужи своими како бы емоу дати *волость*. Всеволодоу которые же *волости* оу не(г) просилъ. Всеволодь бо просаше оу него. Торцького Трепола Корьсоуна Богоулавла. Канева (ЛИ, 683).

Слова и обороты, не свойственные киевским летописцам, встречаются и в посланиях других князей. Например, существительное *копие* в значении «боевая единица» единственный раз употреблено в послании Ярослава Владимировича Галицкого. Словари древнерусского языка не выделяют такого значения этого слова, а между тем оно вырисовывается достаточно определенно: аче бѣ ѱ(т)ца мое(г) пональ а мене бѣ на его мѣстѣ ѱставилъ. а полкъ е(г) и дружина е(г) оу мене суть. развѣ ѱдино *копие*. поставлено оу гроба его. а и то в руку мою есть (ЛИ, 464).

Глагол *дозрѣти* в значении «дождаться» хотя и известен, но в Киевской летописи отмечен только в посланиях Изяслава Мстиславича: ны же брате сего ли *дозрѣвъ* то поминаеши. ѱже стрыи мои на маратью идти (ЛИ, 376); на есмь позывалъ тебе Киевоу. съдѣть а ты еси не восхотѣль. а ныне ци сего еси *дозрѣль*. ѱже бра(т) твои выѣхаль. а ты са садиши в Киевѣ (ЛИ, 396—397).

Не употребляют летописцы XII в. и глагола *дѣвети* в смысле «говорить», ставшего, по-видимому, к этому времени архаизмом. Однако в посланиях старшего поколения князей — сыновей Владимира Мономаха и Олега Святославича — это значение еще наблюдается: аже *дѣвеш* ты мои еси ѱць а ты мои и снѣ (ЛИ, 418); аже *дѣвеш* хотать на ма поѣхати. а иже поѣдутъ на та с хвалою. а бѣ будетъ с тобою (ЛИ, 499).

В послании Рюрика Ростиславича один раз отмечен глагол *творити* в значении «сообщать»: Всеволодь сватъ мои всѣль на кона како ми са былъ ѱбѣчалъ помочи на Ѡлговича. и стати оу Чернигова. а *творятъ*⁴⁴ ми како же са оуже совокоупилъ с братомъ моимъ Двдомъ. и волость ихъ жьжета (ЛИ, 697).

Значение оборота *мы ся в то не дамы* выясняется только из контекста послания Рюрика Ростиславича Святославу Всеволодовичу под 1190 г.: паки ли помина(е)шь давныя тажа. которы былъ при Ростиславѣ. то стоупилъ еси радуо *мы ся в то не дамы* (ЛИ, 670). В дореволюционных лексикографических трудах при глаголе *вѣдатися* со значением «отдаться», «сдаться» этого примера нет, но приведен сход-

⁴⁴ И. И. Срезневский зафиксировал семь случаев употребления глагола *творити* в близком значении «указывать, говорить что про кого-либо» в Новгородской I летописи (Срезневский И. И. Указ. соч., т. 3, стлб. 936).

ный с ним из Новгородской I летописи: А в то са не *вдадимь*⁴⁵. Современные лексикографы выделяют у глагола *вдатися* пять значений, а пример из Новгородской I летописи толкуют как «согласиться, пойти на что-либо». Кроме того, указан пример из Никоновской летописи под 1342 г.: Царь же проси у митрополита полѣтных даней: митрополитъ же не *вдадеса ему в таковая*⁴⁶.

Любопытна глагольная форма *са потѣкло* в послании Рюрика Ростиславича: нынѣ же брате и моему снѣви и твоему. Мьстиславоу тако *са потѣкло*. ажъ вазить оу Волговичь (ЛИ, 695). Ее производят от глагола *потѣкнутися* в значении «приключиться», а оборот *тако са потѣкло* толкуют как «до того дошло»⁴⁷. Следует отметить, что этот оборот казался недостаточно современным уже переписчику Хлебниковского списка XVI в., который заменил его на *тако са слоучило*: нынѣ же брате моему снѣви и твоему Мьстиславоу тако *са слоучило*, аже вази(т) оу Олговича (л. 295)⁴⁸.

В приведенном выше фрагменте послания Рюрика Ростиславича привлекает внимание и единственное в своем роде написание существительного *Олговичи* как *Волговичи*. Сходное написание имени *Ольга* как *Вольга* и *Волга* наблюдается в «Повести временных лет» (ЛЛ, 55, 56). Ср. также имя *Вольга* в былинах об Олеге Святославиче. Не менее редкой является и форма *Мьстислава* (род. пад. ед. ч. от имени *Мьстиславъ*), которая встречается один раз в послании Изяслава Мстиславича: а чо ми бѣ ѿ(т)ца моего *Мьстислава*⁴⁹ ѿ(т)нѣль (ЛИ, 417). Возможно, здесь отразились индивидуальные особенности произношения князя Изяслава Мстиславича или его писца. Сходное написание уменьшительной формы этого имени *Мьстишиа* также встречается в «Повести временных лет» под 945 г.: воевода бѣ Свѣнелдъ. то же ѿць *Мьстишинъ* (ЛЛ, 55).

Трижды в посланиях отмечено существительное *ворожда*: ны(н) же бра(т) хр(с)тънѣнъ дѣла и всею Рускою земли оумириса. но ѿба. ать *ворождоу*. про Игоря ѿ(т)ложать (ЛИ, 365); ны(н) же цѣлоуите на томъ хр(с)тъ ѿже вы про Игоря *ворожды* не имѣти (ЛЛ, 366); брате хр(с)тъ еси ч(с)тънѣнъ цѣловаль ко мнѣ. ако со мною быти. а *ворождоу* еси про Игоря ѿ(т)ложилъ. и товары его (ЛИ, 376).

Эта редкая полногласная форма встречается в Киевской летописи всего четыре раза. Четвертый раз она появляется в тексте крестоцеловальной записи, посвященной событиям, о которых шла речь в посланиях: тако на томъ цѣловаша хр(с)тъ оу стомъ Спсѣ *ворождоу* про Игоря ѿ(т)ложити (ЛИ, 366).

⁴⁵ Там же, т. 1, стлб. 331.

⁴⁶ *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1975, вып. 5, с. 36.

⁴⁷ *Срезневский И. И.* Указ. соч., т. 2, стлб. 1302.

⁴⁸ Хранится в Отделе рукописей Государственной публичной Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, IV, 230.

⁴⁹ Ср. греческую форму этого имени на печати конца XI — начала XII в.: *μειστισλαβος* (*Янин В. А.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв.: В 2-х т. М., 1970, т. 1, с. 20).

Из других древнерусских памятников известна лишь форма *вражда*, что дало А. М. Селищеву повод причислить это слово по его происхождению к южнославянским⁵⁰. Любопытно значение термина *вражда*, который отмечен в «Русской правде» в составе словосочетания *увидить вражду*. По мнению Б. А. Ларина, это словосочетание как юридический термин обозначает штраф за какое-то преступление, а существительное *вражда* в его составе имеет значение «повинность, наказание за преступление»⁵¹.

Любопытно употребление термина *мѣсто* в посланиях группы князей, связанных между собой близкими отношениями. В лингвистической литературе содержание этого существительного как термина раскрывается следующим образом: «Должность, место при государе, право на которое определялось в Русском государстве XV—XVII вв. древностью и знатностью рода, а также споры об этом месте; местничество»⁵². Согласно этому *мѣстничество* истолковывается как «система феодальной иерархии в Русском государстве XV—XVII вв., которая регулировала служебные отношения между членами служилых фамилий на военно-административной службе и при дворе в зависимости от родословной (происхождения) служилого человека и служебной карьеры его и предков»⁵³. Таким образом, в соответствии с представлениями дореволюционной исторической науки принято считать, что местничество сложилось в пору образования централизованного государства⁵⁴.

Между тем современные историки доказали, что местничество существовало уже в Древней Руси и пронизывало ее княжеско-боярскую жизнь. «Где бы ни собирались феодалы — в тереме, в монастыре, в шатре, на конях, в походе, — каждый из них занимал на совете место, соответствующее его реальному положению в вассальной иерархии»⁵⁵, — отмечает В. Т. Пашуто. Он определяет местничество как «одно из проявлений иммунитета, защиты феодалом служебных прав и доходов от собратьев по классу»⁵⁶.

Иллюстрацию к этим положениям советского историка можно найти в посланиях князей из рода Мономаха, отстаивающих право на первенство. Особенно важной была тема места для самого старшего из них по возрасту Вячеслава Владимировича. Узнав, что племянник готов признать его старшинство, он немедленно сообщает об этом своему сопернику младшему брату: Изаславъ ми то молвить ты ми буди въ ѿ(т)ца *мѣсто*. поиди сади же в Киевѣ (ЛИ, 386). И далее престарелый князь предлагает младшему Юрию: нынѣ же брате поѣди

⁵⁰ *Селищев А. М.* Избранные труды. — М., 1968, с. 131.

⁵¹ *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка: (X — середина XVIII в.). — М., 1975, с. 89.

⁵² *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1982, вып. 9, с. 116.

⁵³ Там же, с. 111.

⁵⁴ *Василевская Е. А.* Терминология местничества и родства. — Тр. Моск. ист.-арх. ин-та, 1946, т. 2, с. 155.

⁵⁵ *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. и др.* Древнерусское государство и его международное значение. — М., 1965, с. 55.

⁵⁶ Там же.

видѣвъ ѡба по мѣсту что на бѣ дасть (ЛИ, 386). Когда же Изяслав Мстиславич захватил оставленный Юрием Долгоруким Киев, он посетил Вячеслава Володимирича и, как подчеркивает летописец Петр Бориславич, «поклони(с) ему. Вячеславъ же вѣста противу Изаславу. и цѣловастася и сѣдоста ѡба по мѣсту» (ЛИ, 397). Признав старейшинство Вячеслава, Изяслав в дальнейшем постоянно считался с его претензиями на первое место. Благодарный дядя в обмен на эту любовь передал ему всю реальную власть, свое войско и признал не только «сыном» (вассалом), но и равным себе «братом» (ЛИ, 418).

И все же даже в период полного, казалось бы, взаимопонимания Вячеслав не забывает отметить свое превосходство (чисто формальное): а есмь оуже старъ а вси(х) радовъ не могу оуже радити но будевъ ѡба Киевѣ. аче на буде(т) который радъ или хр(с)тыяны(х) или поганыхъ. а идевъ ѡба по мѣсту (ЛИ, 419). Изяслав в своем ответе выражает согласие в этом вопросе: ѡ(т)це кланяю ти са. како есвъ рекла тако же на и даи бѣ быти по мѣсту. доколь же и жива будевъ (ЛИ, 420). Далее тема места продолжается в тексте летописца: и потомъ ѡба скупившася. по мѣсту Вячславъ и Изасла(в) ѡ(т)радиста сна своего Мьстислава. къ королеви въ Оугры (ЛИ, 420).

Снова появляется она в послании Вячеслава Володимирича к племяннику Ростиславу Смоленскому: се брате бѣ скупилъ на по мѣсту с твоимъ братомъ. а с мои(м) сномъ Изаславомъ. а се паки добывъ Руской земли. и на мнѣ ч(с)ть положилъ. и посади ма в Киевѣ. а на сну тобѣ сну молвьлю. како мнѣ снѣ бра(т) твои Изаславъ. тако ми ты. а назъ ти молвьлю сну потрудиса к нама сѣмо. ать вси видимъ по мѣсту што ны. бѣ явить (ЛИ, 421—422).

Продолжает ее в послании к тому же Ростиславу Изяслав Мстиславич: то же брате все оурадивъ тамо. поиди же к намъ. сѣмо. ать вси по мѣсту видимъ што явить ны бѣ (ЛИ, 422).

Тема места отмечена в посланиях, направленных из лагеря Изяслава Мстиславича и венгерского короля Володимиру Галицкому, в которых ему предлагают быть «на вси(х) мѣстѣ(х)» (ЛИ, 453) с великим киевским князем. И, наконец, завершает ее Петр Бориславич сообщением о встрече венгерского короля с Изяславом Мстиславичем: Изаславъ же с королемъ съѣхавшася по мѣсту и тако пребывше въ величѣ любви и оу величѣ веселья и разѣхаша(с) король оу свою землю въ Оугры а Изаславъ оу Рускую землю (ЛИ, 454).

По наблюдениям историков, в Киевской летописи наблюдается преувеличение роли князя Изяслава Мстиславича, по отношению к которому венгерский король показан здесь вассалом⁵⁷. Трудно не согласиться с этими соображениями, хотя вассалами русских князей признают себя и другие иноземные правители этого времени. По

⁵⁷ Юрасовский А. В. К вопросу о степени аутентичности венгерских грамот XII в. Ипатьевской летописи.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М., 1983, с. 189—194.

крайней мере, такой вывод можно сделать из послания предводителей венгерского, польского и чешского войск, собравшихся у города Чермина на Олыче. Направлено было послание Вячеславу Владимировичу и его брату Юрию Долгорукому: вы намъ есте въ ѡ(т)ца мѣсто. а се ннѣ заратилася есте свои(м) бра(т)мъ. и снмъ Изаславомъ. а мы есмь по бозѣ все кр(с)тыяне ѡдна бра(т)я собѣ. а намъ подобаеъ всимъ быти съ себе. а мы межи вами того хочемъ. а бы бѣ даль. вы быста оуладилася. съ своимъ бр(т)мъ и снмъ Изаславомъ а быста вы съдѣла в Киевѣ. сама са вѣдаюча кому вама приходитъ. а Изаславу ѡсе его Володимиръ готовъ. а се его Лоуческъ а што его городовъ ать сѣдитъ в томъ. ать ѡнамо к Новугороду Великому. ать взворотитъ Гюрги дани и(х). вси (ЛИ, 387—388). Отличающееся оригинальным употреблением лексических и фразеологических средств. а также своеобразным синтаксисом, это послание может служить доказательством того, что тексты письменных документов включались в летопись без изменения их формы⁵⁸.

В ответ Вячеслав Владимирович и Юрий отправляют текст, составленный в совершенно иной манере: бѣ помози затю нашему королеви. и братоу нашему Болеславу. и снви нашему Индриховѣ. ѡже межи нами добра хочете. но ѡбаче ѡже ны са велите мирити. то не стойте на нашеи земли. а жизни нашае ни сель наши(х) не губите. но ать Изаславъ поидеть въ свои Володимиръ. а вы въ свою землю. поидите. а въ са своимъ брато(м) и снмъ Изаславомъ сами. вѣдаимы (ЛИ, 388).

Оба послания помещены летописцем рядом, однако их диктовали и писали разные люди. Очевидно также и то, что летописец не стремился изменить эти тексты или приблизить их к своему собственному изложению, заметно отличающемуся языковыми особенностями.

4. СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Язык княжеских посланий, включенных в древнерусские летописи в качестве особого вида дипломатических документов, не изучался. Более того, само их существование подвергается сомнению, и многие исследователи-филологи принимают высказанное до открытия берестяных грамот предположение о том, что в XI—XII вв. правители восточнославянских княжеств вели переговоры лишь в устной форме. В связи с этим изучение грамматической структуры данной разновидности текстов, важное само по себе, приобретает решающее значение в деле установления их характера. Ниже остановимся на синтаксических особенностях посланий.

Не все княжеские послания, включенные в летописи, имеют законченный вид. Как правило, летописцы обращаются с их текстами

⁵⁸ Рыбаков Б. А. Древняя Русь..., с. 318.

свободно, отбирая для своего изложения лишь самое существенное. Естественно, что наиболее страдают при этом начало и конец документа, не несущие информации. Можно думать, что не все документы имели полный формуляр и при их составлении⁵⁹. Изученный материал свидетельствует, что такой его элемент, как приветствие, зачастую передавался послом в составе специального оборота, которым по дипломатическому этикету начиналось посольство⁶⁰. В оборот обязательно входили: 1) подлежащее, указывающее на степень родства или вассальной зависимости; 2) дополнение, обозначающее адресата речи; 3) сказуемое, передающее смысл высказывания: и тако емоу ре(ч) посоль Ростиславль. бра(т) ти молвить (ЛИ, 356). Иногда оборот распространялся именем князя или князей, от которых прибыл посол: Володимири же моужи. Изаславли рекоша емоу. бра(т) ти молвить Володимирь Изаславъ (ЛИ, 375). При существительном могло употребляться притяжательное местоимение, а весь оборот нередко начинался или заканчивался наречием способа действия *так*: и ре(ч) ему посоль Изаславль. *так* ти молвить Изаславъ бра(т) твои (ЛИ, 374). Порядок слов в таком обороте обычно свободный, но если в него входит слово, передающее приветствие, оно ставится в препозиции к глаголу говорения. Например: в то же верема посоль. пригна изъ Оугорь. къ Изаславу ѿ(т) сна е(г) Мьстислава. и ре(ч) снѣ ти са *кланяеть. и тако молвить* (ЛИ, 434); и ту пригна ему посоль. ѿ(т) короля въ стѣ дружины и ре(ч) Изаславу зать ти са король *кланяеть. и тако ти молвить* (ЛИ, 447).

С оборотом, которым начинается речь посла, в определенном соотношении находятся обороты, которыми отправитель сопровождает его отправление. Например, Вячеслав Владимирович так напутствует своего посла: поѣди къ брату Гюргеви. брата ѿ(т) мене цѣлуи... тако молви брату моему (ЛИ, 428—429). В сходных выражениях обращается Ярослав Галицкий к послу киевского князя: а ны(н) поѣди къ ѿ(т)цю своему Изаславу. а ѿ(т) мене са ему поклони. и се ему явиши (ЛИ, 464). Вслед за подобной фразой посол передает княжеское послание уже от имени отправителя. Этот текст и рассматривается нами как документ.

При обострении дипломатических отношений эта норма может не соблюдаться. Более того, желая оскорбить как можно сильнее Андрея Боголюбского, Мстислав Ростиславич вместо приветствия отдает приказание постричь его послу голову и бороду перед собой, после чего «рекъ ему иди же ко князю и рци ему. мы та до сихъ мѣсть. акы ѿца имѣли по любви. аже еси съ сакыми рѣчьми приславъ. не акы къ князю но акы къ подручнику и просту члвку а что оумыслилъ еси а тое дѣи. а бѣ за всѣмъ» (ЛИ, 573).

Структурно текст послания делится на три части. В первой находится наименование лица, которому адресовано послание. В отдель-

⁵⁹ Юрасовский А. В. Грамоты XI — середины XIV века в составе русских летописей. — История СССР, 1982, т. 4, с. 148—149.

⁶⁰ Лихачев Д. С. Русские летописи ..., с. 116.

ных случаях в эту часть включается приветствие, пожелание или же сообщение о начале переговоров. Вторая часть включает в себе основное содержание документа. В ней выделяются три единицы. В (А) излагаются обстоятельства и причины, побудившие направить послание. (Б) содержит указание на действия, которых ожидает отправитель в связи со своим обращением. Нередко эта единица заканчивается предупреждением адресату (В). В третьей, (заключительной) части отправитель послания, как правило, выражает надежду на помощь высших сил.

Приведем примеры посланий XII в., выделяя элементы их структуры.

№ 1

1) се брате 2) (А) на ма еси приходиль. и землю повоевалъ. и старѣшинство еси с мене сналъ. (Б) ны(н) же брате и сноу Роускыа дѣла земла и хр(с)тыанъ дѣла. не прольвиве крови хр(с)тыаньскы. но даи ми Переяславль. ать посажю сна своего оу Переяславли. а ты сѣди цр(с)твоуа в Киевѣ. (В) не хоцещи ли того створити 3) за всимъ бѣ (ЛИ, 380).

№ 2

1) брате и сватоу 2) (А) ѿ(т)чиноу нашу и хлѣбъ нашъ взалъ еси. (Б) ажь любишь с нами радъ правыи. и в любви с нами быти то мы любви не бѣгаемъ. и на всеи волѣ твоеи станемъ. (В) паки ли что еси оумыслилъ. а того не бѣгаемъ же. 3) да како ны бѣ расоудить с вами и стыи Спсъ (ЛИ, 698—699).

№ 3

2) (А) то есть было пре(ж) дѣдъ наши(х) и при ѿ(т)цихъ наши(х). миръ стоитъ до рати. а рать до мира. (Б) ны(н) же на на(с) про то не жалоуи. оже есмы оустали на рать. жаль бо ны есть бра(т) своего Игоря. а того есмы искали. абы ты поустилъ брата наше(г) аже оуже бра(т) нашъ оубить. а пошелъ к бви а тамо намъ вси(м) быти. а то бви правити. (В) а мы доколѣ хочемъ Роускоюю землю гоубити. а быхомъ са оуладили (ЛЛ, 364).

Для сравнения использован текст княжеского письменного послания конца XI в., близкий и по содержанию и по форме к посланию черниговских князей (№ 3). Сравнимый текст является отрывком из грамоты Мстислава Владимировича, который Мономах цитирует в своем письме⁶¹ к Олегу Святославичу: 2) (А) ладимъса и смѣри(м)са.

⁶¹ Текст письма самого Мономаха не рассматриваем, так как его содержание, а следовательно, и структура выходят далеко за рамки обычной княжеской дипломатии. Однако нельзя не обратить внимания на строки, сходные с началом черниговского послания: то бо были рати при оумны (х) дѣтѣ (х) [ошибочно вместо *дѣдѣх*] наши (х). при добры(х) и при блжнхъ оцяхъ нашихъ (ЛЛ, 252). Аналогию к этим размышлениям можно найти в договорной грамоте смоленского князя Мстислава Давидовича

а братцю моему судъ пришелъ. (Б) а въ ему не будевъ местника. но възложивъ на ба. а стануть си пре(д) бмъ. (В) а Руськы земли не погуби (ЛЛ, 252).

В соответствии со структурой посланий в их формуляре выделяются формулы, типичные для каждой из перечисленных частей. В первой части отправитель обращается в форме звательного падежа: *брате* оже та привели старѣишаа дружина. а поѣди Ростову (ЛЛ, 330); *бра(т)на* что тако дѣлаете (ЛЛ, 401); *бра(т)* се боленъ есми велми (ЛИ, 337); *бра(т)* сомнѣса не можемъ на са зраще рать де[р]жати (ЛИ, 363); *бра(т)е* то добро есть хр(с)тъянъ блюсти (ЛИ, 364); *брата* поедита с нама на Изаслава (ЛИ, 377); *брате* мириса (ЛИ, 393); *снѹ* тако буди (ЛИ, 448); *снѹ* мнѣ с кимъ Рускую землю оудержати с тобою. а поѣди сѣмо (ЛИ, 479); *брате* прими ма в любовь к собѣ (ЛИ, 492); *брате*. кому ищещи волости. брату ли или снѣви (ЛИ, 499); *брате* въ правду та нарекли есмы оцмъ собѣ (ЛИ, 570); *брате* тобѣ было не лѣпо. измасти нами (ЛИ, 654); *брате* хотѣлъ быхъ ѣхати на вежа половѣцькина (ЛИ, 671); *оце* то ци про мене тобѣ не жити сватомъ своимъ. и в любовь не внити (ЛИ, 684); *сватоу* кр(с)тъ еси ко мнѣ целовалъ на томъ. Кто мнѣ ворогъ. то и тобѣ ворогъ (ЛИ, 701).

Единичны случаи, когда при существительном в звательном падеже стоит постпозитивное определение: *братѣна моя*. возьмите оу мене с любовью что вы даю (ЛИ, 312); *брата моя*. се еста землю мою повоевали. и стада моя и брата моего занали жита пожыгли и всю жизнь погоубила еста (ЛИ, 332); *кнѣже нашѣ*. сѣгрѣшили есмь к бу и к тобѣ (ЛИ, 494). В последем случае обращение принадлежит жителям города Полоцка.

Отличительной особенностью княжеских посланий XII в. является использование существительных, обозначающих родственные отношения, для выражения обращений, хотя на самом деле, как отмечает В. Т. Пашуто, «термины родства уже давно стали формой вассалитета»⁶².

Очевидно, таким положением вещей объясняется употребление во второй половине XII в. в функции обращений двух равноправных существительных, одно из которых определяет степень вассальной зависимости, а другое выражает родственные связи: *брате и свате*. Романко о(т) на(с) о(т)ступилъ. и кр(ь)с цѣловалъ къ Олговиче(м) (ЛЛ, 413); *брате и о(т)це* ако ни в оумѣ своемъ ни на ср(д)ци ми того не было (ЛИ, 373); *брате и снѹ*. много ти есмь добра творилъ (ЛИ, 619); *брате и сватоу*. намъ было. сего оу ба просити (ЛИ, 654); *брате и сватоу*. назъ сна своего послалъ. не на та поводить корола (ЛИ, 663); *брате и сватоу* аже ти поути нетоуть азъ ти са повѣдаю.

с Ригю и Готским берегом под 1229 г.: Что са дѣнѣтъ по вѣрмьнемъ. то о(т)идето по вѣрмьнемъ (Хрестоматия, 45).

⁶² Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. и др. Указ. соч., с. 60.

есть ми поуть на Литвоу (ЛИ, 676); *брате и сватоу* о(т)чиноу нашу и хлѣбъ нашъ взалъ еси (ЛИ, 698).

В это же время наблюдаются и первые случаи включения в состав обращения к князьям-родственникам существительного *господин*: и посла [Владимир Галицкий] ко Всеволодоу. ко оуеви своему в Соуждаль. и моласа емоу оцѣ г(с)пе. оудержи Галичъ подо мною. а назъ бжи и твои есмь со всимъ Галичемъ. а во твои волъ есмь всегда (ЛИ, 667).

В отдельных случаях как обращение используются предложения и даже ряд предложений, следующих одно за другим: *брата еста моя*. хр(с)тъ еста цѣловала на томъ. ако моего. что есть то исправили (ЛИ, 394); *ты* намъ *братѣ еси*. поиди же въ свои Суждаль (ЛИ, 443); *ты еси* Ростиславу *снѣ любимыи*. тако же и мнѣ. а поеди сѣмо ко мнѣ (ЛИ, 470). Ср. в Лаврентьевской летописи: *ты г(с)нѣ ты оцѣ бра(т)наю* старѣиши Романъ. оуимаетъ волости оу наю (ЛЛ, 387); *ты оцѣ ты г(с)нѣ ты бра(т)*. гдѣ твоа обида будетъ ми переже тебе главы своѣ сложимъ за та (ЛЛ, 403). Подобные конструкции в начале посланий, по-видимому, преследуют цель выявить сущность вассальных отношений отправителя и адресата. И так как эта сущность зачастую не совпадает с их родственными связями, то адресат, желая выразить ее как можно точнее, обращается даже к сложно-подчиненному предложению. Двоюродный брат Изяслава Мстиславича, например, заявляет: ако мнѣ Гюрги оцѣ тако мнѣ и ты оцѣ (ЛИ, 395). «Отцом» признает его и юный Ярослав Галицкий: аче бѣ о(т)ца е(г) (Х. П.— моего) поналъ. а ты ми буди въ о(т)ца мѣсто (ЛИ, 464). Вячеслав Владимирович называет племянника не только «сыном», но и равным себе «братом», что выражено очень многословно с цитированием прямой речи: аже дѣши ты мои еси оцѣ а ты мои и снѣ оу тебе о(т)ца нѣту а оу мене сна нѣтуть. а ты же мои снѣ ты же мои братъ (ЛИ, 478). Ср. обращение Юрия Долгорукого к племяннику Ростиславу: право снѹ съ Изаславомъ есмь не могъ быти. а ты ми еси свои бра(т) и снѣ (ЛИ, 477).

Кроме указания на лицо, к которому направляется послание, его первая часть может включать слово-приветствие или формулу пожелания. В первом случае она является однокомпонентным определенно-личным предложением, в котором выделяются два элемента: 1) косвенное дополнение в форме дательного падежа — адресат; 2) сказуемое предложения — приветствие. Например: *брате кланяю ти са*. ти еси мене старѣи а како ты вгадаеши а назъ в томъ готовъ есмь (ЛИ, 365); о(т)це кланяю ти са а чо ми бѣ о(т)ца моего Мстислава о(т)налъ. а ты ми еси оцѣ (ЛИ, 417). Эта часть может распространяться за счет других глаголов: *брате кланяю ти са* и *каюся* своена вины (ЛИ, 451).

В редких случаях при наличии приветствия обращение отсутствует, как, например, в совместном послании Вячеслава Владимировича и Изяслава Мстиславича Юрию Долгорукому. В данном случае это могло быть вызвано тем, что адресат приходился одному из отправителей братом, а другому дядей: *кланяевъ ти ся* иди Соуждалю (ЛИ, 443).

С подлежащим — предложение двухкомпонентное: *на са тобѣ брате кланяю*. тако право есть ако то и молвиши. ты мнѣ еси яко оцѣ (ЛИ, 430).

Как можно заключить из приведенных примеров, глагол *кланяться* имеет в них наряду со значением приветствия и значение «изъявлять покорность, признавать себя вассалом»⁶³. Последнее значение выступает особенно рельефно, когда глагол стоит в середине предложения: *ны(н) о(т)че кланяю ти ска* прими ма яко сна своего Мстислава. такоже и мене. ать ездить Мстиславъ подлѣ твои стремянь. по одиной сторонѣ. тебе а на по другой сторонѣ. подлѣ твои стремянь. ъжду всими своими полкы (ЛИ, 465); *о(т)це кланяю ти са*. ты переди до мене добръ былъ еси. и азъ до тебе. а ннѣ *кланяю ти са* стрый ми еси яко оцѣ (ЛИ, 477).

Употребление глагола *кланяться* в таком специальном значении составляет специфику княжеских посланий и документами этого времени не засвидетельствовано. По наблюдениям Н. А. Мещерского, в берестяных грамотах в качестве формул начала употребляются обороты с существительными *поклонъ* и *покланяние*, а также *целобитье*. Разновидностью последней формулы являются начальные слова *такому-то целом быю*⁶⁴.

Специфику княжеских посланий составляет и употребление в качестве приветствия формулы пожелания *богъ помози* с управляемым дательным падежом адресата: *бѣ помози* затью нашему королеви. и брату нашему Болеславу. и снви нашему Индриховѣ. оже межи нами добра хочете (ЛИ, 388); *брате бѣ ти помози*. акоже и самъ молвишь. хр(с)тъ есмы цѣловали яко вси(м) намъ быти за одинъ (ЛИ, 374); *снѣ бѣ ти помози*. оже на мене еси ч(с)тъ възложилъ. то аще бы ты и давно тако оучинилъ. то ци мене еси поч(с)тилъ ба еси поч(с)тилъ (ЛИ, 418); *снѣ бѣ ти помози*. оже на мене еси ч(с)тъ возложилъ. акы на своемъ о(т)ци (ЛИ, 419); *бѣ ти помози* брате. оже на еси тако помогль (ЛИ, 420).

В синтаксическом плане здесь представляет интерес сказуемое в реликтовой форме побудительного наклонения⁶⁵. Ср. благопожелательные надписи Софии Киевской и Новгородской, где глагол высту-

⁶³ Это значение глагола *кланяться* словари древнерусского языка не отмечают.

⁶⁴ Мещерский Н. А. Существовал ли «эпистолярный стиль» в Древней Руси? : (Из заметок о грамотах на бересте). — В кн.: Вопросы теории и истории языка : Сб. в честь проф. Б. А. Ларина. Л., 1963, с. 213—214.

⁶⁵ Историческая грамматика русского языка : Морфология : Глагол. — М., 1982, с. 137.

пает в обычной форме повелительного наклонения: *господи помози рабу своему...*⁶⁶

Исследователи отмечают дательный падеж адресата в грамотах, написанных на пергамене: «Может быть указано в грамотах и только то, кому адресована грамота: Почестнымъ мужемъ приятелемъ нашимъ ратманомъ Рыскимъ. Пол. 20»⁶⁷.

При отсутствии приветствия или пожелания начальная часть имеет сугубо информативный характер, что достигается введением глагола *являти* в значении «сообщать»: Изаславъ же приде Киевоу.

и похвали ба и силоу животвораща(г) кр(с)та и посласа Изаславъ к Ростиславоу брату своему и ре(ч) емоу бра(т) *квляю* ти. на Олгови(ч) есми ходилъ. к Черниговоу ходилъ и на Олговъ (Х. П.—*поли*) есми стоалъ. и много есмь имъ зла оучинилъ землю и(х) повоевалъ. есмь. и тоу ко мнѣ не възмогша выти битьса. полкомъ и о(т)тоудоу идохомъ к Любчу. и тоу к на(м) приѣхаша и разииде ны с ними рѣка. и нѣльзѣ бы ны са с ними тоу рѣкою битьса полко(м) и на тоу ночь бы(с) дожчь. великъ и бѣ на Днѣпрѣ бы(с) и бѣ ледъ лихъ. и того дѣла поидохомъ на оную сторонуу и тако бѣ. и станъ Бца и сила животворащаго (ха) приведе ны въ здоровьи в Киевѣ. и тебе брате пращаю. въ здоровь ли еси. и што ти тамо бѣ помогаетъ (ЛИ, 362).

Возможно употребление глагола *являти* с упоминанием о приветствии: в то же верема посоль. пригна из Оугоръ. къ Изаславу о(т) сна е(г) Мстислава. и ре(ч) снѣ ти са *кланяеть*. и тако молвить се ти *квляю*. король зать твои пустилъ ти помочь. акаже николи не бывала многое множество а оуже есмь с ними прошель Гору аже ти будемъ в борзѣ надоби. а послы противу к намъ ать мы борже поидемъ (ЛИ, 434).

Синонимом глагола *являти* выступает оборот *ведомо буди*, имеющий официальный характер: Изаславъ же съ яростью о(т)вѣща ему. *вѣдомо* ти *буди* брате всако не ворочюса. оуже есмь пошель (ЛИ, 499); Андрѣи же... посла к новгородцемъ. река имъ *вѣдомо буди*. хочю искати Новагорода. и добромъ и лихомъ (ЛИ, 509).

Строение второй части послания (изложение его содержания) тоже подчиняется определенным правилам. Указывая в первой единице на обстоятельства и причины, которые побудили его к переговорам, отправитель обычно использует следующие виды самостоятельных предложений.

С первым словом — подлежащим. Подлежащее, как правило, выражено личным местоимением: *ты* нама еси тако оучинилъ (ЛИ, 420); *азъ* есмь брате тобѣ много молвилъ (ЛИ, 429); *назъ* бахъ вамъ. навиль (ЛИ, 348); *на* есмь позывалъ тебе Киевоу. съдѣтъ (ЛИ, 396); *ты* ми еси самъ рекль (ЛИ, 405); *азъ* ти въ Бѣльгородъ въѣхалъ (ЛИ, 415); *ты* ми еси брате много понуживалъ (ЛИ, 422); *мы* та до сихъ мѣсть.

⁶⁶ Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. — К., 1966, с. 49.

⁶⁷ Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот : Простое предложение. — Львов, 1949, с. 112.

акы *оца* имѣли (ЛИ, 573); *ка* не ищю подѣ тобою ничего же (ЛИ, 603); *Вы* есте нарекли ма во своемъ племени. во Володимерѣ старѣшаго (ЛИ, 683). Ср. в «Повести временныхъ летъ»: *мы* оуже зло створили иесмы (ЛЛ, 173); *ѣѣ* послевѣ к брату своему (ЛЛ, 173). В Лаврентьевской летописи: *азъ* во всемъ виноватъ (ЛЛ, 379).

Реже встречается подлежащее, выраженное существительным: *земля* на(ш) погибаетъ (ЛИ, 343); *бѣ* поставилъ насъ волостели (ЛИ, 392); *король* зать твои пустилъ ти помочъ (ЛИ, 434); *зять* мои перестоупилъ радъ (ЛИ, 697). Ср. в «Повести временныхъ летъ»: *Все-славъ* ти бѣжалъ (ЛЛ, 173).

Первое слово — сказуемое возможно при опущении подлежащего — местоимения: *прислалъ* еси к нама (ЛИ, 452); *прѣхалъ* есмь. брата свое(г) плакать (ЛИ, 469); *нарекли*. ма есте собѣ отцемъ (ЛИ, 567).

Первое предложение начинается второстепенным членом — дополнением (с предлогом или без предлога) или обстоятельством: *на-Олгови(ч)* есми ходилъ. к Чернигову ходилъ и на Олговѣ есми стоялъ (ЛИ, 362); *оу тебе* снѣвъ. з. (ЛИ, 430); *тобѣ* са оуже не ворочати (ЛИ, 454); *мнѣ* *о(т)чина* Киевъ. а не тобѣ (ЛИ, 478); *обиды* ти до него нѣтоуть (ЛИ, 609); *намѣ* с тобою. не бывало николи же лиха (ЛИ, 689); *Мьстислава* есмь ѡль (ЛИ, 692); *о(т)чиноу* нашу и хлѣбъ нашъ взалъ еси (ЛИ, 698); *поневоли* есмь хр(с)тъ цѣловалъ къ Изаславоу (ЛИ, 360); *всяко* не ворочюса (ЛИ, 499); *много* ти есмь добра творилъ (ЛИ, 619).

С начальным дополнением или обстоятельством первое предложение может быть вопросительным: *что* тако дѣлаете (ЛЛ, 401); *по-што* еси прѣхалъ (ЛИ, 469); *кому* ищещи волости (ЛИ, 499); *чему* тобѣ наша отчина (ЛИ, 578).

Нередко начальному слову предшествует указательная частица *се*: *се* ты не шель иеси с нама на поганыя (ЛЛ, 118); *се* еста землю мою повоевали. и стада мою (ЛИ, 332); *се* есмы поуть замыслили великъ (ЛИ, 345); *се* оугри оуже идуть (ЛИ, 385); *се* оуже мы идемъ на су(д) бжии (ЛИ, 434); *се* брате бѣ скупилъ на по мѣсту с твоимъ братомъ (ЛИ, 421); *се* прислалъ еси к нама. а се нама даль та былъ бѣ и волость твою по твоеи винѣ (ЛИ, 452).

Особую группу составляют документы, в которых изложение содержания начинается характерной для крестоцеловальных грамот формулой *цѣловалъ* (*цѣловали*, *цѣлуемъ*, *цѣлуите* и т. д.) *крестъ*. За крестоцеловальной формулой, как правило, следует ссылка на условия договора: ты е(с) намъ хр(с)тъ цѣловалъ ако ти поити с нами [на] Изаслава (ЛИ, 363); вы еста ко мнѣ хр(с)тъ цѣловала. на томъ. оже вы брата Игоря не искати (ЛИ, 366); хр(с)тъ есмы бра(т) на то(м) целовали. оже быти вамъ со мною (ЛИ, 374); на то(м) цѣлуи (хр(с)тъ) ѡко ти в томъ въ всемъ оустонти и Киева подѣ Вячеславо(м) и подѣ Изаславомъ не искати (ЛИ, 443); хр(с)тъ ко мнѣ цѣловалъ. ѡко не подозрѣти подо мною Чернигова (ЛИ, 500); хр(с)тъ есте были цѣло-

вали ко мнѣ на томъ. ѡко имѣти мене княземъ собѣ (ЛИ, 510); целоуи к намъ кр(с)тъ со всею своею братьею. како вы не искати. *о(т)чны* нашаю (ЛИ, 688); а целоуи с нами кр(с)тъ. како ти са с нами не воевати (ЛИ, 689).

По наблюдениям синтаксистов, безличные предложения с инфинитивом в качестве сказуемого имели чрезвычайно широкое распространение в грамотах. «Это может быть частично объяснено тем, — пишет В. И. Борковский, — что в грамотах требуется четко и кратко перечислить обязательства, которые выполняются в течение всего срока действия грамоты»⁶⁸.

Дальнейшее изложение событий и обстоятельств, которые побудили отправителя направить послание, не связано с какими-то специальными видами формул. В зависимости от содержания и других причин оформления этой части документа может быть разнообразным. Именно здесь наиболее ярко проявляются индивидуальные черты авторского стиля. Так, полной противоположностью кратким энергичным посланиям Юрия Долгорукого являются многословные послания старшего его брата Вячеслава Владимировича, в которых эта единица разрастается за счет всякого рода мелких подробностей, цитирования чужих высказываний и т. д. (см., например, столбцы 429—430).

Письменная обработка послания Вячеслава проявляется здесь в употреблении старославянского личного местоимения *азъ* в его начале. Дальше: *азъ* — *азъ* — *на* — *на* — *азъ* — *азъ*. Моменты литературной обработки можно видеть и в использовании таких старославянизмов, как *хощещи*. Об известной нормированности языка свидетельствует также специальная терминологическая лексика и обороты: *поклонитися*, *честь положити*, *отцом (сыном) назвати*, *Киева добыти* и т. д.

Главным же следует считать характер употребления синтаксических конструкций, форма которых обусловлена содержанием. Здесь и сложные конструкции с сочинением и подчинением, цитирование прямой речи, причастные и деепричастные обороты.

Вторая единица основной части послания (Б) представляет собой особую формулу, в которой заключается указание на те действия, в которых заинтересован отправитель документа. Ее типичное начало — побудительное предложение, включающее повелительную форму глагола: *иди* ис Суждала Мурому а в чюжеи волости не сѣди (ЛЛ, 237); *даи* мою дружину добро(м) (ЛЛ, 403); *приди* ко мнѣ брате въ Московъ (ЛИ, 339); *созжди* мене (ЛИ, 356); а вороти ми товара брата моего со што любо (ЛИ, 375); *молитесь* *о* мнѣ королеви (ЛИ, 450); *а поеди* сѣмо ко мнѣ. перебуди же оу мене Киевъ. доколѣ же приде(т) Ростиславъ (ЛИ, 470); *выдаите* ми Григора. Хотовича (ЛИ, 569); *пусти* сна моего къ мнѣ (ЛИ, 571); *пусти* ко Всеволодоу. Мьстислава дѣла и Ярополка (ЛИ, 606); *не ими* имъ вѣры. ни своего моужа шли (ЛИ, 635).

⁶⁸ Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот: Простое предложение, с. 80.

Желая смягчить свое требование, отправитель прибегает к первому лицу двойственного или множественного числа: *послѣтъ* же ко Стославу Олговичю (ЛИ, 374); *а вѣ* са сама оурадивѣ (ЛИ, 430); *а извѣстимся* и ѿще. ако на семь пути. ни тажи. имѣти ни которого же извѣта (ЛИ, 345).

Намереваясь избежать какого-либо действия, он употребляет повелительную форму глагола с отрицанием. Например: *не бѣгаи* никаможе (ЛЛ, 240); *не мори* са голодомъ с дружиною. и людии не помори (ЛЛ, 402); *не тужи* ѿ сну моему (ЛИ, 339); *не имѣи* на ны в томъ жалобы (ЛИ, 342); ны(н) же на на(с) про то *не жалоуи* (ЛИ, 364); а крови хр(с)тъанъскы *не пролѣимы* (ЛИ, 431). Нередко в эту единицу входят сложноподчиненные предложения, выражающие условные отношения, например: *ѡже* та привели старѣшаа дружина. а поѣди Ростовоу. а ѡ(т)толѣ миръ възмевѣ (ЛЛ, 380); *аже* са хочещи со мною радити. ать поѣдетъ Изаславъ Володимирю. а Ростиславъ Смоленскоу а вѣ са сама оурадивѣ (ЛИ, 430); *аже* ти будемъ в борзѣ надоби. а послѣи противу к намъ ать мы борже поидемъ (ЛИ, 434); ны(н) же *ѡже* хочещи. поити на Изаслава. а поиди а мы с тобою (ЛИ, 363).

За просьбой или требованием нередко следует указание на последствия, которые вызовет их невыполнение. Формула угрозы обычно представляет собой различные виды сложноподчиненных условных предложений. 1) Предложения, связанные условными отношениями: *аще* ли хочещи гнѣвъ имѣти и погубити град. то вѣси *нако* нама жалъ ѡтна стола (ЛЛ, 173). Бессоюзные: *не* идещи ли а мы есмъ вѣ хр(с)тъаномъ цѣлованьи прави. а не можемъ мы ѡдини ратью погыбати (ЛИ, 363); *не* хочещи ли того створити за всимъ бѣ (ЛИ, 380); *паки* ли брате не поѣдещи на ма. не жалоуи. *аже* моеи волости поженѣ бити (ЛИ, 386); *не* хочещи ли оуправити а то оузримъ (ЛИ, 394); *не* хочета ли того. всего исправити. то на в [ѡ]бидѣ не могу быти (ЛИ, 394); *не* ходиши в моеи воли съ братьею своею. а поиди с Киева (ЛИ, 569).

В главном предложении здесь указана норма поведения, обязательная при выполнении того, о чем говорится в условном придаточном предложении.

Возможны, однако, и другие сложноподчиненные предложения, например с придаточным уступительным: *аще* ти ма оубити сноу на семь мѣстѣ. а оубии а на не ѣдоу (ЛИ, 397).

Обращение к богу (третья часть документа) чаще всего выражается различными видами побудительных предложений. Как правило, такие предложения являются главной частью сложноподчиненного условного предложения: *да* се ты ни на поганымъ идѣши ни на свѣтъ к нама. то ты мыслѣши на наю. и поганымъ помагати хочещи. а бѣ промежи нами будетъ (ЛЛ, 230); *паки* ли хочещи на мое старшинство поѣхати *нако* то еси поѣхаль. да бѣ за всимъ (ЛИ, 430); *паки* ли по своему замыслу поидещи. ако же еси и поѣхаль... а тои ны прч(с)тъи Гжи

судити съ снмъ своимъ и бмъ нашимъ. вѣ сии вѣкъ и в будующи (ЛИ, 431); *ны* же брате сего ли дозрѣвъ то поминаещи. *ѡже* стрьи мои на ма ратью идеть. ны(н) же ци хр(с)ту ч(с)тъному оуправити [хочещи] *нако* же еси цѣловаль буди со мною. не хочѣши ли быти со мною а ты еси оуже хр(с)тъное челование переступилъ. а на есмъ бес тебе и на Волгу ходилъ а цѣ что ми было. а ннѣ абы со мною бѣ былъ. и хр(с)тъанна сила (ЛИ, 376); а се нынѣ брата нашего Романа вывелъ еси ись Киева. а намъ путь. кажещи и изъ Руськой земли без нашеѣ вины. да за всими бѣ и сила кр(с)тъанна (ЛИ, 570); *аже* еси съ сакыми рѣчьми прислалъ. не акы къ князю но акы къ подручнику и просту члвку а что оумыслилъ еси а тое дѣи. а бѣ за всѣмъ. (ЛИ, 573); *аже* еси поѣхаль. брата моего оубить. и ѡбродовалса еси семоу то оуже состоупилъса еси радоу и кр(с)тънаго целованиа. а се ти кр(с)тъныи грамоты. а ты поиди ко Смоленскоу. а назъ к Черниговоу да како насъ бѣ расоудить и кр(с)тъ ч(с)тъныи (ЛИ, 693); *аже* любишь с нами радъ правьи. и в любви с нами быти то мы любви не бѣгаемъ. и на всеи волѣ твоеи станемъ. паки ли что еси оумыслилъ. а того не бѣгаемъ же. да како ны бѣ расоудить с вами и стьи Спсъ (ЛИ, 699); *аже* ны лишитиса его велишь ѡ(т)иноудъ то мы есмъ не оугре ни лахове. но единого дѣда есмъ вноуци. при нашемъ животѣ не ищемъ его. *аже* по ва(с). комоу бѣ дастъ (ЛИ, 689).

В той же синтаксической форме, что и упование на бога, может содержаться указание на зависимость происходящих событий от вполне реальных земных обстоятельств: *ѡже* ны са велите мирити. то но стоите на нашей земли. а жизни нашей ни селъ наши(х) не губите. но ать Изаславъ поидеть вѣ свои Володимиръ. а вы вѣ свою землю.

поидите. а вѣ са своимъ брато(м) и снмъ Изаславомъ сами. вѣдаимы (ЛИ, 388); а добро ти бы ради (Х. П. — *рати*) не починавши переди. *аже* дѣеши хотать на ма поѣхати. а иже поѣдутъ на та с хвалою. а бѣ будетъ с тобою и на и моа сновца (ЛИ, 499). Ср. в Лаврентьевской летописи под 1175 г.: тебе ростовци привели и боларе. а мене былъ с братомъ бѣ привелъ и володимерци. а Суздаль буди нама ѡбче. да кого всхотать. то имъ буди князь (ЛЛ, 380—381).

Близкая параллель к таким конструкциям наблюдается в дарственной грамоте великого князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода под 1130 г.: *даже* которыи князь по моему княжению почынетъ хотѣти ѡ(т)нати оу стго Георгия. а бѣ боуди за тѣмъ и станѣца и тѣ стьи Георгии оу него то ѡтимаеть... *даже* кто запъртитъ или тоу данъ и се блюдо. да соудитъ юмоу бѣ вѣ днѣ пришьствиа своего и тѣ стьи Георгии (Хрестоматия, с. 33).

Выше приведены наиболее типичные формы включения текстов посланий в летопись. Однако встречаются и другие случаи. Любо-

пытен, например, прием, когда послание-обращение включается в прямую речь самого отправителя (отметим это место звездочками): и ре(ч) Стославъ. гѣ вижъ мое смирение. колико на са поступахъ. не хота крови пролити. хр(с)тыняньски и ѿ(т)цины своена погубити. взати Черниговъ..., Моровиескъ. Любескъ. Сургощъ. Всеволожъ. а въ нѣхъ сѣдаты псареве же и половци. а всю волость Черниговскую собою держитъ и съ своимъ сновцемъ. и то ему не досыти. но велитъ ми еще и Щернигова поити.* а хр(с)тъ ко мнѣ цѣловаль. ѿко не подозрѣти подо мною Чернигова никимже образомъ. да бѣ буди за всимъ и хр(с)тъ ч(с)тныи. егоже съступаеши ко мнѣ а къ брате не лиха хота тобѣ бороню не ходити. но хота ти добра и тишины земли Рускыѣ (ЛИ, 500).

Включение текста одного послания в другое при сохранении формы первого лица дает обращение Владимира Галицкого к приближенным венгерского короля. Кроме своей просьбы к ним, он приводит и те слова, которые они должны были передать королю: на ту же ночь. выслаша Володимиръ къ архиепискупу и къ воеводамъ и королевимъ и створиса своєю волею акы боденъ. и ре(ч) имъ молитеса ѿ мнѣ королеви. раненъ есмь велми. *а азъ са каю того королю оже есмь тобѣ ср(д)це вередилъ и паки оже противу сталь тобѣ ны(н) же королю бѣ грѣхи ѿ(т)даваетъ а ты ми сего ѿ(т)даи. а не выдаи мене. Изаславу. зане боленъ есми велми. да аще мене бѣ поиметь а сна мое(г) прими к собѣ*. и то ему [королю] помануть мужи рекуще ему *ѿць твой баше слѣпъ. а назъ ѿ(т)цю твою. досыти послужилъ свои(м) копиемъ. и своими полки за его ѿбиду и с лахы са есмь за нь билъ а помани на мнѣ то и сего ми ѿ(т)даи*. и многы дары высла архиепискупу. и мужемъ тѣмъ. златомъ и сребро(м). и съсуды златыми. и сребреными и порты. да быша оумолили корола. а бы не стоалъ на немъ. и волъ королевы не створилъ (ЛИ, 450).

Интересно, что летописец не всегда находит нужным включать текст послания полностью и вводит его в форме косвенной речи с соответствующей заменой первого лица третьим. При этом сохраняется сообщение о посольстве, косвенная же речь вводится при помощи глагола *повѣдати*. Например: и посла [Изяслав Мстиславич] къ брату своему. Ростиславу Смоленску и *повѣда* ему како са с королемъ видилъ въ здоровьи. и како бѣ пособилъ има побѣдити Володимира. Галичскаго. и въ здоровьи бѣ привелъ ѿпаты. в Рускую землю (ЛИ, 454—455); Изаславъ же посла(с) посла. къ брату своему Ростиславу. Смоленску. и *повѣдѣ* ему оже самъ ходилъ на Стослава на Слгови(ч) и оумирился са с ни(м) а Мьстиславъ пришелъ половцѣ побѣдивъ. и много полона возьмъ (ЛИ, 461); и посла [Изяслав Давидович] къ брату Стославу. Чернигову Глѣба Ракошича даю ему Мозырь и Чичерескъ. и *повѣда* ему оже хотать на нь ратью. поити (ЛИ, 498).

В отдельных случаях наблюдается переход от косвенной речи

к прямой: ко королеви посла [Изяслав Мстиславич] мужъ свои и повѣдѣ ему. оже Володимиръ съступилъ хр(с)тынаго цѣлованиа. и ре(ч) тобѣ са оуже не ворочати ни мнѣ. но толико являю ти оже есть съступилъ Володимиръ хр(с)тынаго цѣлованиа. но ты толико не забываи свое(г) слова. еже еси реклъ (ЛИ, 454).

Иначе оформляет такой переход летописец Поликарп: и нача слати [Изяслав Давидович]. къ брату Стославу къ Слгови(ч). и къ Всеволодичю Стославу вела има. поити съ собою на Галичъ. то има повѣдаша. оже на нь хотать поити Киеву (ЛИ, 499); Стославъ же слаше и Щернигова къ Изаславу. вела ему миръ взати. паки ли ти не дада мира а всако поѣди за Днѣпръ. аже будешъ за Днѣпромъ то вса твоя правда. буде(т) (ЛИ, 517).

В форме косвенной речи передается содержание посланий Изяслава Мстиславича иноземным правителям: Изаславъ же пришелъ. во Володимиръ. поча са слати въ Оугры. къ затью своему королеве. и в Лахы. къ свату своему. Болеславу и Межцѣ. и Индриховѣ. и къ чешскому князю сватю своему. Володиславу. проса оу нихъ помочи. а быша всѣли на кони сами полки своими. поити къ Киеву. паки ли самѣмъ не мочно. поити буде(т). а полки своа пустать любо с меншею бра(т)ею. своєю или а(и) с воеводами. своими (ЛИ, 384).

Изучение структуры и языковой формы дипломатических документов XII в. позволяет выявить сходные элементы и в текстах более раннего периода.

О структуре и языковой форме дипломатического документа языческой эпохи — договора или ряда дает представление присяжное письмо Святослава Игоревича, датированное 971 г. В частности, можно отметить начальную формулу: Азъ Стославъ. князь руский (ЛЛ, 72). За начальной формулой следует обязательство, в котором выделяются две части. Первая — формула присяги: ѿкоже клахъса. и оутвержаю на свѣщанъ семь роту свою (ЛЛ, 72). Вторая — текст обязательства: хочю имѣти миръ и свершену любовь со всакомъ. и великимъ црѣмъ Гречскимъ. съ Васильемъ и Костантиномъ. и съ бодохновеными црї и со всѣми людymi вашими. и иже суть подо мн(о) ю русь. боларе и прочии до конца вѣка. ѿко николиже помышлю на страну вашу. ни собираю вои ни языка. ни иногю приведу на страну вашу (ЛЛ, 72—73). Оканчивается письмо текстом языческой клятвы на оружии: аще ли ѿ тѣхъ самѣхъ преже реч(е)ныхъ [не] съхранимъ азъ же и со мною и подо мною да имѣемъ клятву ѿ(т) ба. въ его же вѣруемъ в Перуна и въ Волоса скотыа ба. и да будемъ колоти ѿко золото. и своимъ оружемъ да исѣчени будемъ (ЛЛ, 73).

С точки зрения оформления интерес представляет следующий момент: в письменном тексте клятвы здесь пережиточно сохранились лингвистические свидетельства о том времени, когда договоры заключались устно. Как документ архаического типа присяжное письмо Свя-

тослава отвечает форме той печати, которую принято связывать с канцелярией этого князя ⁶⁹.

До принятия христианства на Руси бытовал обряд принесения присяги, имевший религиозно-языческую форму. Обозначался он словом *рота*. Термин *рота* использовался восточными славянами для передачи понятия «торжественное обещание соблюдать верность взятым на себя обязательствам». «Какое бы ни было первоначальное значение слова *рота*, — писал И. И. Срезневский, — оно в смысле присяги, клятвенного уверения, как термин юридический принадлежит всем славянам издревле» ⁷⁰. О. Н. Трубачев производит славянское слово *рота* (*gota*) из * *rok-ta* ⁷¹.

С термином *рота* в древнерусской письменности связан ряд устойчивых глагольных сочетаний: *водити* (*вести, привести*) *роте* (*к роте, в роту*) — «приводить, привести к присяге»; *ходити* (*ити*) *роте* (*в роту*), *дати роту* — «принести (принести) присягу, дать (давать) клятвенное обязательство»; *переступити* (*потоптати*) *роту* — «нарушить клятвенное обязательство» и т. п.

Составить представление об обряде роты дают возможность тексты договоров Руси с греками: дружинники и князь обнажали оружие, складывали его к подножию идолов и произносили магические заклинания. Например, заключая в 907 г. договор с греками, Олег и его мужи, скрепили его по обычаю предков клятвой: Црѣ же Леонѣ со Ѡлексан(д)ромѣ. мирѣ сотвориста со Ѡлго(м). имшесѣ по данѣ. и *роте захо(д)вше* межы собою. целовавше [сами] кр(с)тъ. а Ѡлга *водивше на роту* и моу(ж) е(г). по роускомуу закону. клѣшасѣ ѱроу(ж)емъ свои(м). и Пероуно(м). бгомъ свои(м). и Волосомъ ско(т)емъ бгомъ и оутвердиша мирѣ (ЛЛ, 32). Когда в 945 г. в Киев прибыли греческие послы, то Игорь с ними «приде на холмъ кде стояше Перунъ. [и] покладоша оружье свое и щить и золото. и *ходи* Игорь *ротѣ* и люди его. елико поганыхъ ру(си). а хрианую русь *водиша ротѣ*. в цркви стго Ильи» (ЛЛ, 54). Сама формула клятвы приводится в договоре: и елико ихъ есть не хрщно. да не имуть помощи ѱ(т) ба. ни ѱ(т) Перуна. да не оущитатсѣ щиты своими. и да посъчени будутъ мечи своими. ѱ(т) стрѣль и ѱ(т) иного оружья своего. и да будутъ рабы въ весь вѣкъ в будущий (ЛЛ, 48).

По-видимому, таким же образом улаживали восточные славяне и внутренние конфликты, однако сведения об этом крайне ограничены. Так, под 980 г. есть упоминание о том, что Владимир помирился с Варяжком, верным слугой убитого им брата Святополка: ѱдва приваби и. *заходивѣ* к нему *ротѣ* (ЛЛ, 78).

После объявления в 988 г. христианства официальной государственной религией Киевской Руси в практику восточных славян начи-

⁶⁹ Янин В. Л. Указ. соч., с. 111.

⁷⁰ Срезневский И. И. Договоры с греками. — Сб. отд. рус. яз. и словесности, 1854, т. 3, с. 296.

⁷¹ Трубачев О. Н. Славянские этимологии. — В кн.: Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов. София, 1957, с. 338—339.

нает входить новый обряд присяги, связанный с целованием креста как одного из священных предметов. С принятием христианства форма клятвы должна была измениться ⁷². Теперь присягу давали уже не на оружии, призывали в свидетели не Перуна или Волоса, но христианского бога. Оружие же заменил символ христианства — крест.

Хотя клятва дается теперь на кресте, ее языческая сущность сохранилась. Покарать отступника должен именно тот предмет, на котором она была дана. Фетишизация креста при подтверждении и освящении договора, как считают, восходит к клятвам на оружии языческих времен при тех же обстоятельствах, когда языческие боги и собственное оружие должны были наказать нарушителя договора. «Целованию креста придавалось особое значение, — пишет М. Б. Свердлов, — поскольку нарушение договора должно было навлечь кару божественной силы» ⁷³. Такое толкование обряда крестоцелования превращало его в поклонение кресту, как освящающей и карающей силе. Этим объясняется, например, тот факт, что Володарь и Василько вышли навстречу Святополку именно с тем крестом, целование на котором преступил Святополк: се слышавъ Володарь и Василко. поидоста противу. *взе(м)ше крѣ(с)*. ѳгоже бѣ цѣловаль к нима. на се(м) ѳако на Двѣда пришелъ есмь. а с вама хочю имѣти мирѣ и любовь. и приступи Стополкъ кр(с)тъ. надѣясѣ на мно(ж)ство вои. и срѣтошасѣ на поли на Рожни. исполчивши(м)сѣ ѱбои(м). и Василко възвыси *кр(с)тъ* глѣ. ѳако сего ѳеси цѣловаль. се первѣе взялъ ѳеси зракъ ѱчью моею. а се нынѣ хощещи взѣти дщю мою. да буди межы нами *кр(с)тъ* сь. и поидоша к собѣ к боеви и сступишасѣ полци. и мнози члвци блѣговѣрнии видѣша *кр(с)тъ* над Василковы вои възвышсѣ велми (ЛЛ, 269—270).

Хотя древнерусские летописи не сохранили полностью текстов договорных документов XI в., отдельные структурные элементы, близкие к перечисленным выше, встречаются в тексте «Повести временных лет». Например, под 1067 г. приводится отрывок обязательства, которое братья Ярославичи дали Всеславу Полоцкому: приди к намъ ѳако не створимъ ти зла (ЛЛ, 167). Как и в письме Святослава, обязательство здесь выражено личной формой глагола. Сходное с предыдущим оформление обязательства засвидетельствовано и статьей под 1097 г. В ней речь идет о том, что князья, собравшиеся на съезд в Любече, постановили: ѱ(т)сель имѣмьсѣ по едино с(р)дце и сьблюдѣмъ Рускую землю. кождо держить ѱчьчину свою. Стополку Киевѣ Изяславѣ. Володимерѣ Всеволожѣ Двѣдѣ и Ѡлегѣ. ѳарославѣ. Стославѣ. имѣже раздавалъ Всеволодѣ. города. Двѣдѣ Володимерѣ. Ростиславичема Перемышль. Володарѣви Тереволь. и Василкови (ЛЛ, 231).

Под 1097 г. описывается также обряд целования креста, скрепляю-

⁷² Свердлов М. Б. Древнерусский акт X—XIV вв., с. 65.

⁷³ Там же.

ший договор группы князей. Как можно заключить из описания, участники повторяют слова клятвы, завершающей договор, коллективно, как и при клятве на оружии: и на томъ цѣловаша хрестъ: да аще ѿ(т)сель кто на кого встанеть, то на того будемъ вси и честныи кр(с)ть. и рекоша вси да будетъ на нь хрестъ ч(с)тныи. и вса земля Руская (ЛИ, 231). Описание обряда целования креста, сопровождающегося коллективной клятвой, занесено в Киевскую летопись и под 1142 г. Вначале в форме беседы братьев сообщаются условия договора: и ѿха Стославъ къ Игореву и ре(ч) что ти даеъ бра(т) стариши. и ре(ч) Игорьъ даеъ ны по городу Берестии. и Дорогычинъ Черторыекъ. и Кльчъскъ. а ѿ(т)чинъ своеъ не даеъ Вагичъ (ЛИ, 310). Затем: и чѣлова Стославъ кр(с)ть съ братомъ своимъ Игоремъ. а на оутрѣи днь. чѣловаста Володимѣръ. Изяславъ съ Игоремъ. и тако яшася вси рекоуще. кто състоупитъ кр(с)тье цѣлование. да съ кр(с)ть возьмьститъ. Под 1145 г. упоминается, что польские князья Болеслав и Межка «переѣхавша на сю сторону. и поклонистася Игореву. и съ братьею его. и цѣловавше кр(с)ть межю собою и тако рекоша. аще кто перестоупитъ кр(с)тьное цѣлование на того. быти всимъ (ЛИ, 318). Ниже в летописи приведены условия договора: И даста брата своему Владиславу. д города. а Игореву съ братьею Визноу (ЛИ, 318).

Условия договора нередко включаются в те послания, которые древнерусские князья направляли друг другу. Так, в послании Святослава Всеволодовича сохранился, например, текст договора, который он заключил с Ярославом Мстиславичем: а помани первыи радъ. рекль бо еси ѿже на садѹ въ Киеву. то на тебе надѣлю паки ли ты садещи въ Киевѣ то ты ме надѣли (ЛИ, 578).

Анализ текстов посланий, сохранившихся в летописании XI—XII вв., позволяют выделить следующие их разновидности.

С архаическим типом печатей соотносятся послания первой четверти второй половины XI в. Данные об их языковой форме находим под 1069 г., где описаны переговоры Святослава и Всеволода Ярославичей с братом Изяславом и киевлянами, представленные в «Повести временных лет» тремя текстами. И хотя здесь приведена лишь часть каждого из документов, но именно та, в которой заключено его основное содержание. Четко выделяются три структурных элемента. В первом излагаются обстоятельства и причины, побудившие направить послание. Так, киевляне сообщают: мы оуже зло створили ѿсмы. князю своему прогнавше. а се веде[тъ] на ны Ладъскую землю (ЛЛ, 173). Далее содержится указание на те действия, которых ожидают в связи с обращением: а поидѣта в градъ ѿца своего (там же). Третий элемент содержит предупреждение адресатам: аще ли не хочета. то на(м) невола зажгоша градъ свои ступи(м) въ Гречьску землю (ЛЛ, 173). Данные послания еще свободны от церковных элементов. Формула угрозы в этот период основывается, как видим, на конкретных деталях древнерусского быта. С анализируемыми текстами соотносятся печати, приписываемые старшим Ярославичам, в оформлении которых присутствуют языческие мотивы.

Конец XI в. характеризуется значительным количеством текстов дипломатического характера, размещенных в «Повести временных лет» под 1096—1097 гг. Здесь два совместных послания Владимира Мономаха и Святополка Изяславича, несколько посланий Олега Святославича, отрывки из посланий Мстислава Великого. Разнообразие в оформлении их текстов отвечает появлению в этот период печатей различных типов. Исследователи выделяют среди них буллы как с греческими и древнерусскими строчными надписями, так и те, что имеют изображения святых — патронов владельцев печатей. Соответственно отдельные элементы церковного характера проникают в тексты посланий. В одном из них под 1096 г. впервые встречается формула обращения к высшим силам: а бѣ промежи нами будетъ (ЛЛ, 230).

Формуляр княжеского послания оттачивается и начинает устанавливаться лишь к середине XII в. Однако формулы приветствия и вассальной зависимости продолжают варьироваться и в этот период.

С одной стороны, в посланиях сохраняются такие архаические приветствия, как *богъ ти помози*, где сказуемое выступает в реликтовой форме побудительного наклонения. Некоторые послания еще начинаются рассуждениями общего характера (то было преже дѣдъ нашихъ и отецъ нашихъ; миръ стоитъ до рати. а рать до мира). С другой стороны, появляются обороты, в которых приветствие подменяется указанием на вассальную зависимость. Следует отметить, что, по данным исследователей, именно к середине XII в. устанавливается единый тип княжеской печати с изображением двух святых, которые таким образом указывают на христианские имена и отчества их владельцев.

Во второй половине XII в. наблюдается не только унификация княжеской печати, но и определенное единообразие в оформлении документов. В это время место приветствия окончательно занимает формула вассальной зависимости. К концу века в княжеских посланиях появляется термин *господин*: ты отецъ ты *господинъ* ты братъ. В формулу, которой заканчивается послание, теперь обязательно включается слово *богъ*, что связано с ростом влияния христианства на княжеской быт⁷⁴. Требование ультимативного характера, которым, как правило, послания оканчиваются, приобретают в этом случае резко церковный характер.

Сопоставление фрагментов договоров и посланий правителей Древней Руси, приведенных в летописях, с формой печатей этих же правителей показывает, что становлению формуляра договора и княжеского послания соответствует усовершенствование оформления вислой буллы.

В этот период древние традиции продолжают сохраняться не только в оформлении, но и в содержании документов. Так, В. Т. Пашуто пишет: «Уцелевшая договорная грамота Новгорода с северными странами о мире, посольских и торговых отношениях и суде (конец XII в.), родившаяся в пору активизации немецкого, шведского и датского наступления на Восточную Прибалтику (судя по напластованию двух

⁷⁴ Ср. Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение, с. 89.

редакций), представляется имеющей за собой глубокую историческую традицию, восходящую к давности русско-византийских договоров, причем если в них русские и византийские нормы были смешаны, то в данной грамоте явно преобладают первые, что дает возможность судить об уровне дипломатико-правовой мысли Руси»⁷⁵.

Послания, включенные в летописи, имеют своеобразное синтаксическое строение, но оно во многом совпадает со строением известных письменных документов. Наиболее четко сходство между ними прослеживается в использовании устоявшихся речевых трафаретов, закрепленных длительным употреблением. Подобные устойчивые формулы особенно выделяются в начале и в конце княжеских посланий.

Все это свидетельствует о том, что в XI—XII вв. существовала устойчивая традиция оформления посланий, сохраняющаяся в основных своих чертах и в последующее время. Однако в пределах этой традиции отдельные отправители имели большие возможности для выявления индивидуальных особенностей своего авторского стиля. Отраженные в древнерусском летописании дипломатические переговоры князей отличаются таким богатством синтаксического выражения, которое, на наш взгляд, могло появиться лишь в результате использования летописцами письменных источников.

Можно было бы привести еще ряд примеров, как характеризующих индивидуальную манеру авторов посланий, включенных в летописи, так и свидетельствующих о традиционных способах их оформления, сложившихся на протяжении веков. Однако и проанализированный выше материал позволяет сделать следующие выводы:

1. В составе древнерусских летописей, в частности Киевской, сохранились тексты особого рода, не совпадающие с известными науке письменными источниками ни по содержанию, ни по форме.

2. По содержанию, отражающему дипломатические отношения между отдельными княжествами, они могут быть выделены в особый тип документов — княжеские послания.

3. Структура посланий, включенных в летописи, отличается от структуры письменных документов, известных до сих пор. Однако в структурной организации каждой отдельной части этих посланий можно выявить особенности, сближающие их как с грамотами, написанными на пергаменте, так и с новгородскими берестяными грамотами (формулы зачина, угрозы, заключительные формулы и т. д.).

4. Черты индивидуального стиля отправителей посланий наиболее четко выражены при изложении содержания вопроса, ради которого они составлялись. Таким образом, есть основания говорить о письменном характере данных текстов.

Изучение языка и стиля Киевской летописи — исторического и литературного памятника XII в. позволило выявить и проанализировать его составные части, определить их источники. Такой подход к исследованию летописного языка конкретизировал наше представление о почти неизвестных до сих пор древнерусских писателях XII в., в совершенстве владевших нормами древнерусского литературного языка.

Мы попытались определить отличительные свойства речевой манеры каждого из летописцев, принимавших участие в создании памятника: Петра Бориславича, Поликарпа, Кузьмица Киянина, Галичанина, неизвестного по имени летописца князя Святослава Всеволодовича. При этом особое внимание уделялось летописцу Петру Бориславичу, с именем которого предположительно связывают создание «Слова о полку Игореве»¹.

Факты языка подтверждают гипотезу Б. А. Рыбакова об активной летописной деятельности Петра Бориславича. Они свидетельствуют, что этому летописцу принадлежит почти половина текстов Киевской летописи. Сопоставление их языка с языком «Слова о полку Игореве» позволяет установить, что специфическая лексика и характерные синтаксические конструкции «Слова о полку Игореве» находят соответствие преимущественно в тех ее фрагментах, которые соотносятся с именем Петра Бориславича.

Проведенное на широком лексическом материале с привлечением данных различных уровней языка и использованием количественного метода исследования такое сопоставление подтверждает связь «Слова о полку Игореве» с древнерусской письменностью.

На языковом материале находит поддержку и предположение о редакторской деятельности Моисея Выдубицкого. Особенности языка и стиля его текстов удается определить путем их сопоставления с фрагментами текстов других авторов Киевской летописи. Выясняется, что редактированием Моисея объясняется наличие книжных элементов, характеризующих этот памятник. В частности, он ввел в текст летописи большинство заимствованных из старославянской письменности гречизмов церковного содержания (*евангелие, калугеръ, кутья*,

⁷⁵ Пашуто В. Т. Опыт периодизации истории русской дипломатии (ранний и развитый феодализм). — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исслед., М., 1982, с. 17.

¹ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». — М., 1972, с. 1—520.

трапеца и т. п.). У Моисея наблюдается и склонность к употреблению сложных слов, которые придают его произведениям торжественный характер. Специфической особенностью его языка является также использование образований с суффиксами **-ние, -тие, -ость, -ствие, -ство**, характерных для книжного стиля речи, и т. д.

Изучение редакторской деятельности Моисея позволяет сделать вывод, что большинство книжных, старославянских по происхождению, слов и выражений были внесены в Киевский летописный свод при его составлении выдубицким игуменом. Этот вывод находит косвенную поддержку в наблюдениях А. С. Мельничука: «Сопоставление основного текста Киевской летописи и отдельных включений в него, написанных по церковнославянским образцам, показывает, что составители этой летописи свободно владели только собственно древнерусским письменным языком с его уже довольно определенными орфографическими, грамматическими и стилистическими нормами, в попытках использования церковнославянского языка они допускали значительные погрешности против его норм»².

Вопрос о соотношении древнерусских и старославянских элементов в языке памятника может и должен быть пересмотрен. А такой пересмотр предполагает внесение соответствующих корректив в существующие теории языковой ситуации в Киевской Руси. В частности, возражение вызывает установившийся в филологической науке взгляд на летопись, как на смешение разнородных в языковом плане фрагментов, удобных для иллюстрации постоянных переходов от старославянского языка к древнерусскому и наоборот.

Материалы исследования могут быть использованы для решения проблемы функционального соотношения местного древнерусского и близкородственного, но привнесенного извне старославянского языков, которая занимает одно из центральных мест в общей проблематике восточнославянской филологии.

Принципиально важным следует считать выявление в составе Киевской летописи текстов, не совпадающих с известными науке письменными источниками ни по содержанию, ни по форме.

Археологические исследования выявили происхождение обычая вислой печати на Руси, показали, что традиция оформления сфрагматического типа восходит к дохристианскому времени³. Материалы сфрагистики убедительно свидетельствуют о глубокой древности письменного акта у восточных славян. Однако сохраняет актуальность проблема функционального назначения вислой печати, выяснение вопроса, при каких документах она употреблялась. Отсутствие оригиналов дипломатических текстов домонгольского времени переводит этот вопрос в область гипотез и предположений. Его решение, как нам представляется, может быть плодотворным лишь при учете и сопоставлении данных различных наук, имеющих отношение к проблеме письменности в Древней Руси. Лингвистический анализ подтверждает

высказанное в советской исторической науке мнение, что в составе древнерусских летописей сохранились фрагменты памятников домонгольской дипломатии, не дошедших до нашего времени в оригиналах. На основе этих фрагментов нами восстановлены структура и формуляр дипломатических документов XI—XII вв., показана их близость к подлинникам договорных грамот и княжеских посланий последующих столетий.

Сопоставление приведенных в летописях договоров и посланий правителей Древней Руси и оформления печатей этих же правителей показало, что становление формуляра документа находится во взаимной связи с усовершенствованием оформления вислой буллы. Так, печатям архаического типа, сохранившимся до третьей четверти XI в., соответствуют договоры и послания этого же периода, лишенные признаков церковного влияния на их язык. Появлению со второй половины XI в. печатей различных типов отвечает разнообразие в оформлении текстов документов. Их формуляр оттачивается и устанавливается лишь к середине XII в., когда наблюдается и установление единого типа княжеской печати.

Наряду со становлением формуляра дипломатических документов ведутся поиски новой дипломатической терминологии, в частности для их названия. Такие идущие из глубокой древности названия документов, как *жалоба, любовь, мольба, ряд, твердь* и т. п., по-видимому, уже не вполне отвечают требованиям времени. Развитие идет в направлении уточнения значения существительного *грамота* путем присоединения к нему определений. Ср. в письме Владимира Мономаха к Олегу Святославичу: *грамота утѣшеная, грамота с правдою*. Завершается оно появлением в конце первой половины XII в. термина *крестная грамота* как названия договора, отражая, таким образом, усиление церковного влияния. К этому времени тип документа, им обозначаемый, уже имел четкую структурную организацию и языковую форму воплощения, которая не претерпела существенных изменений и в последующие столетия.

² Мельничук А. С. О языке Киевской летописи XII в.— В кн.: IX Міжнародний з'їзд славістів : Слов'янське мовознавство. К., 1983, с. 118.

³ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. 1. Печати X — начала XIII в.— М., 1970, с. 38—40.

ТЕКСТЫ ПОСЛАНИЙ¹

КИЕВСКАЯ КОАЛИЦИЯ КНЯЗЕЙ

От Вячеслава Владимировича

№ 1. Юрию Долгорукому, 1149 г.

се оугри оуже идутъ а ладьсции князи всълъ оуже на конѣ а Изаславъ ти оуже доспѣваетъ... любо дай Изаславу чего ти хочеть. паки ли на поиди полкы своими ко мнѣ. заступи же волость мою Изаславъ ми то молвить ты ми буди въ ѿ(т)ца мѣсто. поиди сади же в Киевѣ. а съ Гюргемъ не могу жити. не хочи[ши] ли мене въ любовь прияти. ни Киеву поидеши сѣдѣть. а хочю волость твою пожечи. ннѣ же брате поѣди (на) видѣвъ ѿба по мѣсту что на бѣ дасть. любо добро. любо зло паки ли брате не поѣдеша на ма. не жалуи. аже моеи волости поженѣ быти (385—386).

№ 2. (с Юрием Долгоруким) Болеславу Польскому, Индриху Чешскому и венгерским воеводам, 1149 г.

бѣ помози затю нашему королеви. и братоу нашему Болеславу. и снви нашему Индриховѣ. ѿже межн нами добра хочете но ѿбаче ѿже ны са велите мирити. то не стоите на нашей земли. а жизни нашей ни сель наши(х) не губите. но ать Изаславъ поидеть въ свои Володимирѣ. а вы въ свою землю. поидите. а въ са своимъ брато(м) и снмъ Изаславомъ сами. вѣдаимы (388).

№ 3. Изяславу Мстиславичу, 1150 г.

аче ти ма оубити снѡу на семъ мѣстѣ. а оубии а на не ѣдоу (397).

№ 4. Изяславу Мстиславичу, 1151 г.

снѡу бѣ ти помози. ѿже на мене еси ч(с)ть възложилъ. то аще бы ты и давно тако оучинилъ. то ци мене еси поч(с)тилъ ба еси поч(с)тилъ аже дѣеши ты мои еси ѡцѣ а ты мои и снѣ оу тебе ѿ(т)ца нѣту а оу мене сна нѣтуть. а ты же мои снѣ ты же мои братъ (418).

№ 5. Изяславу Мстиславичу, 1151 г.

снѡу бѣ ти помози. ѿже на мене еси ч(с)ть възложилъ. акы на своемъ

¹ Послания приводятся по тексту Киевской летописи, вошедшей в издание: Полное собрание русских летописей, т. 2. Ипатьевская летопись.— М., 1962. Нумерация столбцов в тексте в круглых скобках. Деление условное. В одну группу объединяются послания близких родственников, связанных с определенной территорией Древней Руси.

ѡ(т)ци а на паки снѡу тобѣ молвлю. а есмь оуже старъ а вси(х) радѡвъ не могу оуже радити но будевѣ ѡба Киевѣ, аче на буде(т) который радъ или хр(с)тъяны(х) или поганы(х). и идевѣ ѡба по мѣсту. а дружина моя и полкъ мой. а то буди ѡбою нама ты же ради. аче кдѣ на будеть мочно ѡбѣима ѣхати. а ѡба ѣдевѣ паки ли а ты ѣзди с мой(м) полкомъ. и съ своимъ (419).

№ 6. (с Изяславом Мстиславичем) венгерскому королю Гейзе II, 1151 г.

бѣ ти помози брате. ѿже на еси тако помоглъ. толико можеть такъ оучинити братъ роженн. или снѣ ѡ(т)цю како же ты нама еси оучинилъ. въ же паки тобѣ брате молвивѣ. ѡто слевѣ. к тобѣ сна своего. Мьстислава с рѣчми (420).

№ 7. (с Изяславом Мстиславичем) венгерскому королю Гейзе II, 1151 г.

ты нама еси тако оучинилъ яко же можеть такъ братъ роженн брату своему. или снѣ ѡ(т)цю ако же ты нама помоглъ. въ же паки брате собѣ молвивѣ. нама дай бѣ нероздѣлно с тобою быти ничимже. но аче твоа ѡбида кде а нама дай бѣ ту самѣмъ быти за твою ѡбиду. или паки бра(т)ею своею или съ снѣми своими. и полкы своими. а нама са тобѣ нѣчимъ ѡ(т)купити сему. толико главою своею ако же ты нама еси створилъ. ны(н) тако же свое дѣло сверши добро. самого тебе не зовемъ. зане же црѣ ти ратенѣ. но пусти на помочь. любо таку же паки а силнѣишоу того поусти на. съ бра(т)мъ с моимъ (X. П.— своим) Мьстиславомъ а с наю сномъ зане же Гюргии естѣ силенѣ. а Двѣдвичи и Олговичи с нимъ суть. аче и половци дикѣи с нимъ. а и тыи золотомъ узводить ны(н) же брате сеѣ весны помози на. дажъ будевѣ сеѣ весны. въ порозна. а въ будевѣ съ своими полкы тобѣ в помочь. паки ли са ты ѡ(т) цра оуправиши. а ты буди намъ помощни а все ти скажють твои мужи. и братъ твои Мьстиславъ како ны бѣ помоглъ. и паки како са по на(с) тала Руская земля еса и чернии клобуци (420—421).

№ 8. Ростиславу Мстиславичу, 1151 г.

се брате бѣ скупилъ на по мѣсту с твоимъ братомъ. а с мой(м) сномъ Изаславомъ. а се паки добывѣ Руской земли. и на мнѣ ч(с)ть положилъ. и посади ма в Киевѣ. а на снѡу тобѣ снѡу молвлю. како мнѣ снѣ бра(т) твои Изаславъ. тако ми ты. а назъ ти молвлю снѡу потрудиса к нама сѣмо. ать вси видимъ по мѣсту што ны. бѣ навить (421—422).

№ 9. Юрию Долгорукому, 1151 г.

азъ есмь брате тобѣ много молвилъ. и Изаславу ѡбѣима вама. не пролѣита крови хр(с)тъяньскы. ни погоубита Роускы землѣ того ва есмь борона и не правилъ себе ѿже ма переѡбидила и первое и другое. и бещестѣ на мене еста положила. а полкы имѣю а силу имѣю. и бѣ ми даль. но назъ Рускы дѣла земли. и хр(с)тъ (X. П.— хр(с)тъян)

дѣла. того всего не поманоуль. но и ѣще то вамъ есмь. навиль. оже
Изаславъ ѣда битса. съ Игоремъ тако. молвить. назъ Києва не собѣ
ищю. но оно оцъ мои Вачьславъ. бра(т) старѣи. а тому его ищю.
а то ти молвить битса ѣда а и бѣ ему помогль. а онъ же Киевъ собѣ.
и ѣще надъ тѣмъ. и Туровъ и Пинескъ оу мене о(т)наль. то ти Изаславъ
ма тѣмъ приобидиль. а ты паки брате поѣда Переяславлю съ Изаславомъ.
битса. тако же молвиши. азъ Києва не собѣ ищю. оно оу
мене бра(т) старѣи Вачьславъ. нао и оцъ мнѣ а тому его ищю. а бѣ
ти помогль. а ты же Киевъ собѣ. и ѣще надъ тѣмъ Пересопнищю и До-
рогобужь еси оу мене о(т)наль а ты ма тако перешбидиль а мнѣ еси
Вышегородъ оудинъ даль. на же того всего не правилъ. Рускыя дѣла
земла. и хр(с)тыанъ дѣла и ѣще вао есмь оустагываль. а вы мене не
слушаета тоти ни мнѣ еста не оуправила еже рекша но бѣви то ми
еси молвить. противоу молоджьшему не могу са поклонити се же Изаславъ
аче и двонча ступиль слова своего се же ны(н) добывъ Києва.
и поклониль ми са. и ч(с)ть на мнѣ положиль и в Киевѣ ма посадиль
и о(т)цмъ ма назваль. а на его сномъ. дажь еси рекль молоджьшему
са не поклоню. да се азъ тебе старѣи. есмь. не маломъ но многомъ.
азъ оуже. бородачь а ты са еси родиль. паки ли хошеши на мое стари-
шиньство поѣхати нао то еси поѣхаль. да бѣ за всимъ (429—430).

№ 10. Юрию Долгорукому, 1151 г.

оу тебе снвѣ. з. а на ихъ о(т) тебе не о(т)гоню. а оу мене одина
два сна Изаславъ и Ростиславъ. а инии молоджьшии суть же. но на
брате тобѣ молвлю. Роускы дѣла земля и хр(с)тыанъ дѣла. поѣди же
оу свои Переяславль и в Коурескъ. и съ своими сны а онамо оу тебе
Ростовъ Великий. и Олговичи поусти домови. а сами са оурадимъ.
а крови хр(с)тыаньскы не пролѣимы. паки ли по своему замыслу
пойдеши. ако же еси и поѣхаль... а тои ны прч(с)тъи Гжи судити съ
снмъ своимъ и бмъ наши(м). въ сии вѣкъ и в будущи (430—431).

№ 11. (с Изяславом Мстиславичем) Юрию Долгорукому, 1151 г.
пойди въ свои Суждаль хр(с)тъ еси цѣловаль (443).

№ 12. (с Изяславом Мстиславичем) Юрию Долгорукому, 1151 г.
ты намъ братъ еси. пойди же въ свои Суждаль. аже Городька дѣла
молвиши то за сии м(с)ць за одинъ перепочивъ пойди же въ свои
Суждаль не пойдеши ли а мы тако же пришедше своими полкы. станемъ.
около Городка. наоже и сде стоимы. но на то(м) цѣлуи хр(с)тъ нао
ти в томъ въ всемъ оустояти и Києва подъ Вачеславо(м) и подъ Изаславомъ
не искати (443).

№ 13. (с Изяславом Мстиславичем) Юрию Долгорукому, 1151 г.
Стославъ же ти Олговичъ не надоби (443).

№ 14. Изяславу Давидовичу, 1154 г.
пошто еси приѣхаль. и кто та позваль. їди же оу свои Черни-
говъ (469).

№ 15. Святославу Всеволодичу, 1154 г.

ты еси Ростиславу снѣ любимыи. тако же и мнѣ. а поеди сѣмо ко
мнѣ. перебуди же оу мене Киевъ доколѣ же приде(т) Ростиславъ. а
тогда радъ вси оучинимъ (470).

От Мстиславичей

№ 1. Изяслав Владимиру Давидовичу и Изяславу Давидовичу,
1147 г.

се есмы поуть замыслили великъ. а то есть оутвержение дѣдъ
наши(х) оцъ наши(х) хр(с)тъ есме цѣловали. а извѣстимса и ѣще. ако
на семь пути. ни тажи. имѣти ни которого же извѣта. ни насти но во
правдоу сии поуть сходити. и с противными са бити (345).

№ 2. Изяслав Владимиру Давидовичу и Изяславу Давидовичу,
1147 г.

аже оустоите оу кр(с)тъно(м) цѣлованыи. и назъ ва брата навлаю
тако ми вошло во оуши. оже ма ведете ма лъстью. а ко Стославоу
есте хр(с)тъ цѣловали. ко Олговичю. нао на семь пути вамъ любо
ма насти. любо оубити въ Игоря мѣсто. а есть ли то бра(т)на тако или
не тако (346).

№ 3. Изяслав Владимиру Давидовичу и Изяславу Давидовичу,
1147 г.

вы есте кр(с)тъ цѣловали до живота своего. а волости Стослави
и Игоревъ даль ва есмь. назъ же с вама и Стослава прогналь а волость
ва есмь изискаль. и даль Новгородъ и Поутивль. а жизнь есмы его
взали. а имѣнье его раздѣлиль. на части. а Игореву на взаль. се же
бра(т) хр(с)тъ еста перестоупила. а сѣмо ма повела лъстью. оубити ма
хотаче да боуди со мною бѣ и сила животворящаго ха и како ми бѣ
дасть (346—347).

№ 4. Изяслав Ростиславу Мстиславичу, 1147 г.

брате се Володимеръ Изаславъ Двдвича. хр(с)тъ к нама была цѣ-
ловала и доумоу доумала поити с нама на стрьа нао. и хотѣла со
мною. лъстью субити ма. хотача. но бѣ и сила кр(с)тънао оубоуавила.
а оуже брате. кде есме были доумали. поити на стрьа своего. то оуже
тамо не ходи. но пойди. сѣмо ко мнѣ. а тамо наряди новгородци. и
смолянаны ать оудержать Гюрга. и к ротнико са сли. и в Разань и
всамо (347).

№ 5. Изяслав киевлянам, 1147 г.

назъ бахъ вамъ. навил се доумаль есмь со бра(т)мъ своимъ Ростиславо(м)
и съ Володимиромъ. съ Изаславомъ Двдвичема. поити на стрьа своего на
Гюрга. и васъ есмь собою вабилъ. и вы мнѣ есте рекли не можемъ на
Володимире плема роуку възнати на Гюрга. но оже на Олговичи хота и с
дѣтми иде(м) с тобою. се же вы навлаю. се Володи(ме)рь Двдвичъ. и
Изаславъ и Всеволодичъ Стославъ. емоу же азъ много добра створи-
хъ цѣловали ко мнѣ кр(с)тъ ны(н) же

цѣловали потаи мене. хр(с)тъ къ Стославу Олговичю. а къ Гюргеви са послали а надо мною леть оучини(ли) хотѣли ма бо нати любо оубити про Игоря но бѣ ма застоупилъ и х(с)тъ ч(с)тныи. его же ко мнѣ человали ны(н) же бра(т)е кичане чего есте хотѣли чимъ ми са есте обѣчали. поидите по мнѣ к Черниговоу. на Олгови(ч) доспѣвайте ѿ(т) мала и до велика. кто имѣеть конь. кто ли не имѣеть кона. а в лодѣ. ти бо соутъ не мене ѿдинога хотѣли оубити. но и ва(с) искоренити (348—349).

№ 6. Изяслав Ростиславу Мстиславичу, 1148 г.

бра(т) являю ти. на Олгови(ч) есми ходилъ. к Черниговоу ходилъ и на Олговѣ (Х. П.—поли) есми стоялъ. и много есмь имъ зла оучинилъ землю и(х) повоевалъ. есмь. и тоу ко мнѣ не възмогша выти битьса. полкомъ и ѿ(т)тоудоу идохомъ к Любчю. и тоу к на(м) приѣхаша и разиде ны с ними рѣка. и нѣльзѣ бы ны са с ними тоу рѣкою битьса полко(м) и на тоу ночь бы(с) дождь. великъ и бѣ на Днепрѣ бы(с). бѣ ледъ лихъ. и того дѣла поидохомъ на ѿноу сторону и тако бѣ. и стаа Бца и сила животворящаго (ха) приведе ны въ здоровьи в Киевъ. и тебе брате пращаю. въ здоровъ ли еси. и што ти тамо бѣ помогаетъ (362—363).

№ 7. Изяслав Давидовичам и Ольговичам, 1148 г.

бра(т)е то добро есть хр(с)тъанъ блюсти а вы есте были на сонмѣ а на дослю братоу Ростиславу и с тымъ паки оугадаю и послеѣвѣ послы свое к вамъ (364).

№ 8. Изяслав Ростиславу Мстиславичу, 1148 г.

се бра(т)на прислалиса ко мнѣ Володимиръ Изаславъ Двдича и Стославъ Олговичъ. и Стославъ Всеволоди мира проса а на паки гадаю с тобою. а како боудеть обѣима нама годно. годно ли ти миръ. аще зло на суть створили. но се мира ищють. оу наю паки ли рать годно а на на тобѣ оукладываю (365).

№ 9. Изяслав Давидовичам и Ольговичам, 1148 г.

вы еста ко мнѣ хр(с)тъ цѣловала. на томъ. ѿже вы брата Игоря не искати и того еста състоупила. и до сыти ми пересердия оучинила еста ны(н) же всего того не поминаю Роускиа дѣла земля. и хр(с)тъанъ дѣла. аже есте ко мнѣ прислалиса. мира дѣла. и ѿ томъ са каете што есте хотѣли оучинити ны(н) же цѣлоуйте на томъ хр(с)тъ ѿже вы про Игоря ворожды не имѣти ни того оучинити. што есте хотѣли преди оучинити (366).

№ 10. Изяслав Владимиру Давидовичу, 1149 г.

брате бѣ ти помози. акоже и самъ молвишь. хр(с)тъ есмы цѣловали нахо вси(м) намъ быти за ѿдинъ. нынѣ же брате се моужь мой. а ты пристави свои моужь. послѣѣвѣ же ко Стославу Олговичю (374).

№ 11. Изяслав Святославу Ольговичу, 1149 г.

хр(с)тъ есмы бра(т) на то(м) целовали. ѿже быти вамъ со мною. а се брате стрый мой градеть на ма. а брате доспѣваи. какоже Володимиръ доспѣваетъ. Изаславъ бра(т) его (374—375).

№ 12. Изяслав Святославу Ольговичу, 1149 г.

брате хр(с)тъ еси ч(с)тъныи цѣловаль ко мнѣ. ако со мною быти. а ворожду еси про Игоря ѿ(т)ложилъ. и товары его. ны же брате сего ли дозрѣвъ то поминаеши. ѿже стрый мой на ма ратью идеть. ны(н) же ци хр(с)ту ч(с)тъноу оуправити [хочеши] нахо же еси цѣловаль буди со мною. не хоче[ши] ли быти со мною а ты еси оуже хр(с)тъное челование переступилъ. а на есмь бес тебе и на Волгу ходилъ и цѣ что ми было. а нынѣ абы со мною бѣ былъ. и хр(с)тънаа сила (376).

№ 13. Изяслав Ростиславу Мстиславичу, 1149 г.

се есвъ оугадала тако аже Гюрги проминеть Черниговъ. а тобѣ поити ко мнѣ. ны(н) же оуже брате Гюрги поминулъ Черниговъ. а поиди ать оба видивѣ. оба по мѣстоу што на бѣ дасть (377—378).

№ 14. Изяслав венгерскому королю Гейзе II, польским и чешскому князьям, 1149 г.

бѣ вы помози. ѿже ми са есте яли. помогати. а назъ вы реку бра(т)е съ рж(с)тва Х(с)ва пользите на кони (385).

№ 15. Изяслав Владимиру Володаревичу Галицкому, 1149 г.

оуведи ма в любовь. къ строеви моему и своему сватоу Дюргеви. назъ въ всемъ виноватъ передъ бѣмъ и пред нимъ (391).

№ 16. Изяслав Вячеславу Владимировичу и Юрию Долгорукому, 1150 г.

се брате. на томъ есмы хр(с)тъ целовали. комоу свое познаваючи имати. нынѣ же брате. ѿже хочеши хр(с)тоу оуправити. то даи ны бѣ пожити. не хочеши ли оуправити а то оузримъ (394).

№ 17. Изяслав Вячеславу Владимировичу и Юрию Долгорукому, 1150 г.

брата еста моя. хр(с)тъ еста цѣловала на томъ. ако моего. что есть то исправити. се же брата первое есми слалъ к вамъ. и ны(н) любо на чемъ. хр(с)тъ еста целовала. то оуправита. не хочета ли того. всего исправити. то на въ бидѣ (Х. П.—въ обидѣ) не могоу быти (394).

№ 18. Изяслав Вячеславу Владимировичу, 1150 г.

на есмь позываль тебе Киевоу. съдѣтъ а ты еси не восхотѣлъ. а ныне ци сего еси дозрѣлъ. ѿже бра(т) твой выѣхаль. а ты са садиши в Киевѣ. ны(н) же поѣди Вышегородъ свои (396—397).

№ 19. Изяслав венгерскому королю Гейзе II, 1150 г.

ты ми еси самъ реклъ. акоже Володимеръ не смѣеть головы склонити. на же есмь Гюрга ис Киева выгналъ и Гюрги передо мною бѣгаеть. и Володимеръ пришедъ свѣчавса со Олговичи. и погналъ ма ис Киева. ны(н) же брате акоже ми еси самъ върекль полѣзи же на конѣ (405).

№ 20. Изяслав венгерскому королю Гейзе II, 1150—1151 г.

ѿже црѣ всталъ ратью акоже ти с ни(м) бѣ дасть. ѿже ти самому нѣ лзѣ а помочь ми пусти. како же ми еси самъ реклъ. а мнѣ бѣ помочни на Гюрга и на Олговичъ и на Галицкого княза. ѿже брате

твою ѡбида то не твою но мою ѡбида. паки ли мою ѡбида то твою (408).

№ 21. Изяслав Вячеславу Владимировичу, 1151 г.

ѡ(т)це кланю ти са а чо ми бѣ ѡ(т)ца моего Мистислава ѡ(т)нль. а ты ми еси ѡцѣ ны(н) кланю ти(с) сѣгрѣшилъ есмь. и первое. а того са каю. а изнова. коли ми бѣ даль побѣдити Игоря. оу Києва. а а есмь на тобѣ ч(с)ти не положилъ. а потомъ коли оу Тумаща. ны(н) же ѡ(т)це того всего каюса. пре(д) бѣмъ и пре(д) тобою. ѡже ми ѡче того ѡ(т)даси. ты то и бѣ ми ѡ(т)дасть. нѣ(н) же ѡ(т)че ѡсе даю ти Києвъ. поѣди сади же на столъ дѣда своего и ѡ(т)ца своего (417—418).

№ 22. Изяслав Вячеславу Владимировичу, 1151 г.

ѡ(т)це кланю ти са. како есѣ рекла тако же на и даи бѣ бити по мѣсту. доколѣ же и жива будеѣ (420).

№ 23. Изяслав Ростиславу Мстиславичу, 1151 г.

ти ми еси брате много понуживалъ. ѡкоже положити ч(с)ть на стрѣи своемъ и на ѡ(т)ци своемъ се же ны(н) бѣ привелъ ма в Рускую землю. и добылъ есмь стрѣи своего и твое(г). Києвъ. тебе дѣла и всеа дѣла Рускыа земля. а на паки тебе брате молвлю. тамо по бѣзѣ оу тебе снѣ твои. и мои Новѣгородъ Ярославъ а тамо оу тебе Смолнескъ. то же же брате все оурадывъ тамо. поиди же к намъ. сѣмо. ать вси по мѣсту видимъ што ѡвить ны бѣ (422).

№ 24. Изяслав венгерскому королю Гейзе II, 1151 г.

се Володимеръ Галичскый дружину мою и твою избилъ естѣ. ны(н) же брате гадаи ѡ семь гадаи нама на собѣ сего не даи положити но даи бѣ мѣстити того и своей дружины а ты брате доспѣваи оу себе а на zde. а како на с ни(м) бѣ дасть (444—445).

№ 25. Изяслав венгерскому королю Гейзе II, 1152 г.

снѣ тако буди (448).

№ 26. Изяслав (с венгерским королем Гейзой II) Владимиру Галицкому, 1152 г.

се прислалъса еси к нама. а се нама даль та былъ бѣ и волость твою по твоеи винѣ ны(н) же ти вѣ гнѣва ѡ(т)даевъ. и волости подѣ тобою не ѡ(т)имаевъ но на то(м) цѣловати хр(с)тъ што Руской земли волости, то ти възворотити все. и Изаслава ти(с) не ѡ(т)лучити но на вси(х) мѣстѣ(х). с ни(м) бити (452—453).

№ 27. Изяслав (с венгерским королем Гейзой II) Владимиру Галицкому, 1152 г.

прислалъса еси к нама и своен вины каеши(с) тобѣ ти того всего ѡ(т)дававѣ. и волости подѣ тобою не взимаевѣ. но на томъ цѣлуи хр(с)тъ ч(с)тъныи. что за тобою городовъ рускихъ. то ти все възворотити и Изаслава ти са не ѡ(т)лучати до живота свое(г). доколѣ же еси живѣ. но с ни(м) бити на вси(х) мѣстѣхъ (453—454).

№ 28. Изяслав венгерскому королю Гейзе II, 1152 г.

тобѣ са оуже не ворочати ни мнѣ. но толико ѡвляю ти ѡже естѣ сѣступилъ Володимеръ хр(с)тъного цѣлованиа. но ты толико не забываи свое(г) слова. еже еси реклъ (454).

№ 29. Изяслав Ростиславу Мстиславичу, 1152 г.

тамо брате оу тебе по бѣзѣ. Новѣгородъ силныи. и Смолнескъ. а скупивъса постережи же землѣ своен. юже Гюрги поиде(т) на та. а ѡзъ к тобѣ поиду не поиде(т) ли. к тобѣ а поминетъ твою волость. поиди же ты сѣмо ко мнѣ (455).

№ 30. Изяслав Ростиславу Мстиславичу, 1152 г.

ты по бѣзѣ тамо оу Смоленскѣ. и в Новѣгородѣ оу Велицимѣ. еси. а ты тамо оудержи Гюрга с тѣми. а ко мнѣ пусти с помощью сна своего Романа (459).

№ 31. Изяслав Владимиру Володаревичу Галицкому, 1153 г.

кр(с)тъ еси к нама с королемъ цѣловалъ. на то(м) ѡко что Руской волости. то ти все воротити и того еси всего не оуправилъ. ны(н) же азъ того не поминаю всего. но же хоцещи хр(с)тъному цѣлованию оуправити. и с нама бити. то оузврати мою городы. на ни(х) же еси к нама с королемъ кр(с)тъ цѣловалъ. не хоцещи ли дати то сѣступилъ еси кр(с)тъного цѣлованиа. а се твоѣ грамоты кр(с)тъныа. а нама с королемъ с тобою како бѣ дасть (461—462).

№ 32. Ростислав Изяславу Мстиславичу, 1147 г.

сожди мене. ѡзъ ти есмь сде Любецъ пожегль. и много воевалъ. и зла есмь ѡлговичемъ много створилъ. а видивъ. ѡба по мѣстоу что на бѣ навить (356—357).

№ 33. Ростислав Изяславу Мстиславичу, 1148 г.

брате кланю ти са. ты еси мене старѣи а како ты вгадаеши а ѡзъ в томъ готовъ есмь. аже брате на мнѣ ч(с)тъ покладываешъ. то ч(а) бы(х) бра(т) тако реклъ Роускы(х) дѣла землѣ. и хр(с)тънѣ дѣла. то ѡа люблю бра(т) миръ. лѣпле ты были на рать вѣстали што оуспѣли. ны(н) же бра(т) хр(с)тънѣ дѣла и всеи Роуской земли оумири а. но ѡба. ать ворождоу. про Игоря ѡ(т)ложать. и паки того не створать что же хотѣли оучинити а то(г) лишатса. то мириса. паки ли имъ про Игоря ворождоу имѣти. то лѣпле с ними в рати боудучи. а како ны с ними бѣ дасть (365).

№ 34. Ростислав (со Святославом Изяславичем) Изяславу Давидовичу, 1154 г.

цѣлуи к нама хр(с)тъ ты вѣ ѡ(т)цинѣ своей Черниговѣ сѣди. а мы оу Києвъ будемъ. мы же вси сѣ себе (474).

№ 35. Ростислав Юрию Долгорукому, 1155 г.

ѡ(т)це кланю ти са. ты переди до мене добръ былъ еси. и азъ до тебе. а ннѣ кланю ти са стрѣи ми еси ѡко ѡцѣ (477).

№ 36. Ростислав Мстиславу Изяславичу и Ярославу Изяславичу, Владимиру Мстиславичу, 1160 г.

ѡже ма вѣ правду зовете. с любовию. то ѡа всако иду Киеву на свою волю ѡко вы имѣти ма ѡ(т)цѣмъ собѣ. вѣ правду. и вѣ моемъ вы послу-

шань ходити. а се вы явлаю не хочю Клима оу митропольи видити [не] взаль. блг(с)вниа ѿ(т) стьна Софыа. и ѿ(т) патриарха (503).

№ 37. Ростислав Святославу Ольговичу, 1161 г.
пусти ко мнѣ дѣта Олга. ать познаеть кияны лѣпшина и берендичѣ. и торкы (512).

№ 38. Владимир Изяславу Мстиславичу, 1150 г.
затъ нашъ король пустиль ти. і. тысячъ и тако ти молвить кдѣ твоа ѿбида а се ти полци. тамо же с ними їди своена дѣла ѿбиды мщать. а ты бра(т) dospѣвъ сѣди (409).

№ 39. Владимир Изяславу Мстиславичу, 1150 г.
азъ ти въ Бѣльгородъ вѣхалъ а Борисъ выбѣглъ а вѣсти оу Бориса не было. ни въ Гюрга нѣту вѣсти. а поѣди вборзѣ (415).

От Изяславичей

№ 1. Мстислав Изяславу Мстиславичу, 1154 г.
се ти явлаю. король затъ твои пустиль ти помочь. ака же николи же не бываа многое множество а оуже есмь с ними прошель Гору аже ти будемъ вборзѣ надоби. а послѣ противу к намъ ать мы борже поидемъ (434).

№ 2. Мстислав Ростиславу Мстиславичу, 1160 г.
не буде(т) Костантинъ въ митропольи. зане клал ми ѿ(т)ца (503).

№ 3. Мстислав Галицкому воеводе Костянтину Серославичу, 1172 г.

мнѣ братъ Ярославъ тако молвить. донелѣже оуладишиса съ братьею. дотолѣже не пуцаи полковъ моихъ ѿ себе (549).

№ 4. Ярослав Святославу Всеволодичу, 1174 г.
чему тобѣ наша ѿтчѣна тобѣ си сторона не надобѣ (578).

От Ростиславичей

№ 1. Рюрик, Давид и Мстислав Андрею Боголюбскому, 1174 г.

brate въ правду та нарекли есмы ѿцмъ собѣ и кр(с)тъ есмы цѣловали к тобѣ и стоимъ. въ кр(с)тъномъ цѣлованѣ. хотаче добра тобѣ. а се нынѣ брата нашего Романа вывелъ еси исъ Кыева. а намъ путь. кажешѣ и изъ Руськои земли без нашеѣ вины. да за всими бѣ и сила кр(с)тънаа (570).

№ 2. Мстислав Андрею Боголюбскому, 1174 г.
мы та до сихъ мѣсть. акы ѿца имѣли по любви. аже еси съ сакыми рѣчми прислалъ. не акы къ князю но акы къ подручнику и просту члвку а что оумыслиль еси а тое дѣи. а бѣ за всѣмъ (573).

№ 3. Мстислав Святославу Всеволодичу, 1178 г.
послѣ ко Всеволодоу. Мстислава дѣла и Ярополка (606).

№ 4. Роман Мстиславу Ростиславичу, 1179 г.
ѿбиды ти до него нѣтоуть. но же идешѣ на нь. то первое поити тѣ на ма (609).

№ 5. Рюрик Святославу Всеволодичу, 1187 г.

ты брате їди в Черьниговъ. совокоупи(с) же со братьею своею. а назъ сдѣсе со своею (653).

№ 6. Рюрик Святославу Всеволодичу, 1187 г.

brate и сватоу. намъ было. сего оу ба просити. а вѣсть ны есть. а половци восе лежать. за полъ дне. аже кто росдоумываетъ. и не хочетъ ити а мы два. до сихъ мѣсть. ци на того зрѣла. но что намъ бѣ давалъ. то есвѣ дали (654).

№ 7. Рюрик Ярославу Всеволодичу, 1187 г.

brate тобѣ было не лѣпо. измасти нами. а вѣсть ны праваа есть. ажь вежи половецкиа. восе за полъ дне. а великого їздоу нѣтоуть. а брате кланяю ти са ты мене дѣла поиди до полоудныа. а назъ тебе дѣла едоу .. днень (654).

№ 8. Рюрик Святославу Всеволодичу, 1189 г.

како еси послалъ сна свое(г) ко королеви. а со мною не спрошавса. состоупилса еси радоу (662—663).

№ 9. Рюрик Святославу Всеволодичу, 1190 г.

се мы своа ѿроудыа дѣвѣ. а Роуския земля не ѿставивѣ тщѣ. назъ ѿставиль своего сна с полкомъ его. а ты ѿстави своего сна (669).

№ 10. Рюрик Святославу Всеволодичу, 1190 г.

ты брате к намъ кр(с)тъ целоваль. на Романовѣ радоу. тако же нашъ братъ Романъ. сдѣль в Кыевѣ. дажь стоиши в томъ радоу то ты намъ братъ. паки ли помина(е)шь давныа тажа. которыи былѣ при Ростиславѣ. то стоупиль еси радоу мы са в то не дамы. а се ти кр(с)тъныа грамоты (670).

№ 11. Ростислав Рюрикович Ростиславу Владимировичу, 1190 г.

brate хотѣль быхъ ехати на вежа половецкиа. а ѿци наши дале соуть. а иныхъ старѣшихъ нѣтъ. а мы боудеа за старѣшанъ. а поѣди ко мнѣ вборзѣ (671).

№ 12. Рюрик Святославу Всеволодичу, 1193 г.

се брате мира еси не оулюбиль. а намъ оуже нелѣ не dospѣшнымъ быти. а брате подумаемъ ѿ земли своеи. хочемъ ли оучинити поуть на зимоу. а такоже ны яви. ать на повелю дружинѣ своеи dospѣшны(м) быти. и братьи своеи. паки ли хочемъ своена землѣ стеречи. а такоже ны повѣжь (676).

№ 13. Рюрик Святославу Всеволодичу, 1193 г.

brate и сватоу аже ти поути нетоуть азъ ти са повѣдаю. есть ми поуть на Литвою. а сеѣ зимы хочю подѣнати ѿроудѣ свои(х) (676).

№ 14. Рюрик Давиду Ростиславичу, 1195 г.

се брате се вѣ ѿсталаса. старѣиши всѣхъ в Роуськои землѣ. а поѣди ко мнѣ Кыевою что боудеть. на Роуськои землѣ доумы и ѿ братѣи своеи ѿ Володимерѣ племени. и то все оукончаевѣ. а сами са во здоровьи видеѣ (681).

№ 15. Рюрик Роману Мстиславичу, 1195 г.

аже Всеволодъ просить подѣ тобою волости. а жалоуетьса на мене про тебе (684).

№ 16. Рюрик Всеволоду Юрьевичу, 1195 г.
ажъ брате жаловалса на мене про волость. которые же еси просилъ (685).

№ 17. Рюрик Роману Мстиславичу, 1195 г.
назъ переже всихъ далъ есмь тобѣ волость сю. но же Всеволодъ насалъ на ма жалоунаса про тебе. ажь есми на немь. ч(с)ти не положили преже на же есми тобѣ навдалъ вси рѣчи его. ты же ми еси ее. ѿ(т)стоупилса по волѣ. а намъ како любо емоу было ю даати. а намъ. безо Всеволода нелза быти. положили есмы на немъ старѣшинство вса братья. во Володимерѣ племени. а ты мнѣ снѣ свои. а то ти во(л)сть инаа тои равна (685—686).

№ 18. Рюрик Всеволоду Юрьевичу, 1195 г.
ажъ Романъ. прислалъса ко Ольговичемъ. и поводитъ и на Киевъ. и на все Володимере плема. а ты брате в Володимери племени старѣи еси насъ. а доумай гадаи. ѿ Роуской земли и ѿ своей чести и ѿ нашей (686).

№ 19. Рюрик (с Давидом и Всеволодом Юрьевичем) Ярославу Всеволодичу и Ольговичам, 1195 г.

целоуи к намъ кр(с)тъ со всею своею братьею. како вы не искати. ѿ(т)чны наша. Кыева и Смоленска под нами и под нашими дѣтми. и подо всимъ нашимъ Володимеримъ племенемъ. како насъ роздѣлилъ дѣдъ нашъ. Ярославъ по Днѣпру. а Киевъ вы не надобъ (688).

№ 20. Рюрик Ярославу Всеволодичу и Ольговичам, 1196 г.
аж еси побхалъ. брата моего оубить. и обрадовалса еси семоу то оуже состоупилъса еси радоу и кр(с)тнаго целованиа. а се ти кр(с)тъныа грамоты. а ты поиди ко Смоленскоу. а назъ к Черниговоу да како насъ бѣ расоудить и кр(с)тъ ч(с)т)ныи (693).

№ 21. Рюрик Ярославу Всеволодичу, 1195 г.
назъ Витебска стоупилъ тобѣ. и посолъ былъ свои послалъ есмь ко братоу Двдвѣ и повѣдан емоу ажь есмь состоупилъса Витебска тобѣ. ты же того не дождавъ. послалъ еси снѣца свои. ко Витебскоу. сновци же твои идоучи воеваша. Смоленскоую волость. Давыдъ же слышавъ рать и послалъ Мьстислава снѣца своего (693—694).

№ 22. Рюрик Всеволоду Юрьевичу, 1196 г.
ка[к] еси былъ оумолвилъ со мною. и с братомъ моимъ Двдомъ. восѣсти на конѣ с рж(с)тва Х(с)ва. и снатиса всѣмъ в Черниговѣ азъ же совокупилса с братьею своею и с дружиною своею И съ дикими половци. и сѣдѣлъ ес(м)ъ доспѣвъ жда ѿ(т) тебе вѣсти. ты же тоѣ зимы не всѣлы има имъ вѣры. аже имъ стати на всеи воли нашей. назъ же то слышавъ. ажь еси не всѣлъ на конь. и распоустилъ есмь братью свою. и дикии половци. а со Ярославомъ с Черниговскимъ целовалъ есмь кр(с)тъ на томъ како же не воеватиса. доколѣ любо оуладимса вси или не оуладимса вси. нынѣ же брате и моему сновѣ и твоему. Мьстиславоу тако са потѣкло. ажь вазить оу Волговичъ. абы не страпа всѣлъ на коня. а быхомъ снемьшеса. гдѣ любо помьстилъ ѿбидоу и

сорома своего. и снѣца своего быхомъ выстоили. и правдоу свою нальзѣ (694—695).

№ 23. Рюрик Ярославу Всеволодичу, 1196 г.
ажъ хочеш со мною во правдоу любви. а дай ми поути слати ко Всеволодоу и ко Двдвѣ а како са нагадавше вси тако же с тобою оуладимса (695—696).

№ 24. Рюрик Владимиру Ярославичу, 1196 г.
затъ мои перестоупилъ радъ. и воевалъ волость мою. а ты брате ѿ(т)толъ со сновцемъ моимъ. воюита волость его. а назъ самъ хотѣлъ есмь ити к Володимероу. но есть ми вестъ. ажь Всеволодъ сватъ мой всѣлъ на коня како ми са былъ ѿбѣчалъ помочи на Ольговича. и стати оу Чернигова. а творать ми како же са оуже совокупилъ с братомъ моимъ Двдомъ. и волость ихъ жьжета и Ватъскыѣ города по(и)малъ и пожыглъ. а назъ сѣжю доспѣвъ. жда ѿ(т) ни вѣсти правои (697—698).

№ 25. Давид Всеволоду Юрьевичу, 1196 г.
како еси былъ оумолвилъ. с братомъ своимъ Рюрикомъ. и со мною. аже совокупитиса. оу Чернигова всимъ. да любо быхомъ оумирилисa вси на всеи волѣ своей. Ты же нынѣ ни моужа своего е(с)и. послалъ ко братоу своему Рюрикови. и ни своего прихода повѣдаеш емоу ни моего. а оумолви с нимъ. моужемъ своимъ. а переже весны доспѣвъ сѣдѣти и воеватиса (с нимъ) со Ольгови(ч). а вѣсти ѿ(т) тебе ждати правоѣ. ѿны же нынѣ воюетса. с ними и волость свою зажеглъ тебе дѣла а нынѣ безъ его доумы хочемъ миритиса. а брате повѣдаю ти сего ти мира зде не оулюбить. братъ мой Рюрикъ (699).

№ 26. Рюрик Всеволоду Юрьевичу, 1196 г.
сватоу кр(с)тъ еси ко мнѣ целовалъ на томъ. Кто мнѣ ворогъ. то и тобѣ ворогъ и в Роуской землѣ части просилъ еси оу мене. назъ же тобѣ есмь далъ волость лѣпшыю. не ѿ(т) обильна но ѿ(т)тоима оу братьи своеа. и оу зата своего. Романа тебе дѣла. ѿнѣ же нынѣ ворогъ ми са оучинилъ. ни про кого же како же про та ты же како ми са еси ѿбѣчалъ. всѣсти на коня и помочи ми. ты же еси то лѣто и зимоу. а нынѣча еси в(с)ѣлъ. то како ми еси помоглъ. и свои еси радъ взалъ. а про кого ми была и рать про зата своего. а того далъ еси Ярославоу. радити и с волостью своею котороую же есмь емоу далъ. а про кого же та есмь и на конь всадилъ а мнѣ с Ольговичи котораа ѿбида была. ни ѿны подо мною Кыева искали. но аже было тобѣ не добро азъ про тебе же с ни(м) е(с)мь не добръ. и воевалъса. с ними и волость свою зажеглъ нынѣ же како еси со мною оумолвилъ. на чемъ еси ко мнѣ кр(с)тъ цѣловалъ. того еси всего не исправилъ (701—702).

От Романа Мстиславича

№ 1. Рюрику Ростиславичу, 1195 г.

ѿче то ци про мене тобѣ не жити сватомъ своимъ. и в любовь не внити. а мнѣ любо иноую волость в тое мѣсто даси. лоубо коунами даси. за нее во что боудеть была (684—685).

От всех Давидовичей

- № 1. Изяславу Мстиславичу, 1146 г.
Игорь како то тобъ золь былъ тако и нама. а держи. твердо (329).
- № 2. Святославу Ольговичу, 1146 г.
пойди из Новагорода Поутивлю. а брата са Игоря лиши (329).
- № 3. Святославу Ольговичу, 1146 г.
цѣлоуи к нама. кр(с)тъ ѿко не просити брата ни его взищеси.
а волость держи (329).
- № 4. (со Святославом Всеволодичем) Святославу Ольговичу, 1147 г.
не имѣи на ны в томъ жалобы. но боудемы вси за одинъ моужь и не помани злѡбъ нашихъ. а кр(с)тъ к намъ цѣлоуи. а ѡ(т)циноу свою възми. и что есми взяли твоего, а то ти възворотимъ (342—343).
- № 5. Изяславу Мстиславичу, 1147 г.
брате се занлъ Ѡлгови(ч) Стославъ волость мою Ватичѣ. поидивѣ на нь аже и проженевѣ то поидевѣ на Дюрдевѣ. Соуждалъ. любо с нимъ миръ створимъ любо са с нимъ бьемъ (343).
- № 6. Изяславу Мстиславичу, 1147 г.
земла на(ш) погибаетъ. а ты не хощеси поити (343).
- № 7. Изяславу Мстиславичу, 1147 г.
бра(т) цѣловали есме кр(с)тъ къ Стославоу. Ѡлговичю. жаль бо ны есть бра(т) нашего держиши. Игоря а ѡнъ оуже чернець и скимникъ. а поусти брата нашего а мы подлѣ тебе въздимъ. тобъ бы брате любо ли. а быхомъ мы бра(т) твоего держали (346).
- № 8. Святославу Ольговичу и Святославу Всеволодичу, 1148 г.
бра(т) сомнѣса не можемъ на са зраще рать де(р)жати (363).
- № 9. (со Святославом Ольговичем) Юрию Долгорукому, 1148 г.
ты е(с) намъ хр(с)тъ цѣловаль ако ти поити с нами (Х. П.— на) Изаслава.
се же еси не пошель. а Изаславъ. пришедъ за Десною города наша пожегль. и землю нашу повоевали. а се паки Изаславъ. прише(д) ѡпать к Черниговоу ставъ на Ѡлговѣ полѣ. тоу села на(ш) пожгли ѡли до Любча. и всю жизнь нашу повоевали. а ты ни к на(м) еси пошель (Х. П.— ни) на Ростислава еси настоупилъ ны(н) же ѡже хощеси. поити на Изаслава. а поиди а мы с тобою. не идеши ли а мы есмь въ хр(с)тъномъ цѣлованьи прави. а не можемъ мы ѡдини ратью погибати (363).
- № 10. (со Святославом Ольговичем и Святославом Всеволодичем) Изяславу Мстиславичу, 1148 г.
то есть было пре(ж) дѣдъ наши(х) и при ѡ(т)цихъ наши(х). миръ стоить до рати. а рать до мира. ны(н) же на на(с) про то не жалоуи. ѡже есмы оустали на рать. жаль бо ны есть бра(т) своего Игоря. а того есмы искали. абы ты поустилъ брата наше(г) аже оуже бра(т) нашъ оубить. а пошел к бви а тамо намъ вси(м) быти. а то бви пра-

вити. а мы доколѣ хочемъ Роускоюю землю гоубити. а быхомъ са оуладили (364).

- № 11. Изяславу Мстиславичу, 1149 г.
се Гюрги стрьи твои идеть на та. а оуже есть вшелъ в нашѣ Ватичѣ. а мы есме к тобъ хр(с)тъ целовали. с тобою быти. а ѿвляю ти пристораваса (374).
- № 12. Святославу Ольговичу, 1149 г.
мы есме хр(с)тъ целовали ѿко всимъ намъ. быти за ѡдинъ. а въ брате доспѣваевѣ. а ты брате тако же доспѣваи (375).
- № 13. Юрию Долгорукому, 1149 г.
ты еси бълъ к нама хр(с)тъ целоваль а Изаславъ пришедъ землю нашу повоеваль. и по Задѣснью города наша пожегль. а ны(н) цѣловала есмь кр(с)тъ къ Изяславу Мстиславичю. с тѣми же хочевѣ быти а дшею не можевъ играти (377).
- № 14. Изяслав (здесь и далее один) Вячеславу Владимировичу, 1154 г.
приѣхаль есмь. брата свое(г) плакать. аче есмь тогда не былъ. надъ бра(т)мъ своимъ. а повели ми ны(н) ать ѡплачу гробъ его шедъ (469).
- № 15. Ростиславу Мстиславичу и Святославу Изяславичу, 1154 г.
нны вы есмь створилъ. ѡже есте на ма. пришли. а како ми с вами бѣ дасть (474).
- № 16. Киевлянам, 1154 г.
хочю к вамъ поѣхати (476).
- № 17. Юрию Долгорукому, 1155 г.
ци самы есмь ѣхаль Киевѣ. посадили ма кыяне а не створи ми пакости. а се твои Киевѣ (478).
- № 18. Святославу Ольговичу, 1159 г.
вѣдомо ти буди брате всако не ворочюса. оуже есмь пошель... ѡже ты самъ идеши на сна пустиши аже ми бѣ дасть оуспѣю Галичю. а ты тогда не жалуй на ма. ѡже са почнешь поползывать. и Щернигова к Новугороду (499).
- № 19. Святославу Ольговичу, 1162 г.
бра(т)на моя воротившеса поидуть. оу волость свою. а мнѣ са воротити. в Половци не могу ити а оу Выри не могу голодомъ мерети. а лѣпле хочю сде оумерети (517).

От Ольговичей

- № 1. Всеволод Андрею Владимировичу, 1140 г.
Коурьскоу изволи ити (305).
- № 2. Всеволод Андрею Владимировичу, 1140 г.
видиши. ѿко ѿ к тобъ кр(с)та и еще. а то ми былъ бѣ даль. ѡже са есте сами зажгли. аже бы лиха хотѣлъ то что бы ми годно то же бы створилъ. а ны(н) цѣловаль еси хр(с)тъ ко мнѣ. аже исправишь а то добро. нѣ исправишь ли. а бѣ боудеть за всимъ (306).
- № 3. Всеволод Вячеславу Владимировичу, 1142 г.

сѣдши во Киевской волости. а мнѣ достоить. а ты поиди в Пере-
славль. ѿ(т)циноу свою (310).

№ 4. Всеволод Игорю Ольговичу и Святославу Ольговичу, 1142 г.
братъа моа. возмите оу мене с любовию что вы даю. Городець Ро-
гачевъ. Берестии Дорогичинъ. Клическъ... боле не воуетеса съ Мъсти-
славичи (312).

№ 5. Игорьъ Изяславу Мстиславичу, 1146 г.
се брата нашего бѣ поналъ. а стоишь ли въ хр(с)тъномъ целованьи
(322).

№ 6. Игорьъ Изяславу Мстиславичу, 1146 г.
бра(т) се боленъ есми велми. а прошю оу тебе постриженна. была
бо ми мысль на пострижение. еще въ кнженъи своемъ. ны же оу ноужи
сен боленъ есмь велми. и не чаю собѣ живота (337).

№ 7. Святослав Давидовичам, 1146 г.
ни волости хочю ни иного чего. развѣ толико поустите ми брата
(329).

№ 8. Святослав Юрию Долгорукому, 1146 г.
братама. Всеволода бѣ поналъ. а Игоря Изаславъ ѿлъ. а поиди
в Роускою землю. Киевоу мл(с)рдовавъ мы налъзи(м) брата. а азъ
ти сде. надѣаса бѣзи и силъ животворящаго хѣ боудоу ти помощникъ
(329).

№ 9. Святослав Юрию Долгорукому, 1149 г.
въ правдоу ли идеши (X. П.— на *изяслава*). а тако же ми нави.
ать не погубиши волости моа. ни мене в таготу вложиши (375).

№ 10. Святослав Изяславу Мстиславичу, 1149 г.
а вороти ми товара брата моего со што любо. а на с тобою буду
(375).

№ 11. Святослав со Святославом Всеволодичем Изяславу Дави-
довичу, 1151 г.

брате миръ стоить до рати а рать до мира а ны(н) бра(т) бра(т)на
есмы собѣ. а прими на к собѣ а се ѿ(т)цинъ межи нама двѣ. ѿдина моего
ѿ(т)ца ѿлга а друган твое(г) ѿ(т)ца Двда а ти брате Двдвичъ а на
ѿлговичъ ты же брате прими ѿ(т)ца своего Двдво. а што ѿлгово а то
нама даи. ать въ са тѣмъ подиливѣ (444).

№ 12. Святослав Изяславу Давидовичу, 1155 г.
поѣди брате ис Киева. и деть ти Дюрги. а позвалъ есвъ ѿба (478).

№ 13. Святослав Изяславу Давидовичу, 1155 г.
поиди ис Киева. ать и деть в Киевъ Дюрги. а назъ ти Чернигова
сѣступлю. хр(с)тъяны(х) дѣла дшъ а бышь не погинули (478).

№ 14. Святослав Изяславу Давидовичу, 1159 г.
право брате. гнѣвалс есмь. на та про то. оже ми еси Черниговъ-
ской волости не исправилъ. но лиха ти есмь не хотѣлъ. даже оуже
такое есть оже на та хотать. то бѣ ма. избавити волости тсѣ. ты ми
бра(т) даи ми бѣ с тобою пожити. добрѣ (498).

№ 15. Святослав Изяславу Давидовичу, 1159 г.

брате. кому ищещи волости. брату ли или снви а добро ти бы ради
(X. П.— *рати*) не починавши переди. аже дѣеши хотать на ма поѣхати.
а иже поѣдутъ на та с хвалою. а бѣ будетъ с тобою и на и моа сновца
(499).

№ 16. Святослав Изяславу Давидовичу, 1159 г.

а хр(с)тъ ко мнѣ цѣловаль. ѿко не подозрѣти подо мною Чернигова
никим же ѿобразомъ. да бѣ буди за всимъ и хр(с)тъ ч(с)тъный. его же
сѣступаеши ко мнѣ а на брате не лиха хотя тобѣ бороню не ходити.
но хотя ти добра и тишины земли Рускыѣ (500).

№ 17. Святослав Изяславу Давидовичу, 1162 г.

паки ли ти не дада мира а всако поѣди за Днѣпръ. аже будешъ
за Днѣпромъ то вса твоа правда. будет(т) (517).

От Всеволодичей

№ 1. Святослав Святославу Ольговичу, 1146 г.

Изаславъ ти Мъстислал(и) пошелъ Киевоу. а Двдвича съ Смоленъ-
скимъ Ростиславомъ хочета ити по тобѣ (338).

№ 2. Святослав Святославу Ольговичу, 1151 г.

не ѣзди сѣмо. но туда поѣди к Новугороду. здѣ ти въѣхаль оуже
Изаславъ Двдвичъ. и Романъ Ростиславли(ч) (440).

№ 3. Святослав с остальными Ольговичами Андрею Боголюб-
скому, 1174 г.

кто тобѣ ворогъ. тоти и намъ. а се мы с тобою. готови (572).

№ 4. Святослав Ярославу Изяславичу, 1174 г.

на чемъ еси. цѣловаль кр(с)тъ. а помани первыи радъ. реклъ бо еси
оже на саду въ Киеву то на тебе надѣлю паки ли ты садеши в Киевѣ
то ты ме надѣли. нынѣ же ты сѣлъ еси. право ли криво ли надѣли
же мене (578).

№ 5. Святослав Ярославу Изяславичу, 1174 г.

на. не оугринъ ни лахъ. но ѿдиногo дѣда есмы внуци. а колко тобѣ
до него только и мнѣ. аще не стоишь. в перьвомъ раду. а воленъ еси
(578).

№ 6. Святослав Роману Ростиславичу, 1177 г.

брате на не ищю подѣ тобою ничего же. но радъ нашъ такъ есть
оже са князь извинить. то въ волость. а моужь оу головоу. а Двдъ
виноватъ ѿнъ же того не створи (603—604).

№ 7. Святослав Всеволоду Юрьевичу, 1180 г.

брате и сноу. много ти есмь добра творилъ. и не чаалъ есмь. сакого
возмедѣа ѿ(т) тебе. но же еси оумыслилъ на ма зло. и ѿлъ сна моего.
да не далече ти мене искати. ѿ(т)стоупи дале ѿ(т) рѣчки тоѣ даи ми
поуть. ать ближе к тобѣ переедоу. ать на(с). росоудить бѣ. мнѣ ли поути
не даси а назъ тобѣ дамъ. ты перееди на сю стороноу. а сде насъ бѣ.
росоудить (619).

№ 8. Святослав Всеволоду Юрьевичу, 1182 г.

даи бѣ брате и снѡу во дни нашѣмъ намъ створити брань на поганьна (625).

№ 9. Святослав Ярославу Всеволодичу, 1183 г.

брате не ими имъ вѣры. ни своего мужа шли. ꙗ на ны поиду (635).

№ 10. Святослав Рюрику Ростиславичу, 1187 г.

азъ есмь брате готовъ есмь всегда и нынѣ. но послѣ ко брату Ярославоу. и поноуди его. а быхомъ поѣхалъ вси (654).

№ 11. Святослав Рюрику Ростиславичу, 1189 г.

брате и сватоу. азъ сна своего послалъ. не на та поводитъ корола. на азъ послалъ на свое орудье. аже хочеть ити на Галичь. да се азъ с тобою готовъ (663).

№ 12. Святослав Рюрику Ростиславичу, 1193 г.

се ты снималса с половци с лоукоморскими. а нынѣ послемя по половци по вса. по Боурчевича (675).

№ 13. Святослав Рюрику Ростиславичу, 1193 г.

нынѣ брате поути не мочно оучинити зане в землѣ нашей жито не родилоса нынѣ. абы нынѣ земла своя оустеречи (676).

№ 14. Святослав Рюрику Ростиславичу, 1193 г.

брате и сватоу ажь ты идешъ изо очины своен на свое орудье. а азъ паки идоу за Днѣпръ своихъ дѣла орудѣи. а в Роуской землѣ кто ны са останеъ (676).

№ 15. Святослав Рюрику Ростиславичу, 1193 г.

се снѣ твои зачалъ половци. зачалъ рать. а ты хочешъ ити инамо а свою землю оставивъ. а нынѣ поиди в Роусъ. стережи же своен зем- (л)а (678).

№ 16. Ярослав Святославу Всеволодичу, 1183 г.

азъ есмь послалъ к нимъ. мужа своего Олъстина. Олезича а не могоу на свои мужъ поѣхати (636)

№ 17. Ярослав Святославу Всеволодичу, 1187 г.

не могоу ити дале о(т) Днѣпра. земля моя далече. а дружина моя изнемогласа (654).

№ 18. Ярослав Рюрику Ростиславичу и Святославу Всеволодичу, 1187 г.

не могоу поѣхати одинъ. а полкъ мои пѣшь. вы бы есте мнѣ повѣдалъ дома же дотолъ ити (654).

№ 19. Ярослав Рюрику Ростиславичу, 1196 г.

чемоу еси брате. почалъ волость мою воевати. а поганымъ роуцъполнишь. а мене с тобою ничто же роуцло. ни азъ по(д) тобою Киева ищюу. а Двѣ аче и насалъ былъ. Мьстислава. на моя свѣца. аже и бѣ како расоудилъ. то азъ Мьстислава даю тобѣ безъ искоупа по любви а кр(с)тъ со мною целоуи. а со Двѣдомъ введи ма в любовь. а Всеволодъ ажь восхочъ(т) с нами оуладитиса. а оуладитиса а тобѣ не надобъ с братомъ Двѣмъ (695).

От Игоря Святославича

№ 1. Святославу Всеволодичу, 1183 г.

не даи бѣ. на поганьнѣ вѣзда са о(т)рещи. поганьны естъ всимъ намъ. оубечъ ворогъ (637).

От всех Ольговичей

№ 1. Всеволоду Юрьевичу, 1195 г.

ажъ ны еси вмѣнилъ Кыевъ. тоже ны его блюсти подъ тобою. И подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ. то в томъ стоимъ. ажь ны лишитиса его велишь о(т)иноудъ то мы есмы не оугре ни лахове. но единого дѣда есмы вноуци. при нашемъ животѣ не ищемъ его. ажь по ва(с). комоу бѣ дасть (688—689).

№ 2. Рюрику Ростиславичу, 1195 г.

брате. намъ с тобою. не бывало николи же лиха. аже есмы не оукончили сее зимы радоу со Всеволодомъ и с тобою. и с братомъ твоимъ Давыдомъ. а ты ны еси близъ. а целоуи с нами кр(с)тъ. како ти са с нами не воевати. доколъ со Всеволодомъ. и с Давыдомъ. любо са оуладимъ. любо са не оуладимъ (689).

№ 3. Всеволоду Юрьевичу и Давиду Ростиславичу, 1196 г.

брате и сватоу о(т)чиною нашу и хлѣбъ нашъ взалъ еси. ажь любишь с нами радъ правьи. и в любви с нами быти то мы любви не бѣгаемъ. и на всеи волѣ твоеи станемъ. паки ли что еси оумыслилъ. а того не бѣгаемъ же. да како ны бѣ расоудить с вами и стѣи Спсѣ (698—699).

От Олега Святославича

№ 1. Ярославу Всеволодичу, 1195 г.

Мьстислава есмь љлъ. и полкъ его побѣдилъ. и Двѣвъ полкъ смолнаны. и сказывають ми и смолнанѣ изымани ажь братья ихъ не добръ с Двѣдомъ. а нынѣ оче сакого ны веремени не боудеть паки. а поѣди не страпана. совокупивъ братью свою. нынѣ возмемъ ч(с)тъ свою (692—693).

ГАЛИЦКАЯ КОАЛИЦИЯ КНЯЗВЕЙ

От Владимира Володаревича

№ 1. Игорю Ольговичу, 1144 г.

оже. ма оумиришь съ братомъ. то по Всеволожи животѣ помогоу ти про Кыевъ (316).

№ 2. Вячеславу Владимировичу и Юрию Долгорукому, 1149 г.

бѣ поставилъ насъ волостели. в мечь злодѣемъ и в добродѣтель блгоч(с)тивымъ то како можемъ молитиса къ създавшему на(с). о(т)це нашъ остави. намъ прегрѣшениа наша. ꙗко же мы оставлаемъ пре-

От Юрия Владимировича Долгорукого

№ 1. Святославу Ольговичу, 1149 г.

не тужи ω снѹ моемь. аще того бѣ ω(т)нѣль а други ти снѣ пришло (339).

№ 2. Святославу Ольговичу, 1149 г.

приди ко мнѣ брате въ Московъ (339).

№ 3. (со Святославом Ольговичем) Давидовичам, 1149 г.

брата поедита с нама на Изаслава (377).

№ 4. Святославу Ольговичу, 1149 г.

како хощу не въ правду ити снѣвец мой Заславъ на ма пришедь. волость мою повоевалъ. и пожегль. и еще и сна моего выгналь из Русьской земли. и волости ему не далъ. и соромъ на ма възложилъ а любо соромъ сложю и земли своеи моею мыщю любо ч(с)ть свою налѣзу паки ли а голову свою сложю (375—376).

№ 5. Изяславу Мстиславичу, 1149 г.

се брате на ма еси приходилъ. и землю повоевалъ. и старѣшинство еси с мене сналь. ны(н) же брате и сноу Роускына дѣла земля и хр(с)тъ-нѣнъ дѣла. не пролѣвие крови хр(с)тънѣнскы. но даи ми Переяславль. ать посажю сна своего оу Переяславли. а ты сѣди цр(с)твоуна в Киевѣ. не хощеш ли того створити за всимъ бѣ (380).

№ Вячеславу Владимировичу, 1151 г.

на са тобѣ брате кланяю, тако право есть ако то и молвиши. ты мнѣ еси нако ωщѣ аже са хощеш со мною радити. ать поѣдетъ Изяславъ Володимирю. а Ростиславъ Смоленскоу а въ са сама оурадивъ (430).

№ 7. Ольговичам и Давидовичам, 1150 г.

се изгналь ма Изяславъ ис Киева а самъ сѣль в Киевѣ. а поѣдите помозите ми (398).

№ 8. Вячеславу Владимировичу и Изяславу Мстиславичу, 1151 г.

иду в Городокъ. а тутъ перебивъ иду в Суждаль (443).

№ 9. Ростиславу Мстиславичу, 1155 г.

право снѹ съ Изяславомъ есмь не могль быти. а ты ми еси свои бра(т) и снѣ (477).

№ 10. Изяславу Давидовичу, 1155 г.

мнѣ ω(т)щѣина Киевѣ. а не тобѣ (478).

№ 11. Ростиславу Мстиславичу, 1155 г.

снѹ мнѣ с кимъ Рускую землю оудержати с тобою. а поѣди сѣмо (479).

№ 12. (с Ростиславом Мстиславичем и Владимиром Мстиславичем) Изяславу Давидовичу, 1155 г.

хощеш ли к намъ прити оу мирѣ. или а се мы к тобѣ (481).

грѣшениа наша. снѣвец ваю Стославъ. акы ω(т) ваю роженъ. передь вами не творитса правъ. но кланяетса и мл(с)ти ваю хочеть. азъ же не простъ есмь не простъ ходатаи. межи вами. англа бѣ не сослеть. а пррка в нашѣ дни нѣгутъ. ни ап(с)ла (392).

№ 3. Андрею Владимировичу, 1150 г.

пойди брате ко мнѣ (411).

№ 4. Венгерскому королю Гейзе II, 1152 г.

раненъ есмь велми. а изъ са каю того королю ωже есмь тобѣ ср(д)це вередилъ и паки ωже противу сталь тобѣ ны(н) же королю бѣ грѣхы ω(т)даваетъ и ты ми сего ω(т)даи. а не выдаи мене. Изяславу. зане боленъ есми велми. да еще мене бѣ поиметь а сна мое(г) прими к собѣ... ωщѣ твои баше слѣпъ. а изъ ω(т)щѣо твоему. досыти послужилъ свои(м) копиемъ. и своими полкы за его ωбиду и с лахы са есмь за нѣ билъ а помани на мнѣ то и сего ми ω(т)даи (450).

№ 5. Изяславу Мстиславичу, 1152 г.

брате кланяю ти са и каюса своеи вины. зане азъ виновать есмь. ны(н) же брате прими ма к собѣ. и даи ми и корола понудъ. ать ма приме(т) а мнѣ даи бѣ с тобою быти (451).

От Ярослава Владимировича

№ 1. Изяславу Мстиславичу, 1153 г.

аче бѣ ω(т)щѣа е(г) (X. П. — моего) пональ. а ты ми буди въ ω(т)щѣа мѣсто. а ты са с мой(м) ω(т)щѣмъ самъ вѣдалъ. что межи има (X. П. — вама) было. а то оуже бѣ ωсудилъ аче бѣ ω(т)щѣа мое(г) пональ а мене бѣ на его мѣстѣ ωставилъ. а полкъ е(г) и дружина е(г) оу мене еуть. развѣ ωдино копие. поставлено оу гроба его. а и то в руку моею есть. ны(н) ω(т)щѣе кланяю ти сна прими ма нако сна своего Мьстислава. тако же и мене. ать ездитъ Мьстиславъ подлѣ твои стремянь. по ωдиной сторонѣ. тебе а на по другой сторонѣ. подлѣ твои стремянь. ѣждю всеми своими полкы (464—465).

№ 2. Ярославу Изяславичу, 1174 г.

пусти сна моего къ мнѣ. аль пойду на та ратью (571).

От Владимира Ярославича

№ 1. Святославу Мстиславичу, 1173 г.

ать ми будетъ ту сѣдачи добро слати в Галичъ. аже ти саду в Галичи. то Бужьскъ твои възворочю. и. г. города придамъ к тому (564).

№ 2. Всеволоду Юрьевичу, 1190 г.

ωщѣ г(с)не. оудержи Галичъ подо мною. а изъ бжи и твои есмь со всимъ Галичемъ. а во твоеи волѣ есмь всегда (667).

От Андрея Владимировича

№ 1. Всеволоду Ольговичу, 1140 г.

лѣпши ми того смръть и съ дружиною на своей ѿ(т)чинѣ и на дѣдинѣ взати. нежели Коурьскои. княженьи. ѿць мой Коурьскѣ не съдѣль. но въ Переяславли. хочю на своей ѿ(т)чинѣ смръть прияти. ѿже ти бра(т) не досити волости всю землю Роускою. държачи. а хочещи сея волости. а оубивъ мене а тобѣ волость. а живъ не идоу изъ своей волости. ѿбаче не дивно нашему родоу. тако же и переже было. Стополкъ про волость чи не оуби. Бориса и Глѣба. а самъ чи долго поживе. но и здѣ живота лишень а ѿнамо моучимъ есть вѣчно (305).

От Андрея Боголюбского

№ 1. Новгородцам, 1161 г.

вѣдомо буди. хочю искати Новагорода. и добромъ и лихомъ. а хр(с)тъ есте были цѣловали ко мнѣ на томъ. како имѣти мене княземъ собѣ. а мнѣ вамъ хотѣти (X. П.— добра) (509—510).

№ 2. Ростиславичам, 1174 г.

видаите ми Григора. Хотовича и Степаньца и Ѡлексу Стословца. како тѣ суть оуморилѣ брата моего Глѣба. а то суть ворозѣ всимъ намъ (569).

№ 3. Роману Ростиславичу, 1174 г.

не ходиши в моеи воли съ братьею своею. а поиди с Киева. а Двѣдъ ись Вышегорода. а Мьстиславъ из Бѣлагограда. а то вы Смоленескъ. а темъ са подѣлите (569—570).

От Юрьевичей

№ 1. Глеб Владимиру Давидовичу и Святославу Ольговичу, 1148 г.

идеть на ма Изаславъ. а поустите ми помощь (360).

№ 2. Глеб Владимиру Давидовичу, 1148 г.

поневоли есмь хр(с)тъ цѣловаль къ Изаславоу. ѿже ма былъ ѿстоупилъ в городѣ. а ѿ(т) ва(с) ми помочи не было. нынѣ же всако с вама хочю быти и приаю вама (360).

№ 3. Глеб Изяславу Мстиславичу, 1150 г.

ако мнѣ Гюрги ѿць тако мнѣ и ты ѿць а назъ ти са кланая ты са с моимъ ѿ(т)цемъ самъ вѣдаешъ. а мене поусти къ ѿ(т)цю. и цѣлоуи ко мнѣ стоую Бцю ако мене не примеш. но поустити ма къ ѿ(т)цю своему. а на к тобѣ самъ поѣдоу. и поклоню ти(с) (395).

№ 4. Всеволод Святославу Всеволодовичу и митрополиту Никифору, 1183 г.

не избраша сего людѣ землѣ нашѣ. но же еси поставилъ. ино камо тобѣ годно тамо же идежи. а мнѣ постави Лоукоу смиренаго дхмъ и кроткого. игоумена стго Спса. на Берестовемъ (629—630).

№ 5. Всеволод Рюрику Ростиславичу, 1195 г.

Вы есте нарекли ма во своемъ племени. во Володимерѣ старъшаго. а нынѣ съдѣль (X. П.— съл) еси в Киевѣ. а мнѣ еси части не оучинилъ в Роуской землѣ. но раздалъ еси инѣмъ. молодъшимъ братъи своей. да же мнѣ в ней части нѣтъ. да то ты а то Киевъ и Роуская область а комоу еси в ней часть далъ. с тем же еи и блюди и стережи. да какою с нимъ оудержишь. а то оузрю же. а мнѣ не надобъ (683).

№ 6. Всеволод Рюрику Ростиславичу, 1196 г.

ты починаи. а азъ готовъ с тобою (695).

№ 7. Всеволод Рюрику Ростиславичу, 1196 г.

со Ярославомъ есми оумирилса. и хр(с)тъ ко мнѣ целоваль. ако же имъ Києва подѣ тобою не искати. ни подѣ братомъ твоимъ Двѣдомъ Смоленьска (700—701).

От Юрия Ярославича

№ 1. Изяславу Давидовичу, 1158 г.

брате прими ма в любовь к собѣ (492).

лица княжеского окружения

№ 1. Коснятко Святославу Ольговичу, 1146 г.

кнже доумаютъ ѿ тобѣ хотать нати аче по та и прислета бра(т)на не ѣзди к нима (328).

№ 2. Приятели из Чернигова Изяславу Мстиславичу, 1147 г.

кнже не ходи. ѿ(т)толъ никамо ведоуть та. лестью. хотать оубити. любо нати во Игоря мѣсто. а хр(с)тъ ти цѣловали къ Стославоу. Ѡлговичю. ѿ(т)толъ послалиса къ Гюргеви. съ хр(с)томъ на него же с тобою сдоумавше (345).

№ 3. Киевляне Изяславу Давидовичу, 1154 г. поеди Киеву. ать не возмутъ на(с) половци. ты еси на(ш) кнзь а поѣди (476).

№ 4. Полочане Рогволоду Борисовичу, 1159 г.

кнже нашъ. съгрѣшили есмь (X. П.— есмо) к бу и к тобѣ. ѿже вѣстахомъ на та. без вины. и жизнь твою. всю разазграбихомъ. и твою дружины. а самого емше выдахо(м) та Глѣбовиче(м). на великую муку. да аще ныне поманеши всего того. иже створихо(м) своимъ безумиемъ. и хр(с)тъ к на(м) цѣлуеши то мы людие твое. а ты еси нашъ кнзь а Ростислава ти емше. в дамы в ручѣ. а еже хочещи то створиши ему (494—495).

№ 5. Приятели из Чернигова Изяславу Давидовичу, 1160 г. не ѣзди кнже никаможе. братъ ти Стославъ болен. а сновець ѿ(т) него шель Новугороду. а дружину свою пустилъ. ѿ(т) себе прочь (506—507).

№ 6. Галицкий воевода Костянтин Серославич Мстиславу Изяславичу, 1172 г.

велѣно ми своимъ кнземъ Ярославомъ пать дновъ стояти оу Вышегорода ити домови (548—549).

№ 7. Святополк из Галича Владимиру Ярославичу, 1173 г.

поѣдъ страпать оца ти есмь яли и приятели его. Чаргову чадъ избилъ а се твои ворогъ. Настасъка галичани же накладъше огнь сожгоша ю а сна ея в заточение послаша. а княза водивше ко кр(с)ту нако ему имѣти кнагиню въ правду (564).

ЛИЦА ИЗ ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ

№ 1. Венгерский король Гейза II Изяславу Мстиславичу, 1149 г.

ратень. есмь. съ цремъ. наже боудоу пороженъ. а самъ поиду а паки ли. а полкы своя. поущю (384).

№ 2. Польские князья Болеслав и Индрих Изяславу Мстиславичу, 1149 г.

мы есмь оу тебе близъ. а ѡдинога себе ѡставимъ стеречи земль своен. а два к тобъ поѣдета (385).

№ 3. Чешский князь Изяславу Мстиславичу, 1149 г.

а на готовъ есмь самъ полкы своими (385).

№ 4. Венгерский король Гейза II Изяславу Мстиславичу, 1149 г.

се ти пуцаю полкы своя. а самъ хочю поступити подъ горы. Галичскаго князя не дати же са ему двигнути. а ты са прави с кимъ ти ѡбида ест аче ти са полки иструдать. а на силнѣиши поущю другыя. паки ли а (X. П. — я) самъ всаду на конъ (385).

№ 5. Польские князья Болеслав и Индрих и венгерские воеводы Вячеславу Владимировичу и Юрию Владимировичу, 1150 г.

вы намъ есте въ ѡ(т)ца мѣсто. а се ннѣ заратилася есте свои(м) бра(т)мъ. и снмъ Изаславомъ. а мы есмь по бозъ все кр(с)тъяне ѡдна бра(т)на собъ. а намъ подобаеъ всимъ быти съ себе. а мы межи вами того хочемъ. а бы бѣ даль. вы быста оуладилася. съ своимъ бра(т)мъ и снмъ Изаславомъ а быста вы сѣдѣла в Киевѣ. сама са вѣдаюча кому вама приходить. а Изаславу ѡсе его Володимиръ готовъ. а се его Лоуческъ а што его городовъ ать сѣдитъ в томъ. ать ѡнамо к Новугороду Великому. ать взворотитъ Гюрги дани и(х). вси (387—388).

№ 6. Венгерский король Гейза II Изяславу Мстиславичу, 1150 г.

азъ ти есмь съ бра(т)мъ твоимъ с Володимеромъ ѡ(т)сель оуже пошелъ. а ты поиди ѡ(т)толѣ. скупаса весь. а вѣдалъса будетъ Володимеръ кого заемъ (405—406).

№ 7. Венгерский король Гейза II Изяславу Мстиславичу, 1150 г.

црь на ма грецкыи вѣставаеъ ратью. и сеѣ ми зимы и весны нѣ лзѣ на конъ к тобъ всѣсти. но ѡбаче ѡ(т)це твои щить и мои не розно еста. аче ми самому нѣ лзѣ. а помочи коли хочеши. ~ ли тысячь болша

ли а то ти послю. а ѡже бѣ дасть лѣтъ, то на въ твои воли есмь. а тогда своен ѡбиды помѣстивъ. а како на бѣ дасть (407).

№ 8. Венгерский король Гейза II Изяславу Мстиславичу, 1152 г.

ѡ(т)це кланю ти са. прислалъ еси ко мнѣ про ѡбиду Галичкаго князя а аз ти зде доспѣваю. а ты поспѣваи же не положивъ того на собъ. но како на(м) с ни(м) бѣ дасть (446).

№ 9. Венгерский король Гейза II Изяславу Мстиславичу, 1152 г.

аз ти на конъ оуже всѣдаю же и сна Мьстислава съ собою поймаю а ты полѣзи оуже на конъ (446).

№ 10. Венгерский король Гейза II Изяславу Мстиславичу, 1152 г.

се оуже сде е и днѣ стою. жда тебе а поѣди (447).

№ 11. Венгерский король Гейза II Изяславу Мстиславичу, 1152 г.

поѣди съ своими полкы близъ мое(г) полку а кде на стану ту же и ты стани. ать добро на ѡ всѣмъ гадати (448).

№ 12. Венгерский король Гейза II Владимиру Галицкому, 1152 г.

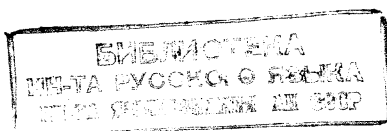
на томъ ти цѣловати хр(с)тъ. нако что. руски(х) городовъ. то ти все възворотити и съ Изаславомъ быти. и его са не ѡ(т)лучити не брѣ (X. П. — ни в добрѣ) ни въ лисъ но всегда с ни(м) быти (452).

№ 13. Венгерский король Белла II Святославу Всеволодичу, 1189 г.

брате пришли сна своего ко мнѣ чимъ ти са есмь ѡбѣщаль то ти сполню нако ти есмь кр(с)тъ цѣловаль (662).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЛИ — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962.
 ЛЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по академическому списку.— М., 1962.
 ЛИН — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.— М.; Л., 1950.
 Слово — Слово о полку Игореве.— В кн.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. М.; Л., 1965.
 Хрестоматия — Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка.— М., 1952.— Ч. 1.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1	
ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ТЕКСТОВ СОСТАВИТЕЛЯ И РЕДАКТОРА КИЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ	
1. Лексика	15
2. Образные средства	31
3. Структура внутренней речи	45
4. Приемы организации текстового материала	53
Глава 2	
НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ XII В.	
1. Лингвистические доказательства существования летописи «Мстиславова племени»	77
2. Гипотеза об авторстве летописи «Мстиславова племени» и «Слова о полку Игореве» по данным лексического и синтаксического строя памятников	88
3. Системный анализ летописной лексики и версия о княжеском происхождении автора «Слова о полку Игореве»	104
Глава 3	
ДРЕВНЕРУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ XI—XII ВВ. В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	
1. Послания	109
2. Крестные грамоты	113
3. Речи	122
4. Структурная организация дипломатических текстов	137
Заключение	155
Приложение. Тексты посланий	158
Список сокращений	182

Вера Юрьевна Франчук

КИЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

СОСТАВ И ИСТОЧНИКИ
В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ
ОСВЕЩЕНИИ

*Утверждено к печати ученым советом
Института языковедения
им. А. А. Потебни АН УССР*

Редактор *Л. П. Марченко*

Оформление художника *А. Л. Омелянюка*

Художественный редактор *Р. И. Кальчи*

Технический редактор *Б. М. Кричевская*

Корректоры *Л. В. Малюта, А. С. Улезко*

ИБ № 7448

Сдано в набор 26.05.86. Подп. в печ. 05.11.86. БФ 01678.
Формат 60×90/16. Бум. тип. № 1. Лит. гарн. Выс. печ.
Усл. печ. л. 11,5. Усл. кр.-отт. 11,5. Уч.-изд. л. 13,35.
Тираж 2350. Заказ 6—1739.
Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Наукова думка».
252601 Киев 4, ул. Репина, 3.

Отпечатано с матриц Головного предприятия республиканского производственного объединения «Полиграфкнига», 252057 Киев 57, ул. Довженко, 3, в Киевской книжной типографии научной книги. 252004 Киев 4, ул. Репина, 4, Зак. 6-971.